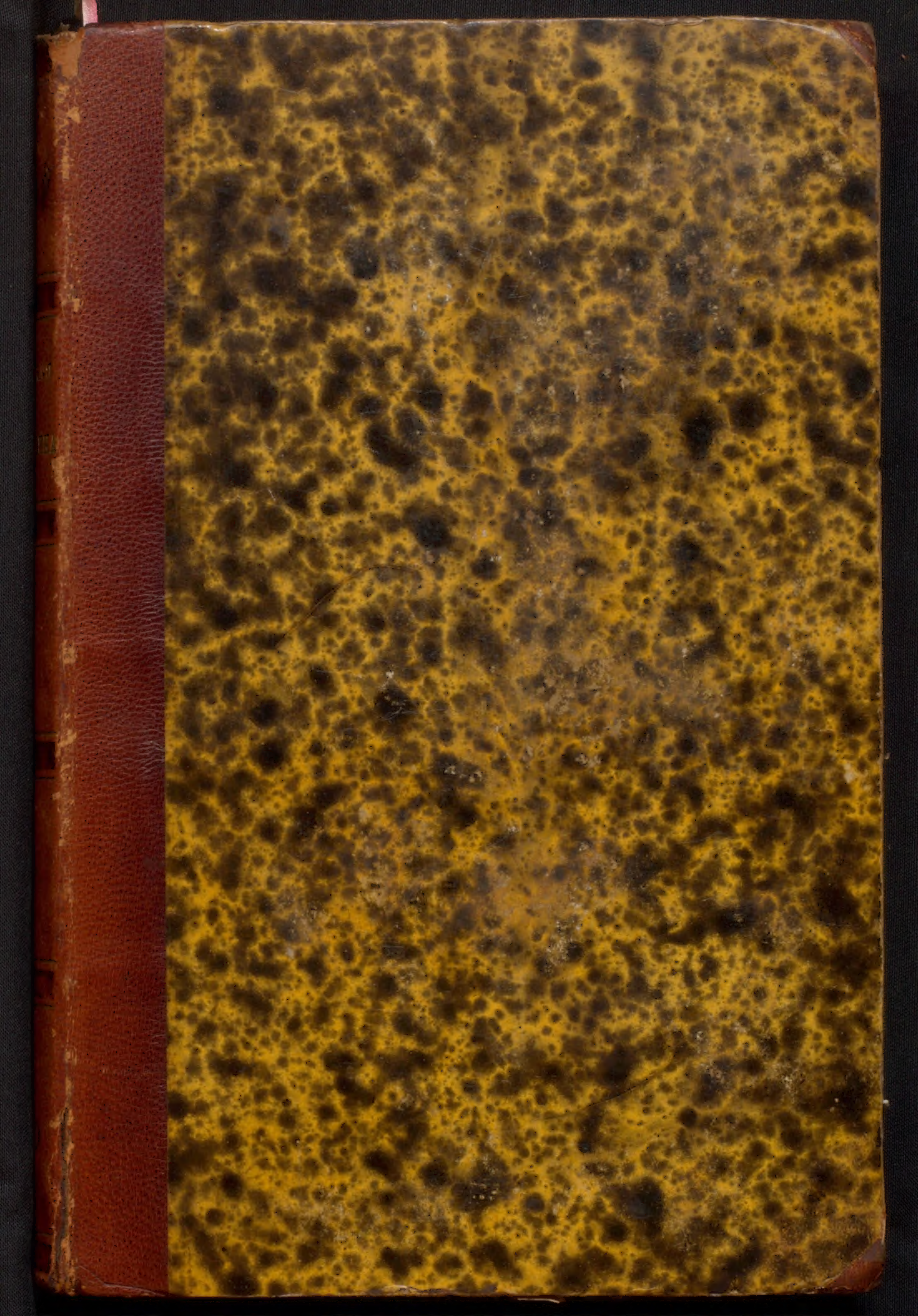

Экземпляр с ценз. пометами 16 дек 1804, особенно редкий, [illegible] см. Каталог [illegible] № 156, № 201 и [illegible] рукописи

О редкости данного издания см. [illegible] „Библиотеки..", том III, № 3734.

РУССКАЯ ГЕРАЛЬДИКА.

РУССКАЯ
ГЕРАЛЬДИКА.

СОЧИНЕНІЕ

Александра Лакіера.

КНИГА I.

Части: 1-я—исторія гербовъ Западной Европы; 2-я—Исторія печатей въ Россіи и 3-я—О Государственномъ и городскихъ гербахъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1855.

Печатать позволяется:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ, узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. Декабря 16-го 1854 года.

Ценсоръ Н. Ахматовъ.

Въ Типографіи II-го Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

ВВЕДЕНІЕ.

Господствующее у насъ о русскихъ гербахъ мнѣніе состоитъ въ томъ, что они простое подражаніе гербамъ западно-европейскимъ, и потому до сихъ поръ считали достаточнымъ, не касаясь нисколько исторіи отечественныхъ печатей и гербовъ, переводить на Русскій Языкъ иностранныя о геральдикѣ сочиненія. Вслѣдствіе чего и оставались необъясненными измѣненія, въ эмблеммахъ и аттрибутахъ нашихъ гербовъ происходившія. Такъ поступили Мальгинъ и Максимовичъ-Амбодикъ, изъ которыхъ первый подъ названіемъ *Начертаніе Гербовѣдѣнія* издалъ (въ 1805 г.) сочиненіе Гаттерера, а второй (въ 1811 г.) напечаталъ: «Избранныя эмблеммы и символы, на Россійскомъ, Латинскомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ и Англійскомъ языкахъ объясненныя». Хотя съ тѣхъ поръ во Франціи, Англіи и Германіи явилось не одно сочиненіе, отличающееся своимъ взглядомъ на науку о гербахъ и на ея исторію, мы однако остались при этихъ двухъ книгахъ, служащихъ и до

сихъ поръ единственнымъ пособіемъ и руководствомъ для нашихъ геральдиковъ.

Но мысль, что будто у насъ не можетъ быть отечественной геральдики, не можетъ быть самостоятельной науки о нашихъ гербахъ и печатяхъ, по нашему мнѣнію, ложная въ основаніи и послѣдствіяхъ. Чтобы однако уяснить, почему мы считаемъ себя въ правѣ идти на перекоръ общепринятому мнѣнію, необходимо ближе коснуться этого предмета и показать что̀ считается существеннымъ въ русскомъ, и что̀ въ иностранномъ гербѣ, и какъ образовался онъ у насъ и въ Западной Европѣ. Ближайшее разсмотрѣніе предмета заставляетъ удивляться, какъ мысль, столь ясная сама по себѣ и въ своемъ приложеніи къ практикѣ, мысль о томъ, что наши печати и гербы должны имѣть свою исторію и теорію, не была до сихъ поръ никѣмъ усвоена или по крайней мѣрѣ выражена! Можетъ быть, считали предметъ этотъ нестоющимъ подробнаго и особеннаго изученія, полагая, что печати нашихъ Князей были не иное что̀, какъ камеи, которые, бывъ вставлены въ ободочекъ съ именемъ того Князя, кому принадлежалъ перстень, получали характеръ печатей; что камеи эти часто мѣнялись, и особаго значенія историческаго не имѣли; что, далѣе, гербы у насъ учрежденіе слишкомъ новое и намъ несродное, чтобы стать предметомъ науки, и что въ составленіи ихъ отражается вполнѣ произволъ лицъ, ихъ составлявшихъ. Съ перваго взгляда возраженія эти кажутся такъ правдоподобны, что наука о гербахъ представляется чѣмъ-то невозможнымъ.

Дѣйствительно, печати нашихъ Князей и даже частныхъ людей были геммы, антики, вставленные въ именные ободочки, даже и безъ нихъ; правда, что недоста-

токъ геммъ и желаніе, даже необходимость пользоваться въ нѣкоторыхъ случаяхъ печатью, вызвала потребность въ поддѣлкѣ антиковъ; но не возлагаетъ-ли самое разнообразіе печатей и перстней обязанности на археолога изслѣдовать, почему тотъ или другой Князь, въ такихъ именно обстоятельствахъ, пользовался тѣмъ или другимъ изображеніемъ на печати? Не должно ли доискиваться связи между событіями жизни и тѣмъ, что представляла печать? Если бы однако, и открылся въ этомъ случаѣ полный произволъ, можетъ ли историкъ раскаяваться въ томъ, что сохранилъ для потомковъ слѣды дѣятельности предковъ и положилъ начало Русской сфрагистикѣ? Мы думаетъ однако, что и тутъ можно найти одно общее основаніе: первоначально печать была именная и завѣряла подпись руки, къ которой вообще, при маломъ распространеніи грамотности, не имѣли большаго довѣрія. Этотъ фактъ, общій всѣмъ странамъ и народамъ, нечуждъ и насъ. Неприкосновенность печати охранялась изображеніемъ Святого, по имени котораго назывался Князь, а надпись прямо свидѣтельствовала, чья она. Такимъ образомъ и у Князей печать была сначала личнымъ лишь знаменемъ и измѣнялась съ перемѣною лицъ, и только послѣ долгихъ колебаній, Тверь, потомъ Москва, избрали для себя въ печати твердый символъ, прямо соотвѣтствовавшій ихъ тогдашнему положенію: побѣда надъ врагами внѣшними и присоединеніе удѣловъ въ Москвѣ давало В. Князю право изобразить себя на конѣ поражающимъ дракона. Византія же предоставила Іоанну III-му, какъ преемнику Православія и Самодержавія Восточной Имперіи, двуглаваго орла. Мы готовы признать и Московскій гербъ первоначально геммою, нисколько не новою для археолога ни по идеѣ, ни по значенію; но видѣть въ выборѣ его произволъ

пер.

не позволяютъ современныя установленію печати обстоятельства и историческія свидѣтельства. Считаемъ неумѣстнымъ излагать здѣсь въ подробности данныя, которыя найдутъ себѣ мѣсто при изложеніи исторіи Московской печати; здѣсь мы можемъ замѣтить одно: въ XVI в., съ образованіемъ государственныхъ идей, является ясная мысль о государственномъ гербѣ и о гербахъ городскихъ. Потребность была въ печати съ особымъ для каждаго города изображеніемъ, чтобы отписка была достовѣрна, и государственная печать Іоанна Грознаго уже окружена гербами городовъ и странъ, въ титулѣ его упоминаемыхъ. Это фактъ, для насъ важный по послѣдствіямъ для частной геральдики. Но не были ли и городскіе гербы выдуманы и произвольны? Они такъ древни, что начало ихъ часто необъяснимо; но произвола и здѣсь не было. На древнѣйшихъ напр. Кіевскихъ печатяхъ вы видите Архангела Михаила. Изображеніе не отличается изяществомъ, оно не отдѣлано, неполно; но смыслъ его ясенъ: Кіевъ есть центръ, изъ котораго на всю Россію излилось Православіе. Съ теченіемъ времени, не позже XVI вѣка, на Кіевской печати вы опять видите Архангела Михаила съ мечемъ и щитомъ, и съ тѣхъ поръ *знамя* это уже не сходитъ съ Кіевскаго герба. Другой примѣръ Псковская печать: на ней барсъ съ XII вѣка. Эмблемма эта видна на древнихъ Псковскихъ деньгахъ, и отсюда перешла она въ Псковской гербъ съ нѣкоторыми геральдическими аттрибутами. Такихъ примѣровъ послѣдующее изложеніе представитъ нѣсколько.

Это факты изъ исторіи печатей велико-княжескихъ. Подобно имъ были историческія начала и для печатей частныхъ лицъ. Духовенство имѣло на своихъ печатяхъ опредѣленныя, постоянныя изображенія, которыя

видоизмѣнялись сообразно сану лица, подробно означенному на самой печати. Матеріалъ даже, изъ котораго она дѣлалась, снурокъ для привѣшиванія печати, форма, въ которой прикладывалась она, все было усвоено обычаемъ и потомъ освящено закономъ. Другія частныя лица употребляли такъ же, какъ и Князья, геммы иностранныя или въ Россіи сдѣланныя, или печати именныя. Для присутственныхъ мѣстъ были свои печати, выражавшія характеръ ихъ занятій: на печати таможни видимъ вѣсы, на печати земскаго приказа домъ, сытнаго рыбу и т. п.

При тѣхъ данныхъ, которыя или уже извѣстны или частными усиліями могли быть собраны вновь, многое открывается что́ говоритъ противъ общепринятаго мнѣнія; не сомнѣваемся, что гораздо больше данныхъ откроется при содѣйствіи лицъ, которыя ближе къ источнику, лишь бы они были проникнуты мыслію, что Русское должно быть дорого Русскому, что на отечественныя учрежденія должно смотрѣть съ Русской точки зрѣнія, не примѣняя къ нимъ произвольно тѣхъ началъ, которыя имъ чужды. И дѣйствительно, что́ можетъ быть проще слѣдующаго заключенія: практика и законодательство всегда требовали приложенія къ актамъ печатей; они подтверждали подпись или даже замѣняли ее для безграмотнаго. Печати привѣшивались къ грамотамъ, прикладывались къ бумагамъ числомъ иногда до 10 и болѣе, слѣд. имъ давалась вѣра, а безъ твердыхъ правилъ для ихъ составленія, безъ ихъ общеизвѣстности, этого предположить нельзя. Дѣло науки ихъ уяснить, а это можно сдѣлать только тогда, когда явится убѣжденіе въ ея возможности; можетъ сдѣлать только тотъ, кто проникнутъ такою мыслію.

Труднѣе по видимому защитить самостоятельность Русской Науки о гербахъ: это говорятъ, установленіе рыцарское, и Россіею заимствованное съ Запада безъ измѣненія. Но что́ такое были гербы на Западѣ? Гербы суть знаки отличія дворянскихъ родовъ, слѣд. чтобы гербы у насъ имѣли то же значеніе и ту же исторію, какъ въ Западной Европѣ, необходимо, чтобы и развитіе дворянства нашего было то же, какое было на Западѣ. А между тѣмъ существенная разница очевидна. Западное дворянство, рыцарство (chevallerie) было дворянство исключительно феодальное. У насъ же, совершенно на оборотъ, не было ни основъ для того, чтобы это рыцарство могло возникнуть, ни причинъ, по которымъ на Западѣ оно пустило корни, развилось и, обнявъ собою всѣ вѣтви народной жизни, выразилось преимущественно въ гербахъ, какъ необходимой своей принадлежности. Крестовые походы и турниры положили прочное основаніе полному развитію гербовъ. Въ противоположность дворянству западному, наше дворянство было родовое по собственности и по пожалованію за службу. А именно, Князья, перешедшіе послѣ ослабленія удѣловъ и присоединенія ихъ къ Москвѣ, изъ младшей братьи Московскаго Великаго Князя, какъ старшаго брата, въ *подручниковъ*, служебныхъ Князей Государя и обладателя всея Руси, стали во главѣ дворянства Русскаго, въ которое затѣмъ вошли Цари, Царевичи инородные, роды Татарскіе, Польскіе и иные, далѣе пожалованные въ бояре, окольничіе, дворяне, служилые люди всѣхъ разрядовъ и племенъ. Званіе это было наслѣдственное, и всякій, принадлежавшій къ благородному семейству, не могъ выйти изъ своей сферы безъ особенно важныхъ причинъ, а старшинство его въ своемъ родѣ давало

лицу извѣстное, обычаемъ опредѣленное и царскими приговорами освященное мѣсто въ общей служебной іерархіи. Малѣйшее нарушеніе этого порядка влекло за собою споры о мѣстахъ, споры при чтеніи и разборѣ которыхъ дивишься не столько терпѣнію тѣхъ, кто повѣрялъ притязанія споривпихъ, сколько памяти самихъ *мѣстниковъ*, которые такъ хорошо знали происхожденіе своихъ родовъ, развѣтвленіе ихъ, гдѣ и какъ служилъ каждый изъ его членовъ, что тянули эту нить и въ восходящихъ и боковыхъ линіяхъ, и если ошибались, то почти всегда нарочно, или, выражаясь технически, *облыгали разряды*.

Кто одерживалъ разъ верхъ надъ другимъ родомъ, тотъ всегда ссылался на этотъ случай, который становился основаніемъ его правъ и преимуществъ, и притомъ не по отношенію только къ тому роду, съ кѣмъ онъ мѣстничался, но и ко всякому другому, который приходилъ къ нему въ прямое или косвенное соотношеніе. Родословецъ былъ корнемъ и основаніемъ старшинства; но на гербъ, на знакъ, который былъ на щитѣ, на форму шлема не было и не могло быть ссылки. На Западѣ, напротивъ, дворянинъ, котораго щитъ былъ опороченъ герольдомъ, тѣмъ самымъ лишался права участія въ турнирахъ и другихъ играхъ людей благородныхъ.

Далѣе, какъ древнѣйшіе княжескіе роды, ведущіе себя отъ Рюрика и Мономаха, кромѣ родословныхъ книгъ, доказываютъ свое благородное происхожденіе родовою своею собственностію, хотя и раздробившеюся, тѣмъ не менѣе ненарушимою въ своемъ началѣ, такъ и другіе дворянскіе роды находятъ подтвержденіе своего благородства въ родовой своей собственности, въ вот-

чинахъ и помѣстьяхъ, полученныхъ за службу или по наслѣдству.

Родовое начало, лежащее въ основѣ образованія нашего благороднаго дворянства, должно послужить исходнымъ пунктомъ и для отечественной геральдики. Не говоря объ иностранныхъ дворянскихъ родахъ, пришедшихъ на службу къ Русскому Царю и могшихъ сохранить свои гербы, мы смѣемъ утверждать, что гербы наши были мѣстные и давались съ тѣми или другими фигурами: 1) по родовой собственности, 2) по происхожденію, далѣе 3) по заслугамъ, и наконецъ 4) по соотвѣтствію съ прозваніемъ лица.

Первое начало родовой собственности вполнѣ примѣнимо къ гербамъ фамилій княжескихъ и дворянскихъ, отъ удѣльныхъ князей происшедшихъ, второе различіе— по происхожденію отъ того или другаго племени къ выѣзжимъ родамъ, третье—къ служилымъ людямъ, а послѣднее начало—къ прочимъ гербамъ.

Что касается до княжескихъ гербовъ, то высказанное положеніе родовой собственности важно для науки: оно открываетъ средство не только по первому взгляду на гербъ сказать чей онъ, отъ какого напр. поколѣнія Князей, т. е. Черниговскихъ ли, Ярославскихъ и т. д. лицо происходитъ, но и указать, какое мѣсто родъ, гербъ имѣющій, занимаетъ въ ряду семействъ, отъ того же корня происшедшихъ. Старшіе въ родѣ напр. имѣютъ одну только фигуру, которая у втораго поколѣнія является уже въ первой четверти и т. д.—Гербы, говорятъ иные, явленіе новое; но если даже оставить безъ вниманія, что печать Кн. Пожарскаго со всѣми признаками герба принадлежитъ началу XVII в., если не упоминать о свидѣтельствахъ, предводителями дворянства выдаваемыхъ

при представленіи гербовъ къ утвержденію, что они употребляются издавна, если говоримъ и дѣйствительно гербы эти новые, то эмблеммы въ нихъ утверждены вѣками и нисколько не произвольны. Подробностей мы тутъ касаться не можемъ, но вотъ основная мысль наша. Отъ Владиміра Святого и сыновей его пошли многія поколѣнія Князей Великихъ и Удѣльныхъ. Каждое изъ нихъ имѣло свой родовой городъ, который, переходя къ старшему, сохранялся въ его поколѣніи, удѣлъ же дробился до безконечности по общимъ правиламъ о наслѣдованіи недвижимой собственности. Наконецъ, есть Князья, которые, хотя и происходятъ отъ владѣтельныхъ Князей, но не носятъ уже княжескаго титула, ибо не имѣютъ удѣловъ. Одинъ общій у такихъ родовъ корень всегда означается гербомъ родовымъ, котораго, повторяемъ, мѣсто измѣнялось въ щитѣ, смотря по старшинству рода; видовыя же отличія условливались, съ одной стороны, знаменемъ того видоваго города, который лично достался въ удѣлъ той или другой отрасли княжескаго дома, а съ другой стороны, могли быть усвоены лицу по его доблестямъ и заслугамъ. Родословныя однѣ могутъ объяснить русскую геральдику частныхъ лицъ, и хотя подробное изученіе княжескихъ гербовъ нашихъ показываетъ нѣкоторыя изъятія изъ общаго правила о расположеніи въ гербѣ входящихъ въ него фигуръ, это объясняется желаніемъ каждаго поставить родъ свой выше, дать ему преимущество старшинства или составляетъ исключеніе, нисколько неотнимающее силы у общаго правила.

Но если объясненіе гербовъ нашихъ зиждется на объясненіи родословныхъ, то и послѣднія на оборотъ дополняются свѣдѣніями, заимствованными изъ геральдики.

Родъ литовскихъ князей, отъ Гедимина происшедшихъ, лучше другихъ объяснитъ нашу мысль. Многія изъ отраслей этого рода выѣхали съ давнихъ временъ въ Польшу, гдѣ и остаются до настоящаго времени. По видимому связь между напр. Князьями Четвертинскими, Корецкими съ одной стороны и кн. Голицыными съ другой должна бы прекратиться, но гербъ свидѣтельствуетъ о единствѣ ихъ происхожденія. Одна эмблема *погонь* прямо говоритъ, что у нихъ была одна родовая собственность, по которой имъ и дано общее знамя. Ни въ какой иностранной геральдикѣ нельзя найдти объясненія такого явленія: оно чисто Русское. На Западѣ гербъ избирался лицомъ, у насъ онъ дается наслѣдственнымъ городомъ. На Западѣ онъ передавался потомку лица, у насъ наслѣднику родоваго города. Гербъ западный вообще есть свидѣтельство личныхъ доблестей, но только къ древней геральдикѣ русской вполнѣ примѣнимо правило: «покажите мнѣ вашъ гербъ: я скажу, какого вы рода». Основное правило нашей геральдики княжеской, самой древней и занимательной, такъ просто, что всякій, кто знаетъ гербы Кіева, Новгорода, Литвы, Ярослава, Стародуба, Бѣлаозера, Смоленска, можетъ по гербу прочитать, къ какой отрасли князей родъ принадлежитъ, гдѣ княжилъ его родоначальникъ; а если будетъ составлена подробная родословная карта русскихъ княжескихъ семействъ, то по ней безъ труда при этихъ данныхъ найдется искомый родъ. Геральдика княжеская должна дойти до пяти, шести эмблеммъ, къ которымъ приписаны семейства по ихъ происхожденію. Самое слово *гербъ*, означающій наслѣдство недвижимой собственности, слово общее всѣмъ Славянскимъ племенамъ, не оставляетъ мѣста сомнѣваться въ воззрѣніи

нашихъ предковъ на гербъ, какъ на наслѣдство, переходившее вмѣстѣ съ вотчиною и дѣдиною.

Другіе дворянскіе роды, непроисходящіе отъ Владиміра Святого, очевидно не могутъ помѣщать эмблеммы въ своихъ гербахъ по началу родовой собственности. Вмѣсто того у нихъ являются другія начала, а именно:

1) Для родовъ выѣзжихъ начало происхожденія. Множество родовъ выѣзжихъ, окружавшихъ Московскаго Великаго Князя, въ послѣдствіи Русскаго Царя и перешедшихъ въ русскую службу по присоединеніи къ Москвѣ Казани, Астрахани, Сибири, провинцій Остзейскихъ и иныхъ, были возведены въ дворянство Русское, и гербъ ихъ прямо свидѣтельствуетъ, откуда они родомъ. Глазъ русскаго геральдика долженъ по нѣкоторымъ аттрибутамъ узнать, какого племени родъ, тотъ гербъ имѣющій, и тутъ опять является наука для уясненія, какія отличительныя примѣты въ гербахъ родовъ, происшедшихъ отъ Татаръ, Поляковъ, Нѣмцевъ и т. д. У первыхъ наприм. у Татарскихъ родовъ въ обширномъ смыслѣ слова, безъ различія еще мелкихъ типовъ, постоянно видны луна, крестъ и сабля, въ томъ или другомъ положеніи, съ тѣми или другими аттрибутами, и какія иныя эмблеммы могъ избрать для себя мусульманинъ по происхожденію, обратившійся въ Христіанство и добывшій себѣ дворянство отличіемъ на полѣ брани? — Далѣе подкова служитъ отличительною примѣтою для большей части родовъ дворянскихъ, ведущихъ свое начало изъ Польши и Литвы. Только потомки дѣйствительно владѣтельныхъ родовъ сохранили въ гербѣ своемъ знамя своей вотчины, напр. у Князей Сибирскихъ, потомковъ Кучума, вы видите въ гербѣ печать сибирскую.

Правило, что гербъ дворянъ выѣзжихъ долженъ свидѣтельствовать о происхожденіи ихъ родоначальниковъ, имѣетъ практическое примѣненіе: если желающій имѣть гербъ докажетъ, что предки его идутъ напр. отъ Нѣмцевъ, тѣмъ самымъ онъ высказываетъ, что ему слѣдуетъ помѣстить въ гербѣ тѣ аттрибуты, которые отличаютъ гербы этого рода. Побочные аттрибуты, кромѣ главнаго, родоваго, условливаются личными заслугами, доблестями, обстоятельствами, которыя должны мотивироваться въ каждомъ частномъ случаѣ особымъ объясненіемъ; но произвола и при этомъ быть не должно.

2) Далѣе въ гербахъ родовъ Русскихъ, возведенныхъ за службу въ дворянство и даже званія высшія, какъ то княжеское и графское, наука отыскиваетъ общія начала. Роды, напр. возведенные въ дворянство Императрицею Елисаветою Петровною, въ 1741 году, имѣютъ гербы *ландмилицкіе*, которыхъ исторія еще не тронута. Можно даже найти правила, по которымъ въ гербахъ разныхъ царствованій высказывалось самое пожалованіе; въ царствованіе напр. Екатерины II-й символомъ этого служила Императорская корона, помѣщенная въ щитѣ одна или съ другими аттрибутами, при Императорѣ Павлѣ Петровичѣ — Государевъ вензель. У пожалованныхъ графскимъ и княжескимъ достоинствами родовъ государственный гербъ въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, положеніяхъ и раздѣленіяхъ останется навсегда свидѣтельствомъ кто, когда и за что̀ удостоился пожалованія.

Въ гербѣ человѣка, достигшаго дворянскаго достоинства заслугами на томъ или другомъ поприщѣ, должна быть помѣщена эмблемма въ щитѣ, въ нашлемникѣ ли, которая бы напоминала потомкамъ доблести ихъ предка. Бо́льшая часть дворянъ по службѣ стяжали это отличіе

на полѣ брани: сабли, пушки, ядра и иные аттрибуты этого рода суть лучшія свидѣтельства военной доблести, какъ корабль, якорь выразительны въ гербѣ моряка, перо въ гербѣ дипломата, писателя.

Наконецъ 3) Начало соотвѣтствія съ прозваніемъ, фамиліею лица нашло себѣ примѣненіе ко многимъ гербамъ дворянскихъ родовъ, такое сближеніе допускавшихъ. Это armes parlantes нашей геральдики и будутъ въ послѣдствіи исчислены подробно.

При такомъ воззрѣніи на отечественную геральдику, мы не думаемъ, чтобы наука о ней считалась невозможною. Напротивъ, она, какъ всякая наука, должна освѣтить темное и объяснить смыслъ того что̀ для инаго, непосвященнаго въ ея тайны, кажется случайнымъ, непонятнымъ.

Основательнаго изученія тѣмъ болѣе можно требовать отъ нашей геральдики теперь, когда есть уже не одна тысяча Высочайше утвержденныхъ для всѣхъ степеней Русскаго Дворянства гербовъ: дѣло науки указать на ихъ начала и историческія основанія. Этотъ-то трудъ мы и рѣшились предпринять и, сознавая всю нелегкость выполненія предположенія нашего, мы считаемъ его только опытомъ и тѣмъ сами признаемъ его несовершенство и неполноту.

Метода, которой мы слѣдовали при изложеніи нашего предмета, историческая. Не пренебрегая фактами, памятниками, которыхъ завистливая древность такъ мало сохранила для потомства, мы старались объяснить ими исторію печатей, предшествовавшихъ гербамъ. Съ XVI вѣка для государственной печати, и съ XVII для печатей частныхъ лицъ произошла перемѣна существенная: гербъ государственный и гербы княжескихъ и дворян-

скихъ родовъ устанавливаются, приводятся въ систему и въ концѣ прошлаго столѣтія начали издавать гербовникъ. До сихъ поръ издано гербовника 10 томовъ; но далеко не всѣхъ дворянскихъ родовъ гербы утверждены, и тогда, когда на Западѣ Европы они вмѣстѣ съ родовымъ дворянствомъ потеряли свое прежнее значеніе, учрежденіе это развивается у насъ все болѣе и болѣе, и никогда сочиненіе гербовъ новыхъ не было въ такой мѣрѣ подчинено строгимъ правиламъ науки, какъ въ настоящее благословенное Царствованіе.

Сообразно этому историческому ходу развитія у насъ печатей, мы должны были начать съ нихъ какъ съ основанія, и изложить ихъ въ слѣдующей системѣ: печати В. Князя Кіевскаго, Московскаго, Князей Удѣльныхъ и довести свое изложеніе до тѣхъ поръ, когда образовались гербы Московскій и Государственный съ одной стороны и гербы Княжескихъ фамилій и происшедшихъ отъ нихъ дворянскихъ съ другой; 2) печати городовъ, послужившихъ основаніемъ для тѣхъ изображеній, которыя находимъ въ фамильныхъ княжескихъ гербахъ; 3) печати духовенства, для котораго гербовъ особенныхъ и не образовалось, не смотря на попытку Петра Могилы и Патріарха Никона сочинить для себя гербъ; 4) печати должностныхъ лицъ и присутственныхъ мѣстъ, пока общій государственный гербъ не замѣнилъ ихъ, и 5) печати частныхъ лицъ.

Имѣя въ виду при изложеніи исторіи печатей только показать, какъ онѣ постепенно перешли въ гербы и чѣмъ гербы замѣнялись въ древней Руси, мы, разумѣется, считали себя въ правѣ не излагать полной науки о печатяхъ, русской сфрагистики, хотя думаемъ, что наши розысканія не могутъ быть совершенно чужды этой у

насъ еще новой науки. Мы не называемъ, конечно, всѣхъ печатей XII, XIII и т. д. вѣковъ гербами, потому что они, не бывъ наслѣдственными, измѣнялись, но изъ сравненія доступныхъ намъ печатей, сохранившихся на грамотахъ, духовныхъ завѣщаніяхъ, разнаго рода памятяхъ, отпискахъ, сдѣлкахъ, на тронахъ, братинахъ, чашахъ, ложкахъ, тарелкахъ и т. п., мы старались вывести общія для составленія печатей начала. Этимъ-то путемъ мы доходимъ до эпохи, когда Правительство дало этой части государственнаго управленія устройство, съ того времени постоянно совершенствующееся.

При изложеніи русской геральдики мы соотвѣтственно тѣмъ же началамъ, которыя легли въ основаніе системы, принятой для печатей, прослѣдимъ образованіе Русскаго Государственнаго Герба во всѣхъ подробностяхъ его составныхъ частей: щита, короны, положенія крыльевъ орла, скипетра и державы, потомъ перейдемъ къ гербамъ княжескихъ и дворянскихъ родовъ, происходящихъ отъ Мономаха, затѣмъ къ родамъ иностраннымъ, принятымъ въ Русское Дворянство и сохранившимъ въ гербахъ своихъ существенныя по происхожденію ихъ принадлежности, и наконецъ изложимъ отличительныя черты гербовъ прочихъ дворянскихъ фамилій.

Считаемъ излишнимъ прибавлять, что далеко не всѣ гербы могутъ найти себѣ мѣсто въ нашей книгѣ, хотя основныя положенія и результаты науки должны быть выведены изъ подробнаго и добросовѣстнаго всѣхъ изъ разсмотрѣнія. Такое именно отвлеченіе отъ частностей составляетъ, по нашему мнѣнію, достоинство науки, которая не должна теряться въ мелочахъ, хотя безъ нихъ не можетъ быть общаго вывода.

Если однако мы говоримъ, что возможна геральдика, построеная на отечественныхъ основахъ, отличная отъ геральдики иностранной, если далѣе исторія образованія у насъ гербовъ слѣдовала совсѣмъ инымъ правиламъ; тѣмъ не менѣе есть у насъ и нѣчто общее съ геральдикою Западной Европы. Это внѣшняя, такъ сказать, обстановка герба: щитъ, шлемъ, наметъ, украшенія, дѣйствительно намъ несродныя и заимствованныя съ Запада въ XVIII уже столѣтіи. Въ гербахъ русскихъ древни эмблеммы, а цвѣту, которымъ окрашивалось поле щита, положенію даже фигуръ не придавалось особой важности, и правила для всего этого даны въ прошломъ столѣтіи. Въ настоящее время какъ тѣ, такъ и другія подлежатъ одинаковому вниманію. Это-то обстоятельство и возложило на насъ обязанность въ самомъ началѣ нашей геральдики изложить исторію гербовъ въ Западной Европѣ, — исторію, въ которой мы въ краткомъ очеркѣ покажемъ ихъ происхожденіе, поводы къ развитію и тѣ формы, которыя обще приняты геральдикою всѣхъ странъ для составленія гербовъ. Подобнаго историческаго очерка не доставало нашей ученой литературѣ, а безъ него насъ могли бы упрекнуть въ неполнотѣ и неясности изложенія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ИСТОРІЯ ГЕРБОВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Символы и печати у древнихъ народовъ и въ средніе вѣка (*).

§ 1.

Общее, преобладающее у насъ мнѣніе о происхожденіи русскихъ гербовъ, о входящихъ въ нихъ эмблеммахъ, равно какъ геральдическихъ аттрибутахъ, состоитъ въ томъ, что наши гербы заимствованы изъ Западной Европы. Съ перваго раза мнѣніе это кажется

(*) Источниками для изложенія этой главы служили:

1. *Menestrier.* Nouvelle methode raisonnée du blason. 1677. Lion.

2. Его же: Origine etvraie pratique de l'art du blason. 1659.

3. *Kopp.* Entshehung der Wappen.

4. *Natalis de Wailly.* Eléments de Paléographie. 2 vol. Paris. 1838.

5. *Eysenbach.* Histoire du blason et science des armoiries. Tours. 1848.

6. Mittheilungen der Zürichschen Gesellschaft fürvaterlândische Alterthümer. XII. 1848.

7. Notice sur l'origine des armoiries. Annalles del'Academie d'archeologie Belgique. Anvers. 1849

такъ правдоподобнымъ, что мы считаемъ долгомъ оговориться: внѣшніе аттрибуты для герба, форма щита (écu) и краски (émaux, couleurs) не наши и конечно перешли къ намъ съ Запада; но идея гербовъ Русскихъ, въ отличіе отъ гербовъ Западной Европы, совсѣмъ иная. Для доказательства этого мы считаемъ необходимымъ предварительно пробѣжать исторію западно-европейскаго герба. Это кажется намъ тѣмъ болѣе полезнымъ и любопытнымъ, что въ это изложеніе должны будутъ войти важнѣйшія, по крайней мѣрѣ, мнѣнія о времени и происхожденіи герба, о его составныхъ частяхъ, техническихъ названіяхъ и т. д. — Многіе изъ предложенныхъ вопросовъ до сихъ поръ еще не рѣшены и они имѣютъ свой интересъ въ наукѣ.

§ 2.

Изслѣдователи по части геральдики обыкновенно оставляютъ совершенно безъ объясненія самое слова blason, armoirie, Wappen, какъ понятіе слишкомъ общеизвѣстное для того, чтобы оно могло нуждаться въ поясненіи. Оттого *гербъ* смѣшиваютъ съ символами, символическими разнаго рода знаками, ведутъ его начало съ глубокой древности и не отличаютъ гербовъ отъ печатей, хотя право имѣть печать далеко не то, что право на гербъ.

Мы остановимся на этомъ, чтобы объяснить разницу между смѣшиваемыми понятіями и начнемъ съ символовъ. Чѣмъ народъ юнѣе, чѣмъ живѣе въ немъ воображеніе, тѣмъ болѣе привязанъ онъ къ отвлеченнымъ символамъ; и нѣтъ ничего неестественнаго, что знаками этими искони отличались отдѣльныя лица, колѣна, города, царства и народы, какъ одинъ отъ другаго, такъ благород-

ные отъ неблагородныхъ, знатные отъ незнатныхъ. Эмблеммы въ этомъ случаѣ брались по большей части изъ видимаго міра, и особенно изъ царства животныхъ. Всякому животному придавались особенныя свойства и качества: одинъ предпочиталъ символъ льва, какъ идею благородной отваги; другой змѣи—символъ хитрости и мудрости, и т. п. Были даже археологи, которые производили слово blason отъ еврейскаго sobal (носить), разумѣя подъ этимъ словомъ знаки, постоянно носимые одними въ отличіе отъ другихъ. Мы увидимъ дальше, въ какой мѣрѣ производство это правильно.

§ 3.

Въ Греціи и Римѣ, точно такъ, какъ у древнихъ Персовъ, Египтянъ, Мидянъ и другихъ народовъ древности (¹), встрѣчаются символы, постоянно повторяющіеся на монетахъ, медаляхъ и печатяхъ. Символъ, Коринѳомъ напр. избранный, былъ пегасъ, Аѳинами сова, Пелопонезомъ черепаха, Ѳивами щитъ, Самосомъ павлинъ, Родосомъ роза (соотвѣтственно названію ῥόδον). Символы эти переходили и на печати; такъ на Помпеевой былъ изображенъ левъ съ мечемъ, у Цесаря видимъ вооруженную Венеру, у Плинія Младшаго колесницу и т. п. Писатели древности сохранили намъ не одно свидѣтельство объ употребленіи и даже наслѣдственности символовъ; такъ Овидій (²) прямо упоминаетъ о «signa generis

(¹) Символы всѣхъ древнихъ народовъ исчислены въ извѣстномъ сочиненіи іезуита Petra-Sancta: Tesserae gentiliciae a Silvestro Petra Sancta Romano Societatis Jesu ex legibus fecialium descriptae. (1637. (in 4°). Рисунки этихъ символовъ и между прочимъ колѣнъ Израилевыхъ въ *Spener* Insignium theoria seu operis heraldici pars generalis. Francofurti. 1690. p. 39

²) Metamorphos. VII, 423.

in capulo gladii eburneo,» а Светоній (1) о «vetera familiarum insignia». Такихъ свидѣтельствъ встрѣчается не мало, и основываясь на нихъ-то, писатели среднихъ вѣковъ видѣли въ символическихъ изображеніяхъ начало гербовъ. Такому смѣшенію этихъ двухъ понятій несродныхъ способствовали отчасти слѣдующія обстоятельства: 1) что и древніе обращали вниманіе на цвѣта. Доказательствомъ тому служатъ существовавшія въ Римѣ и Константинополѣ партіи въ циркѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ партіи убѣжденій, различавшіяся по цвѣту одежды: бѣлые и красные, позднѣе голубые и зеленые (2). Далѣе судьи въ Аѳинахъ и Платеѣ, въ Римѣ кандидаты на должности и почти всѣ сановники одѣвались въ бѣлыя тоги; пурпуръ былъ цвѣтомъ боговъ и царей. Магометъ носилъ черный плащъ, который послѣ него надѣвали халифы, въ знакъ преемственности власти отъ лжепророка; а зеленый тюрбанъ, сохранившійся въ гербѣ Оттоманской Порты, и теперь еще означаетъ у Турокъ магометова потомка. Въ средніе вѣка Евреи нашивали себѣ на платье кружокъ изъ желтаго сукна. Но всѣ эти и подобные имъ примѣры показываютъ одно, что народъ, какъ и человѣкъ въ отдѣльности, предпочитаетъ тотъ или другой цвѣтъ, никакъ не болѣе. Гораздо многозначительнѣе другое обстоятельство, а именно 2) то, что изображенія знаковъ символическихъ носились на оружіи. Для примѣра мы приведемъ слѣдующее описаніе Есхиломъ щитовъ семи вождей, подъ Ѳивами сражавшихся. Всякій изъ семи героевъ предводительствовалъ особымъ

---

(1) Suetonius in Claudio, c. 35.

(2) Подробное описаніе цвѣтовъ партій въ циркѣ и отношенія ихъ къ цвѣтамъ гербовъ находимъ въ приведенномъ сочиненіи Петра Санкты стр. 25: «de colorum usu in ludiscircensibus»

отрядомъ и отличался своимъ щитомъ. Первый витязь Тидей носилъ на своемъ щитѣ эмблемму: вычеканенное небо, усѣянное звѣздами, между которыми отличалось блескомъ одно свѣтило. Второй вождь Капаней имѣлъ на щитѣ изображеніе обнаженнаго человѣка, несшаго въ рукѣ горящій факелъ съ девизомъ: «сожгу городъ». У третьяго на щитѣ вооруженный воинъ взлѣзаетъ по лѣстницѣ на непріятельскую башню и въ девизѣ объявляетъ, что самъ Марсъ его не сдвинетъ. Четвертый вооруженъ щитомъ, на которомъ Тифонъ изрыгаетъ изъ огненной пасти черный дымъ, а вокругъ изображены переплетшіяся змѣи. У пятаго сфинксъ держитъ подъ когтями Кадма. Шестой витязь исполненъ мудрости и не имѣетъ на своемъ щитѣ никакой эмблеммы: онъ не хочетъ выдавать себя за храбреца, онъ хочетъ быть имъ. Седьмой наконецъ обороняется щитомъ, на которомъ женщина ведетъ воина, вычеканеннаго изъ золота; она умѣряетъ его шаги и говоритъ въ девизѣ: «я сама справедливость, я одушевляю этого человѣка, возвращу ему его отечество и наслѣдіе предковъ».

Воздерживаясь отъ приведенія другихъ примѣровъ, мы замѣтимъ только, что всѣ они доказываютъ не болѣе, какъ существованіе знаковъ отличій, избранныхъ вождями или данными предводителями дружинѣ. Овидій и Виргилій постоянно изображаютъ своихъ героевъ носящими на шлемахъ и щитахъ arma, insignia, но общаго съ гербами въ этихъ символахъ нѣтъ ничего.

§ 4.

Переходимъ къ печатямъ. Существованіе ихъ очень древне, и они также приводились въ доказательство упо-

требленія гербовъ задолго до рыцарства и турнировъ. Сходство между ними заключается въ томъ, что какъ гербы со щитовъ перенесены на печати и въ такомъ видѣ употребляются въ подкрѣпленіе воли лица, дающаго актъ или вообще дѣлающаго какое нибудь распоряженіе, причемъ печать принимается за необходимую принадлежность извѣстнаго лица; такъ и у древнихъ Римлянъ перстнямъ (annuli signatorii, sigillarii и cerographi) было придаваемо особое значеніе. Сенаторы и всадники носили кольца золотыя, а плебеи—желѣзныя, если только они не получали права на золотое кольцо за подвиги храбрости или важныя государственныя заслуги вообще. Въ послѣдствіи, когда древнія существенныя различія между сословіями Рима стали мало по малу сглаживаться, отличіе это утратило свое первоначальное значеніе и полученіе его не было уже сопряжено съ такими требованіями и затрудненіями, какъ прежде.

Конечно перстни эти были драгоцѣнны не только по богатству ихъ украшеній, но и по тѣмъ фигурамъ, которыя на нихъ были изображены: портретъ государя, предка, друга, или какого либо знаменитаго человѣка, эмблемма событія важнаго для государства, для извѣстной фамиліи или для отдѣльнаго лица заставляли дорожить подобными кольцами. Въ доказательство мы можемъ привесть нѣсколько особенно разительныхъ примѣровъ: Силла велѣлъ себѣ сдѣлать перстень, на которомъ Бохъ, Король Мавританскій, представленъ выдающимъ ему Югурту, перваго виновника его соперничества съ Маріемъ. На перстнѣ Помпея были высѣчены три трофея: эмблемма его побѣдъ въ трехъ частяхъ свѣта. У Императора Августа на кольцѣ былъ изображенъ сначала сфинксъ, потомъ лицо Александра и наконецъ

его собственное. Потомки продолжали пользоваться кольцомъ предка. Перстнемъ запечатывались обыкновенно письма и депеши; а что изображенія на нихъ (signa) имѣли опредѣленное, оффиціальное, т. е. значеніе, доказывается тѣмъ, что достаточнымъ считалось приложеніе печати для того, чтобы распоряженіе имѣло законную силу.

Правило это древне, повсемѣстно и вполнѣ объясняется малымъ распространеніемъ грамотности между древними народами, для которыхъ болѣе видимые знаки были осязательнѣе. Изъ множества свидѣтельствъ приведемъ въ подтвержденіе одно болѣе рѣзкое. Въ Книгѣ Царствъ (III, гл. 21 ст. 8, 11) сохранилось слѣдующее извѣстіе: «и написа Іезавель книгу на имя Ахаавле и запечата ю печатью его, и посла книгу къ старѣйшинамъ и свободнымъ живущимъ съ Навуѳеемъ . . . и сотвориша тако мужіе града старѣйшіи». Значеніе печати предполагаетъ ея общеизвѣстность и неизмѣнность. Отъ народовъ восточныхъ печати перешли къ Грекамъ и Римлянамъ, а отъ сихъ послѣднихъ къ германскимъ племенамъ среднихъ вѣковъ.

Какъ римскіе законы требовали приложенія печатей къ судебнымъ актамъ и сдѣлкамъ разнаго рода, такъ и племена, поселившіяся на римской почвѣ, вмѣстѣ съ узаконеніями Рима усвоили себѣ и этотъ обычай. Частные случаи изъ VI, VII и послѣдующихъ столѣтій подтверждаютъ это [1], но тѣмъ не менѣе обыкновеніе прикладывать печать сдѣлалось общимъ и повсемѣстнымъ не ранѣе XII столѣтія, и долго замѣняло собою подпись.

---

[1] *Wailly* Elem. de Paléographie T. II. p. 1. 43.

§ 5.

Значеніе въ подобныхъ случаяхъ печати было такъ велико, что необходимо было придумать различныя предосторожности, для предупрежденія подлога. Средства эти отличаются своею странностію и едва ли вели къ предположенной цѣли; напр. примѣшивали къ воску, на которомъ прикладывалась печать, волосы съ головы или бороды ([1]), или оставляли на немъ оттиски своихъ зубовъ или наконецъ на оборотѣ печати дѣлали знакъ пальцемъ или какимъ нибудь другимъ орудіемъ. Бывали также случаи, что къ печатямъ прикрѣплялись символы инвеституры, каковы соломенки, перчатки и т. п. Этимъ же объясняется та торжественность, съ которою печать прикладывалась къ актамъ особенной важности: собраніе придворныхъ и другихъ лицъ, властію облеченныхъ, считалось при этомъ необходимымъ. Для актовъ менѣе важныхъ требовалось присутствіе духовенства, дворянъ, мѣстныхъ судей, и вообще свидѣтелей.

Съ другой стороны владѣльцу печати необходимо было предупредить, чтобы не кто иной, кромѣ его, не употреблялъ ея и не прикладывалъ къ актамъ, безъ его воли совершеннымъ. Поэтому у древнихъ былъ обычай вмѣстѣ съ человѣкомъ погребать его печать и перстень. Когда въ 1544 г. рыли въ Ватиканѣ землю подъ фундаментъ для часовни Св. Петра, открыли гробницу Маріи, супруги Императора Гонорія, и между другими вещами нашли 40 печатей и перстней золотыхъ и драгоцѣнными

([1]) Въ концѣ одной грамоты 1121 года читаемъ: «quod ut ratum sit et stabile perrseveret in posterum, praesenti scripto sigilli mei robur apposui cum tribus pilis barbae meae».

камнями украшенныхъ, и на одной изъ печатей изображеніе головы этого государя. Обычай этотъ отъ Римлянъ перешелъ въ Европу среднихъ вѣковъ и во Франціи сохранился до XIII вѣка. Печать Хильдерика I была найдена въ гробницѣ его въ 1653 году. Въ XII вѣкѣ печать Гильома-де-Туси, епископа Оксерскаго, была погребена вмѣстѣ съ ея владѣльцемъ, но прежде того разбита и сломана. Тотъ же обрядъ соблюдался при погребеніи папъ, такъ какъ печать ихъ была именная, и преемнику умершаго папы необходимо было озаботиться изготовленіемъ своей печати (¹).

Тою же важностью печати объясняется, почему въ Константинополѣ напр. хранитель грамотъ храма Св. Софіи носилъ на шеѣ печать Патріарха. У вице-канцлера Ричарда І-го Короля Англійскаго, Роже, потонувшаго отъ кораблекрушенія близъ острова Родоса, нашли на шеѣ королевскую печать. Но если печать по какой нибудь случайности утрачивалась или измѣнялась или наконецъ сообщалась кому нибудь по изволенію ея владѣльца, это дѣлалось общеизвѣстнымъ въ предупрежденіе подлога и поддѣлки. Не малымъ также противъ нихъ средствомъ было употребленіе двустороннихъ печатей: нѣтъ ничего легче, какъ снявъ восковую печать съ акта и подогрѣвъ ее снизу, приложить къ другой бумагѣ; но если и на оборотной сторонѣ печати есть изображеніе contresceau), то подобная поддѣлка становится невозможною. Съ начала X столѣтія двойныя печати этѣ вошли въ употребленіе и были или висячія на снуркахъ или приклеевались къ бумагѣ, пергаменту.

---

¹) *Wailly* l. c. p. 18. 19. 20.

Очевидно, что твердыхъ, опредѣленныхъ и неизмѣнныхъ правилъ требовало самое приложеніе печати, изображеніе на которой охранялось ея владѣльцемъ всѣми возможными средствами. Прежде всего при этомъ должно было озаботиться, чтобы матеріалъ, для приложенія печати избираемый, былъ твердъ и чтобы штемпель нескоро сглаживался. Древніе Римляне избирали для своихъ буллъ свинецъ и въ главѣ такихъ буллъ находятся принадлежавшія Императорамъ: Траяну, Марку Аврелію и Антонину Благочестивому.

Названіе этого рода печатей происходитъ отъ свинцовыхъ шариковъ, чрезъ которые продѣвался снурокъ и потомъ выбивалось изображеніе. Съ VII вѣка этотъ способъ приложенія печатей перешелъ къ папамъ и далъ названіе тѣмъ постановленіямъ, которыя исходили отъ нихъ и были утверждены свинцовою печатью. Въ рѣдкихъ случаяхъ къ грамотамъ особенной важности, напр. объ утвержденіи Королей Римскихъ, прикладывались буллы золотыя. Изъ Императоровъ Французскихъ Карлъ Великій первый ввелъ употребленіе золотыхъ печатей, которыя въ послѣдствіи времени встрѣчаются на грамотахъ германскихъ государей и въ подражаніе имъ приняты другими Монархами Западной Европы.

Печати серебреныя, бронзовыя и оловянныя встрѣчаются рѣже.

Буллы могли быть только висячія, въ отличіе отъ восковыхъ, въ послѣдствіи сургучныхъ печатей, которыя прикладывались къ пергаменту или бумагѣ. Первыя носятъ въ Западной Сорфагистикѣ названіе Sigilla pendentia или sigilla, а вторыя Sigilla membranae affixa, innexa diplomati, chartae agglutinata. Каждый изъ этихъ родовъ печатей въ разныхъ странахъ подраздѣлялся на виды,

по формѣ, способу приложенія и по изображеніямъ на нихъ. Достаточно для нашего очерка слѣдующихъ общихъ замѣчаній.

Висячія печати привѣшивались въ концѣ грамотъ, тотчасъ послѣ подписи, на снуркѣ льняномъ, шелковомъ, или на обрывкѣ пергамента, кожи, а если печатей было нѣсколько (число ихъ доходило до 350 въ жалобѣ, поданной Богемцами Констанцскому Собору 30 Декабря 1415 года), напр. когда прикладывали ихъ свидѣтели при совершеніи актовъ или должностныя лица, то порядокъ, въ которомъ они размѣщались, слѣдовалъ степени уваженія, лицамъ этимъ оказываемаго, и сравненіе печатей среднихъ вѣковъ доводитъ до убѣжденія, что средняя точка, равно какъ правая и лѣвая стороны нижней оконечности пергамента, были назначены для печатей самыхъ почетныхъ. Но если печатей было слишкомъ много и вообще изложенное правило было бы трудно соблюсти, то печати привѣшивались въ томъ же порядкѣ, въ какомъ упоминались лица, ими владѣвшія, начиная съ лѣвой стороны и доходя до праваго конца. Не рѣдко въ самомъ документѣ упоминалось, какъ приложена печать и какого она цвѣта (напр. въ XVI вѣкѣ: sigillatum in cauda duplici magno sigillo cerae rubrae).

Форма печатей была чрезвычайно разнообразна: то онѣ круглы, овальны, полупродолговаты, треугольны или квадратны, то имѣютъ видъ многоугольника, осьмиугольника, шестиугольника и т. п., и притомъ такъ, что бока печати были или прямы или образовали кривую линію (sceaux cornus). Древнѣйшія печати были, по большей части, круглыя.

Цвѣтъ воска, которымъ печатались грамоты и акты въ Западной Европѣ, различался по достоинству лицъ,

которыми выдавались и по роду дѣлъ, къ которымъ бумаги относились. Право печатать краснымъ воскомъ составляло принадлежность государя и лицъ, которымъ привиллегія эта была дарована. Патріархъ Константинопольскій печаталъ свои грамоты обыкновенно на черномъ воску. Привиллегія печатать голубымъ, лазуревымъ воскомъ, дарованная въ 1524 году Императоромъ Карломъ V одному доктору въ Нюренбергѣ, доказываетъ, что и этотъ цвѣтъ, хотя рѣдко, не былъ однако совершенно чуждъ печатей. Во Франціи и Англіи постановленія разнаго рода утверждались печатями зеленаго или желтаго, смотря по роду узаконеній, цвѣта ([1]).

Такъ какъ съ одной стороны изображенія на печатяхъ не были наслѣдственны и съ другой значеніе ихъ въ общежитіи было такъ велико, то лица, владѣвшія печатью, озаботились о надписи на ней или, если она была двухсторонняя, объ изображеніи символа или эмблемы, лицу присвоенной и состоявшей или въ фигурѣ или молитвѣ (напр. на печати Пипина Короткаго: Christe protege Pipinum, regem Francorum) или какой нибудь фразѣ. Всего ближе конечно было помѣщать на печатяхъ выраженія, которыя показывали значеніе самой печати; не рѣдки слѣдующія фразы: «secretum comitis, secretum meum или secretum meum mihi, testimonium veri, clavis или custos sigilli, secretum colas, annuncio secreta, confirma, secretum veri, secretum est, secretum serva и т. п.

Девизы, въ формѣ наставленій и правилъ, также не были чужды печатей; это доказываютъ выраженія въ родѣ слѣдующихъ: Deum time, Deus in adjutorium meum intende, fugite partes adverse, Miserere mei Deus, Bonum est

---

([1]) Wailly, стр. 55—58.

confiteri Domino. Церкви, аббатства и города имѣли въ печатяхъ изображеніе своего покровителя и приличныя тому надписи: Dionisius Areopagita, Video celos apertos, Nicolaus suscitans clericos, Ave Maria gratia plena, imago Sancti Audomari и пр.

Такимъ образомъ надписи и изображенія на печатяхъ, имѣя историческій смыслъ для лица, печать употреблявшаго, по правилу, не переходили къ его преемнику, который могъ избрать себѣ новый девизъ, новое изображеніе, а вмѣсто имени своего предка, долженъ былъ выставить свое. Таково было правило, но тѣмъ не менѣе недостатокъ собственныхъ памятниковъ, которые могли бы быть изображены на печатяхъ, заставилъ въ средніе вѣка прибѣгать къ антикамъ, къ которымъ въ печатяхъ или прибавляли надпись или даже обходились безъ нея. Такія печати могли быть и наслѣдственными, тѣмъ болѣе, что строгаго соотвѣтствія между изображеніемъ на камеѣ и званіемъ избравшаго его лица не существовало; напр. въ 1280 г. аббатъ одного монастыря употреблялъ печать съ изображеніемъ вооруженнаго воина съ головою, покрытою шлемомъ; на печати другаго аббата 1211 года представлена богиня охоты Діана. Въ 1301 г. на одной печати также аббата изображенъ Өебъ, управляющій колесницею, запряженною четырьмя конями. Аллегорическая надпись: signum veritatis была прибавлена къ изображенію на печати. Такихъ примѣровъ средніе вѣка представляютъ множество ([1]), а подобное употребленіе камеевъ (которые, какъ увидимъ ниже, перешли въ Россію очень рано и другимъ совершенно путемъ), вполнѣ объясняется тѣмъ влеченіемъ, которое

([1]) Wailly, ibid. p. 74 sq.

человѣкъ всегда чувствуетъ къ прекрасному всѣхъ странъ и народовъ, и сознаніемъ невозможности произвесть въ искусствахъ что либо подобное тому, что завѣщано позднему потомству древнею Греціею.

На ряду съ камеями, однако, Христіане среднихъ вѣковъ избирали для своихъ печатей символы, которые, будучи заимствованы изъ божественнаго ученія Спасителя, составляли въ нѣкоторой степени ручательство въ томъ, что распоряженіе, печатью утвержденное, будетъ соблюдаемо свято и ненарушимо. Таковы изображенія креста-символа искупленія, голубя—знака невинности, рыбы—напоминающей священную воду крещенія, якоря—означающаго твердость вѣры, лиры—какъ орудія возношенія хвалы Богу.

Изображенія эти впрочемъ были такъ неопредѣленны, что государи одной и той же страны въ разное время и при разныхъ обстоятельствахъ мѣняли символы, по видимому, совершенно произвольно. Оружіе разнаго рода занимало почетное мѣсто на печатяхъ королей и простыхъ рыцарей Западной Европы; не рѣдко они и сами являлись на печатяхъ на конѣ, въ латахъ, или государь на престолѣ съ аттрибутами власти, съ скипетромъ, въ коронѣ.

Изъ всѣхъ символовъ, которые встрѣчаются на печатяхъ среднихъ вѣковъ, болѣе всего споровъ возбудило изображеніе лиліи въ печатяхъ королей французскихъ. Доказано, что символъ этотъ употреблялся каролингами и даже королями первой династіи во Франціи и помѣщался не только въ печати, но на оконечности скипетра и поверхъ короны (что объясняетъ ея форму); но ученые не согласны между собою: дѣйствительно ли эта фигура изображаетъ лилію и что она могла представлять? Доказывали, что подъ словомъ lilium, въ хроникахъ встрѣчающимся,

должно понимать всякое изображеніе, имѣющее видъ цвѣтка (fleuron), а не собственно лилію, и утверждали, что это наконечникъ алебарды; но въ настоящее время почти всѣ признаютъ, что это лилія; цвѣтокъ этотъ вообще возбуждалъ къ себѣ сочувствіе, былъ символомъ въ печатяхъ многихъ государей, и остался отличительнымъ признакомъ печати, а потомъ герба королей французскихъ (не говоря о частныхъ лицахъ, въ гербахъ которыхъ лиліи нерѣдки [1]).

Изъ предъидущаго изложенія исторіи печатей въ древности и въ Западной Европѣ мы извлекаемъ слѣдующій выводъ: ни одинъ народъ, ни одна страна ни въ какое время не были чужды понятій о печатяхъ и символахъ. Но были ли во всѣхъ нихъ признаки, по которымъ наука отличаетъ геральдическій гербъ? Были ли правила для составленія печатей возведены въ науку, утверждены ли эти знаки, какъ непремѣнные спутники благородныхъ фамилій, дана ли имъ наслѣдственность?—нисколько: найти для себя знакъ отличія отъ другихъ подобныхъ существъ такъ сродно человѣку, что̀ встрѣчается повсемѣстно, и если видѣть въ символахъ начало гербовъ, то первыми ихъ приверженцами должно бы считать дикихъ Американцевъ. Было даже время, когда Испанцы, по возвращеніи Колумба изъ Америки, слушая разсказы его и спутниковъ о раскрашенной, тетюированной кожѣ дикарей, думали, что нашли ключъ въ разгадкѣ и стали выдавать американскихъ туземцевъ за изобрѣтателей гербовъ. И что̀ же какъ не гербъ, говорили тогда, былъ изображенъ если не на щитахъ, то на лицахъ этихъ дикарей? Каждая черта замысловатаго рисунка проведена не даромъ, не слу-

---

[2] Wailly, T. II, p. 81—83.

чайно, а въ память битвы, въ которой палъ непріятель, въ память событія, въ которомъ лицо принимало участіе. Вожди, короли дикихъ имѣли въ маломъ видѣ изображеніе рисунка, которымъ украшено ихъ лицо, и при совершеніи разнаго рода документовъ обмакивали кусокъ дерева въ краску и начертывали имъ вѣрный снимокъ того рисунка, который видѣнъ на ихъ лицѣ. Намъ кажется, что и между такимъ рисункомъ и гербомъ нѣтъ ничего общаго, ибо кромѣ символическаго изображенія, кромѣ того, чтобы оно носилось на оружіи, щитѣ, шлемѣ, необходимо: 1) чтобы составленіе герба было подчинено строгимъ правиламъ науки, утвержденнымъ практикою и давностію употребленія, и 2) чтобы гербъ, бывъ правильно составленъ, правильно переходилъ по наслѣдству по прямой нисходящей линіи. Онъ долженъ сопровождать благороднаго человѣка отъ колыбели до могилы; онъ изображается на его печати, на ливреѣ, посудѣ, экипажахъ, на погребальной колесницѣ и наконецъ на памятникѣ. По гербу должны узнаваться родъ и званіе того, кому гербъ принадлежитъ. Очевидно, что ни печати, ни символы, древними народами употреблявшіеся, нисколько не объясняютъ исторіи гербовъ. Гдѣ же и когда образовалась эта наука, которой въ былыя времена посвящался не одинъ годъ изученія, которой правила не знать стыдился бы каждый и значеніе которой на Западѣ теперь утратилось вмѣстѣ съ уваженіемъ къ древности дворянства рыцарскаго, геральдическаго?

—

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О происхожденіи гербовъ.

§ 6.

Общій отвѣтъ на предложенный выше вопросъ тотъ, что гербы завѣщаны намъ Германцами среднихъ вѣковъ и рыцарствомъ. Но трудно найти двухъ писателей, которые бы сходились на этотъ счетъ въ подробностяхъ. Заслуга первенства обработки геральдики остается за ученымъ Іезуитомъ Менестріе (Menestrier P. C. E), который оставилъ потомству, кромѣ другихъ сочиненій, двѣ по этой части главныя книги: «Nouvelle méthode raisonnée du blason ou de l'artheraldique,» и другое: l'origine ou vraie pratique de l'art du blason (1659). Онѣ заслуживаютъ вниманія и до настоящаго времени, хотя послѣ него объ этомъ предметѣ писано было очень много и исторія вообще сдѣлала шагъ впередъ. Говоря о геральдикѣ Западной Европы только для объясненія аттрибутовъ въ нашихъ гербахъ, мы, по необходимости, оставляемъ подробности несогласій между писателями относительно происхожденія гербовъ и остановимся только на результатахъ, добытыхъ наукою.

§ 7.

Германскіе и Галльскіе народы, отличавшіеся воинственнымъ своимъ духомъ, имѣли издавна обычай носить на войнѣ пестро выкрашенные щиты, а шлемы—украшать изображеніями животныхъ. На это прямо указываетъ Тацитъ (¹), говоря: Scuta lectissimis coloribus distinguunt», и въ другомъ мѣстѣ (²): «(Germano) ne scuta

(¹) German. c. 6.

(²) Annal. 2. 14.

quidem ferro nervove firmata, sed viminum textus seu tenues fucatas colore tabulas». А о шлемахъ Галловъ говоритъ Діодоръ Сицилійскій, что къ нимъ прикрѣплялись рога и изображенія животныхъ.

Но мы видѣли обычай этотъ и у другихъ народовъ древности, которые тѣмъ не менѣе не имѣли сами гербовъ и не передали идеи ихъ новому человѣчеству. Германскія же племена были въ сравненіи съ ними поставлены совсѣмъ въ иныя отношенія, и оттого привилось, дало корень и развилось у нихъ учрежденіе, которое такъ тѣсно связано съ дворянствомъ Западной Европы.

Германская община, вторгаясь въ чужую землю и покоряя жителей ея, имѣла въ виду обезпечить себя насчетъ владѣнія недвижимою собственностью. На нее человѣкъ, особенно первобытный, привыкъ смотрѣть съ уваженіемъ. Nulla terra sine domino, нѣтъ земли безъ господина,—было девизомъ того времени, но не менѣе справедливо было бы сказать тогда, что нѣтъ благороднаго дворянина безъ земли. Большаго упрека, чѣмъ безземельность, трудно было найти для дворянина того времени. Поэтому, раздѣлъ пріобрѣтенной оружіемъ земли былъ первымъ послѣдствіемъ побѣды и завоеванія. Старшій между равными, вождь (primus inter pares) бралъ себѣ лучшій участокъ и дѣлилъ остальное между товарищами. Послѣдніе чрезъ это не становились самостоятельными, и обязаны были вѣрностью (trustes) своему вождю, который и выводилъ ихъ въ случаѣ нужды на поле брани. Съ другой стороны у каждаго мелкаго владѣльца вассальной земли были свои подчиненные, которые смотрѣли на него какъ на своего господина, и подъ его знаменемъ примыкали къ отряду. Поэтому от-

личительные знаки на вооруженіи были необходимы и притомъ не только для различія благородныхъ отъ roturiers, подвластныхъ, но и для того, чтобы можно было распознавать отъ другихъ главнаго представителя вассальнаго участка. Позднѣе, во время крестовыхъ напр. походовъ, когда дворянство, рыцарство всей Западной Европы, вдохновившись одною святою идеей, шло на Востокъ для освобожденія гроба Господня, необходимость въ этихъ знакахъ была еще настоятельнѣе, и мы увидимъ, что это событіе было однимъ изъ главныхъ, давшихъ толчекъ развитію гербовъ.

Но задолго до этого міроваго событія, рыцарство, благородное конное дворянство, имѣло случай сталкиваться съ невѣрными, съ Маврами въ Испаніи, защищать Христіанство и прекрасный полъ, такъ что не подлежитъ сомнѣнію, что при дворѣ Карла Великаго рыцарство (la chevallerie) уже имѣло тотъ блескъ, который ему приписываютъ поэты и повѣствователи того времени.

Какъ рыцарство, вытекшее совершенно естественно изъ духа Германскаго народа, изъ его быта, положенія въ завоеванной Европѣ и изъ отношеній къ покореннымъ народамъ, было обще всѣмъ странамъ, населеннымъ Германцами, такъ и гербы стали принадлежностью дворянства всѣхъ странъ Западной Европы. Какъ далѣе въ однѣхъ странахъ духъ рыцарства подъ вліяніемъ мѣстныхъ причинъ развился въ болѣе широкихъ размѣрахъ и блестящихъ формахъ, а именно: въ Англіи, Франціи, Германіи и въ нашихъ нынѣшнихъ Остзейскихъ провинціяхъ, такъ въ нихъ же оказалось болѣе правильное развитіе гербовъ.

Если трудно перечислить всѣ частныя причины, ко-

торыя въ Западной Европѣ вообще и въ каждой изъ ея странъ въ особенности, дали толчекъ къ образованію гербовъ, ихъ усовершенствованію и развѣтвленію, то необходимо отыскать причины, по которымъ геральдика усвоила гербу твердыя и повсемѣстно однообразныя примѣты. Знаки отличія, носимыя даже на оружіи, мы видѣли, не были чужды многимъ народамъ глубокой древности; но они не признаются за гербы, потому что не считались непремѣнною принадлежностью воина, не переходили въ его родъ и не становились его достояніемъ. Особенность въ этомъ отношеніи рыцаря среднихъ вѣковъ станетъ совершенно наглядною, ясною, когда посмотрите на этого благороднаго воина, который самъ весь закованъ въ стальныя латы: у него на лицѣ опущено забрало, такъ что представителемъ всей его личности, скажу больше, его убѣжденій, его мысли становится одинъ щитъ. По немъ читали и знали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Точно такъ и лошадь рыцаря едва видна изъ подъ тяжелаго вооруженія: какъ же не отличить и коня знакомъ, видимымъ на щитѣ? Необходимость употреблять чаще и чаще щиты на полѣ брани и чести и сродное человѣку желаніе сохранить въ своемъ потомствѣ память о подвигахъ предковъ, вызвала потребность въ обработкѣ гербовъ и въ укрѣпленіи за каждымъ рыцаремъ и его родомъ того герба, который былъ (и мы увидимъ, по большей части, не случайно) избранъ его представителемъ. Очевидно, что время, когда, и страна, гдѣ всего болѣе представлялось случаевъ являться въ вооруженіи, должны были породить необходимость въ гербахъ, въ строгомъ ихъ изученіи и разграниченіи. Нѣтъ сомнѣнія, что самое благопріятное для этого время былъ конецъ XI и начало XII столѣтія, и дѣйствитель-

но къ этому времени относятся древнѣйшіе гербы въ настоящемъ смыслѣ слова: на картинахъ, печатяхъ стали представлять воина на конѣ, въ полномъ вооруженіи, въ шлемѣ или коронѣ, если гербъ принадлежалъ Королю, а на лѣвой рукѣ витяза былъ видѣнъ щитъ съ изображеніемъ разныхъ знаковъ и эмблемъ. По тщательнымъ розысканіямъ ученыхъ Бенедиктинцевъ, древнѣйшая извѣстная имъ гербовая печать привѣшена къ одной грамотѣ Графа Роберта Фландрскаго 1072 года: на щитѣ изображенъ левъ Фландріи, а на печати Графа Раймунда Тулузскаго 1088 года — крестъ Тулузскій. Гораздо чаще и обыкновеннѣе стали гербы и печати съ гербовыми изображеніями съ XII и XIII столѣтій. Даже государственные гербы Англіи и Франціи обязаны своимъ установленіемъ этому же времени, хотя извѣстно, что окончательное ихъ образованіе послѣдовало позднѣе, какъ напр. число лилій во французскомъ гербѣ ограничено тремя только въ правленіе Короля Карла V (1380 года). Германскій Императорскій орелъ, который, какъ общій символъ власти, конечно встрѣчается довольно рано, является постояннымъ и твердымъ гербомъ на печатяхъ только со времени Рудольфа Габсбургскаго, а двуглавый орелъ только при Императорѣ Сигизмундѣ (¹).

Одиннадцатый вѣкъ, сказали мы, видѣлъ образованіе гербовъ въ современномъ значеніи слова, и вотъ тѣ событія, которыя были причиною этого явленія: 1) развитіе рыцарства и установленій, съ нимъ тѣсно связанныхъ; 2) турниры и обряды, при нихъ соблюдавшіеся и 3) крестовые походы.

(¹) *Ledebur.* Streifzüge durch die Felder des koeniglichen preussischen Wappens. Berlin. 1842.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I. Рыцарство.

§ 8.

Самое вооруженіе рыцарей и ихъ лошадей дѣлало необходимымъ тѣ символы и знаки, безъ которыхъ они не были бы распознаваемы. Очевидно, для того, чтобы свои умѣли различать, кто этотъ закованный въ стальную броню рыцарь, необходимо было изучить: какое поле на его щитѣ, какія любимыя на немъ краски, что на немъ изображено, чего хочетъ его девизъ (que crie la devise), какія перья на его шлемѣ, нѣтъ ли на шлемѣ какого изображенія, какъ спущено забрало и пр., по необходимости стали изучать всѣ этѣ кажущіяся мелочи, но на самомъ дѣлѣ важныя примѣты ([1]). Наука и живопись предложили свои услуги и въ древнѣйшихъ сборникахъ гербовъ (Wappenrolle) видимъ въ разрѣзѣ полное вооруженіе груди и головы рыцаря: на лѣвой рукѣ щитъ съ изображеніемъ доходитъ до шлема, въ который водружены перья или на которомъ красуется какая нибудь фигура. Всего ближе поэтому было назвать гербы Wappen (отъ Waffen), arma, armes, armoiries. Прекрасные образцы такихъ полныхъ рыцарскихъ вооруженіій и вмѣстѣ съ тѣмъ гербовъ представляетъ т. н. Цюрихская Wappenrolle, принадлежащая, по розысканіямъ тамошняго общества древностей, къ XIV вѣку.

([1]) Въ этомъ смыслѣ Менетріе (Origine et vraie pratique de l'art du blason avec le dictionnaire armorial. Lion. 1659 p. 73) такъ опредѣляетъ гербъ: «Armes ou armoiries est un corps complet d'image hiéroglyphique composé du champ et sol, peint ou taillé et du blason ou pièce d'image simbolique, peinte ou taillée et assise sur le dit sol».

Для примѣра мы представляемъ на табл. 1 нѣсколько образцевъ такихъ гербовъ.

§ 9.

Щ и т ъ.

Каждая изъ составныхъ частей герба была существенно необходима, какъ оружіе, а потому неизбѣжна и въ изображеніи герба. Первая изъ этихъ составныхъ частей, самая существенная есть *щитъ*, земля, на которой было предоставлено дѣяніямъ, исторіи, любимой женщинѣ или воображенію самого витязя представить символъ или эмблемму. Поле щита будетъ, говорили древніе герольды: черно, какъ хорошо вспаханная земля, зелено, какъ растущая трава и красно, какъ поле, упитанное кровью враговъ. Идея эта не мѣшала однако быть полю и желтымъ и голубымъ, и даже двухъ и болѣе цвѣтовъ.

Уваженіе къ щиту проявлялось при возведеніи благороднаго человѣка въ почетный санъ рыцаря: его одѣвали въ бѣлое платье—символъ чистоты, красное—символъ крови, которую онъ долженъ былъ проливать въ защиту церкви и государства, и въ черное—символъ смерти, на встрѣчу которой онъ шелъ безстрашно. Послѣ установленнаго поста, послѣ молитвы и исповѣди новобранецъ слушалъ обѣдню и проповѣдь объ обязанностяхъ рыцаря. Затѣмъ ему вручалась шпага, которую благословлялъ священникъ на подвиги чести и отваги; рыцари и благородныя дамы надѣвали ему шпоры, панцырь, латы, нарукавники, перчатки, опоясывали шпагу и наконецъ подавали ему щитъ. Затѣмъ старшій рыцарь (seigneur), у котораго онъ былъ въ наукѣ, три раза ударялъ его по плечу плашмя шпагою, говоря: «Дѣлаю тебя рыца-

ремъ во имя Господа, Св. Михаила и Георгія: «будь мужественъ, храбръ и честенъ» (sois preux, hardi et loyal!).

§ 10.

Форма и дѣленіе щита.

Въ щитѣ (écu) должно различать: 1) его поле (champs), 2) краски (les emaux), и 3) изображенія (les figures).

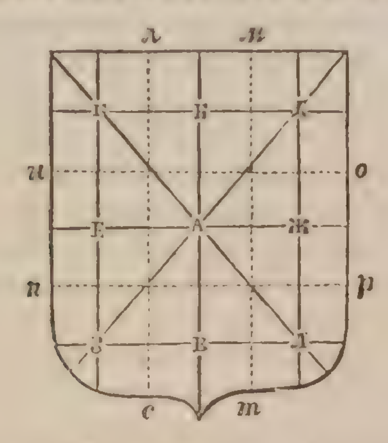
По формѣ щита различали, къ какому народу принадлежитъ рыцарь, потому что у витязей каждой страны щитъ имѣлъ особый видъ; такъ: у Англичанъ онъ былъ круглый (табл. II, рис. 15), у Итальянцевъ продолговатый (рис. 13); у Германцевъ такой же, съ маленькою выемкою сверху, съ ущербомъ (рис. 12); у Испанцевъ плоской сверху и закругленный снизу (рис. 14); наконецъ у Французовъ форма щита: или четыреугольная (рис. 11) или сердцеобразная (рис. 16), или имѣетъ видъ продолговатаго четыреугольника, нижніе края котораго слегка закруглены и сходятся подъ угломъ (рис. 17, 18, таб. II).

§ 11.

Щитъ можетъ быть или не раздѣленъ, въ какомъ случаѣ называется *простымъ* (simple); или же онъ вмѣщаетъ въ себѣ нѣсколько раздѣленій, окрашенныхъ различно, и тогда называется *сложнымъ* (écu composé).

Всѣ дѣленія сложнаго щита приведены Западною Геральдикою къ извѣстнымъ нормамъ: имъ даны названія, освященныя долговременною практикою и теоріею, всѣми государствами усвоенною. У насъ, хотя существуютъ тѣ же дѣленія, но вмѣсто техническихъ названій употребляются описательныя выраженія. Языкъ геральди-

ческій еще не утвердился. Прилагаемый рисунокъ сложнаго щита поможетъ намъ въ описаніи его частей.

Главныхъ дѣленій щита четыре: 1) по вертикальной линіи АБВ, поперегъ (parti); 2) по продольной, горизонтальной линіи ЕАЖ (coupé); 3) по діогонали къ лѣвому нижнему краю щита по линіи ГАЛ (tranché), и 4) по діогонали же къ правому углу щита по линіи ДАЗ taillé). На иностранныхъ языкахъ эти термины, первоначально условные, теперь общеизвѣстные, чрезвычайно облегчаютъ способъ описанія гербовъ. Самое названіе дѣленій щита показываетъ, что они не произвольны, а даны по направленію ударовъ, которые рыцарь обороняясь принималъ на свой щитъ. Этимъ наблюденіемъ воспользуемся и мы, для усвоенія нашей геральдикѣ названій, сродныхъ духу языка и которыя могли бы сдѣлаться техническими. Позволимъ себѣ эту попытку, основанную отчасти на прежней геральдической терминологіи, и назовемъ щитъ, раздѣленный поперегъ—*разсѣченнымъ*, вдоль — *разбитымъ*, діагонально — *скошеннымъ влѣво* или *вправо* (смотря по направленію діагонали къ лѣвому

или правому углу щита). Въ сочетаніи перваго и втораго дѣленій получаемъ щитъ, раздѣленый на четыре равныя четверти (ecartelé) линіями, подъ прямымъ угломъ пересѣкающимися—*дѣленіе прямоугольное* или *четверочастное*. Дѣленія третье и четвертое въ соединеніи разбиваютъ щитъ на четыре треугольника, вершины которыхъ сходятся въ одномъ центрѣ А, а основанія упираются въ конечныя линіи щита. Это дѣленіе (ecartelé en sautoir)—*въ видѣ Андреевскаго креста*. Если наконецъ всѣ эти четыре дѣленія соединяются, то щитъ распадается на восемь треугольниковъ, сходящихся вершиною въ точкѣ А—дѣленіе *осьмиугольное* (gironné). Разумѣется, что дѣленія эти могутъ соединяться и не вполнѣ, а только отчасти, такъ что щитъ можетъ быть разбитъ на двѣ части, а остаться неразсѣченнымъ, и на оборотъ, чрезъ что образуется въ немъ три части. Вообще линіи, разрѣзывающія щитъ вдоль, поперегъ и наискось, могутъ или доходить до краевъ щита или оканчиваться у центра или даже, встрѣчаясь на дорогѣ съ другою линіею, образовать съ нею уголъ, какъ это видно на прилагаемомъ рисункѣ. Сочетаній этихъ можетъ быть безконечное число, особенно когда приведенное дѣленіе герба увеличивается еще двумя продольными линія *нө* и *пр.*, и двумя поперечными линіями *лс* и *мт*, которыя въ свою очередь опять первыя разбиваютъ, а вторыя разсѣкаютъ щитъ на четыре части. Такимъ образомъ геральдическая терминологія становится кратка и ясна и избѣгаетъ длинныхъ описаній. Для той же цѣли краткости изберемъ особыя техническія названія для нѣкоторыхъ сочетаній дѣленій.

Щитъ, *разбитый на три, на четыре*, но не разсѣченный (fascé), на оборотъ—разсѣченный, но неразбитый (palé), называется *полосатымъ* вдоль или по-

перегъ, съ означенiемъ при этомъ краски, которою полосы обозначены на щитѣ. Далѣе полосы могутъ имѣть направленiе по дiагонали—*полосатый вкось* (bandé) или наконецъ, онѣ могутъ встрѣчаться между собою подъ угломъ въ щитѣ, разсѣченномъ на два, въ видѣ *шевроновъ* (chevronné).

При *разсѣченiи* щита и встрѣчѣ *пересѣкающихъ* линiй съ *разбивающими* можетъ образоваться въ сердцѣ щита маленькiй щитокъ (écu sur le tout ou écusson en coeur), а если ихъ два, то самому среднему дается названiе écu sur le tout du tout. Въ описанiи герба средний щитокъ долженъ быть означаемъ особо съ показанiемъ, разсѣченъ ли онъ или разбитъ, на сколько и какъ: прямоугольно или осьмиугольно или полосатъ.

Но наше исчисленiе дѣленiй было бы неполнымъ, если бы мы прошли молчанiемъ другiя дѣленiя щита, образуемыя какъ прямыми линiями, встрѣчающимися между собою и образующими *зубцы, городки,* такъ и линiями кривыми, въ видѣ *чешуи, змiи, полукруговъ* и т. д. Нѣкоторыя изъ этихъ дѣленiй должны найти себѣ мѣсто при исчисленiи такъ называемыхъ геральдическихъ фигуръ, а другихъ мы не исчисляемъ, какъ несродныхъ нашимъ гербамъ.

То же свойство щита въ гербѣ, т. е. что онъ есть вѣрный сколокъ съ рыцарскаго щита, какъ вооруженiя, дало названiе разнымъ его частямъ. Если вообразить себѣ рыцаря на конѣ, держащаго въ лѣвой рукѣ щитъ и обороняющагося имъ, то для того, кто будетъ смотрѣть на витязя, должно казаться *правымъ* все то, что защищаетъ правое плечо и правую половину груди рыцаря, а *лѣвымъ* все, что̀ служитъ для защиты лѣвой его стороны. Далѣе, когда рыцарь держитъ щитъ предъ собою, то верхняя часть щита приходится противъ его головы,

средняя соотвѣтствуетъ сердцу, а нижняя ногамъ. Въ слѣдствіе того верхняя треть щита по линіи ГБД называется *главою* (chef, Schildeshaupt). Положеніе головы рыцаря предполагается собственно въ срединѣ Б (le point du chef), Г—правою ея стороною, а Д—лѣвою, ибо именно эти части головы защищаются правымъ и лѣвымъ угломъ щита (le canton dextre et le canton sénestre du chef). Далѣе, точка А закрываетъ сердце рыцаря и потому носитъ названіе *центра* или *сердца* (le centre, le coeur ou l'abime, das Herz), котораго правая половина (le flanc dextre) предполагается подъ точкою Е, а лѣвая (le flanc sénestre) подъ точкою Ж. Наконецъ третья нижняя часть щита покрываетъ ноги рыцаря (la pointe) и въ свою очередъ дѣлится на правую и лѣвую сторону (le canton dextre de la pointe et le canton sénestre).

Сообразно сказанному, *верхнимъ правымъ угломъ* щита будетъ конецъ линіи ГАЛ на верху, а конецъ ея внизу совпадетъ съ *лѣвымъ нижнимъ угломъ*, точно такъ, какъ встрѣча линіи ДАЗ съ верхнею окраиною щита образуетъ *лѣвый верхній*, а съ нижнею—*правый нижній уголъ*. Если въ центрѣ большаго щита образуется малый щитокъ, то и его углы и стороны получаютъ соотвѣтственныя изложеннымъ правиламъ названія.

§ 11.

Краски.

Краски, которыми окрашивался щитъ, имѣли свое символическое значеніе. Поэтому, нельзя было ни изобрѣтать новыхъ, ни мѣнять по произволу цвѣтовъ, разъ принятыхъ и одобренныхъ общимъ употребленіемъ. Геральдическихъ: *металовъ* два, *красокъ* пять и *мѣховъ*

два. Первоначально цвѣта выражались дѣйствительно металлами и красками, но въ послѣдствіи ученый Петра Санкта [1] предложилъ замѣнить краски гравировкою. Выдумка его одобрена и находитъ себѣ до настоящаго времени полное примѣненіе.

§ 12.

Два металла суть:

1) *Золото*, цвѣтъ желтый, который въ гербахъ Принцевъ называется soleil, въ гербахъ Перовъ topaze и во всѣхъ прочихъ — or. Для изображенія этого цвѣта поле щита усѣевается точками (табл. II, рис. 11).

2) *Серебро*, цвѣтъ бѣлый, называемый въ гербахъ Принцевъ lune, въ гербахъ Перовъ perle, а во всѣхъ прочихъ argent, распознается по полю щита, совершенно бѣлому.

Пять геральдическихъ цвѣтовъ носятъ въ постепенности приведенныхъ различій, слѣдующія названія и изображаются:

1) *Красный* (Mars, rubis et gueuls) чертами, проведенными съ верху къ низу (табл. II, рис. 12).

2) *Лазуревый* (jupiter, saphir et azur) обозначается горизонтальными линіями, проведенными отъ одной стороны щита къ другой. (табл. II. рис. 13).

---

(1) Petra-Sancta-Tesserae gentiliciae 1637. p. 63 до 292. Честь изобрѣтенія способа замѣнять въ гербахъ краску гравировкою оспариваютъ у Петра Санкта въ пользу двухъ геральдиковъ одного съ нимъ вѣка: Марка Вульсона де ла Коломбьеръ и Якова Франкара; но факты не оставляютъ ни малѣйшаго мѣста сомнѣнію, что если мысль объ этомъ и можетъ принадлежать кому нибудь другому, то честь окончательной отдѣлки и подробнаго изложенія геральдической терминологіи принадлежитъ Петра Санкта.

3) *Пурпуровый* (Mercure, amethyste et pourpre) обозначается чертами, діагонально проведенными отъ праваго верхняго угла щита къ лѣвому нижнему (таб. II, рис. 15).

4) *Зеленый* (Venus, émeraud, sinople) узнается по діагональнымъ чертамъ, проведеннымъ отъ верхняго лѣваго угла щита къ правому нижнему (таб. II, рис. 14).

и 5) *Черный* (Saturne, diamant, sable) обозначается чертами, пересѣкающимися подъ прямыми углами (таб. II, рис. 16).

Къ этимъ пяти, обще принятымъ цвѣтамъ Англичане прибавили еще два цвѣта: *оранжевый* (l'orangée) и *кровяный* (Sanguine). Первый изображается діагональными линіями, отъ лѣвой стороны щита къ правой проведенными и пересѣченными горизонтальными линіями, а второй линіями, пересѣкающимися діагонально.

Непонятныя для насъ нынѣ геральдическія названія цвѣтовъ обыкновенно производятъ, какъ увидимъ ниже, съ Востока, откуда, говорятъ, вмѣстѣ съ новыми гербами принесли ихъ крестоносцы.

Ученый Менестріе напротивъ думаетъ, что Геральдика обязана ими Маврамъ, которые въ слѣдствіе запрещенія корана употреблять изображенія фигуръ, должны были прибѣгнутъ къ различію красокъ ([1]). Во всякомъ случаѣ идея цвѣтовъ и число ихъ совершенно соотвѣтствуетъ состоянію химіи и физики въ XI столѣтіи. Точно такъ, какъ тогда допускали въ природѣ четыре только стихіи: воду, землю, воздухъ и огонь, и имъ приписывали четыре основныхъ качества: теплоты, холода, влажности и сухости, такъ допускали четыре только цвѣта:

([1]) *Menestrier* Traité des tournois, joustes, carroussels et autres spectacles publics. Lun. 1669. p. 227. 228.

черный, бѣлый, голубой и красный, и вотъ въ какомъ отношеніи цвѣта находились къ стихіямъ. Черный соотвѣтствовалъ землѣ и холоду; бѣлый—водѣ, влажности; голубой—воздуху, сухости, и красной—огню, теплотѣ(1). Кромѣ этого химическаго значенія, цвѣта имѣли еще значеніе символическое, которое и осталось за ними до настоящаго времени: *золото* означаетъ богатство, силу, вѣрность, чистоту, постоянство; *серебро:*—невинность, бѣлизну, дѣвственность; *голубый цвѣтъ*—величіе, красоту, ясность; *красный*—храбрость, мужество, неустрашимость; *зеленый*—надежду, изобиліе, свободу; *черный*—скромность, образованность, печаль, и *пурпуровый*—достоинство, силу, могущество.

§ 13.

Первоначальные гербы отличаются своею простотою и несложностью: какая нибудь фигура на щитѣ служила достаточнымъ для витязя отличіемъ. Этому обстоятельству вѣроятно обязано своимъ происхожденіемъ правило, которое принимается за начало геральдики: не должно помѣщать краску на краску и металлъ на металлъ; но если бы случилось отступленіе отъ этого начала, то необходимо изслѣдовать (enquérir) причину, всегда уважительную, нарушенія правила. Поэтому, подобные гербы называются armes à enquèrre. Блестящій примѣръ этого рода гербовъ представляетъ гербъ Готфрида Бульонскаго: когда на Востокѣ было основано новое государство, для котораго надобно было сочинить гербъ, долженствовавшій принадлежать и Готфриду, собравшіеся Бароны дали ему серебреный щитъ съ золотымъ кре-

---

(1) *Petra Sancta* Tesserae gentiliciae. 1637 p. 25. 28 sq.

стомъ, окруженнымъ четырьмя золотыми же крестиками, и отступленіе сдѣлано для того, чтобы отдаленное потомство добивалось до причины, по которой даны ему armes à enquérre (1).

§ 14.

Мѣховъ, причисляемыхъ къ геральдическимъ цвѣтамъ, два: 1) *горностаевый* (hermine) и 2) *бѣличій* (le vair). Для перваго принято слѣдующее изображеніе: въ серебреномъ полѣ черныя мушки, оканчивающіяся тремя хвостиками; а второй состоитъ изъ шкурокъ бѣлыхъ и голубыхъ, расположенныхъ поперемѣнно (табл. II, рис. 17, 18).

Горностай удостоился такой почести, потому что служитъ символомъ чистоты. «Маленькій этотъ звѣрокъ», говоритъ о немъ одинъ древній писатель о геральдикѣ, «до того чистоплотенъ, что лучше дастъ себя поймать, чѣмъ перейдетъ чрезъ мокрое или нечистое мѣсто, чтобы не замарать своего хорошенькаго мѣха». Названіе le vair, бѣличій мѣхъ, происходитъ отъ того, что составляется изъ кусочковъ разныхъ мѣховъ (de variis coloribus).

§ 15

Фигуры.

На щитѣ, выкрашенномъ избранною рыцаремъ краскою, онъ помѣщалъ какое либо изображеніе, которое должно было отличать его щитъ отъ другихъ. Фигуръ этихъ было безчисленное множество и напрасно было бы исчислять ихъ потому, что геральдика всякой страны

---

(1) *Menestrier* l'origine et l'art du blason, p. 92 et 93.

можетъ создавать свои собственныя эмблеммы. Тѣмъ настоятельнѣе становится потребность подвести все ихъ разнообразіе подъ извѣстныя нормы и показать ихъ различія: 1) по лицамъ, которымъ они принадлежали или къ которымъ переходили, и 2) по источникамъ, изъ которыхъ эмблеммы заимствовались.

Общее правило, въ сущности ненарушимое, состоитъ въ томъ, что фигура, эмблемма, разъ усвоенная гербу извѣстнаго лица или извѣстной фамиліи и за нимъ утвержденная, не можетъ произвольно подлежать ни какому измѣненію: ни одна въ немъ черта не можетъ быть ни прибавлена, ни убавлена, безъ нарушенія цѣлости герба; но тѣмъ не менѣе есть обстоятельства, по которымъ щитъ или украшается новою эмблеммою или лишается какого нибудь аттрибута, прежде на немъ бывшаго.

Западная геральдика признаетъ въ этомъ отношеніи девять разрядовъ гербовъ: 1) гербы коронованныхъ главъ (armoiries de la souverainité), составляющіе вмѣстѣ съ тѣмъ гербы тѣхъ государствъ, которыя лицами этими управляются; 2) къ гербамъ своихъ областей Государи прибавляютъ нерѣдко гербы тѣхъ странъ, на которыя они имѣютъ притязанія, которыми предки ихъ владѣли, и отъ которыхъ, даже и тогда, когда онѣ отторгнуты, не отказались еще вполнѣ (armoiries de prétention); 3) въ награду за подвиги, за особенныя заслуги лицу, отличившемуся на какомъ нибудь поприщѣ, Государь даруетъ свой гербъ (какъ бы награждаетъ своимъ щитомъ) или къ прежнимъ эмблеммамъ, въ гербѣ бывшимъ, прибавляетъ новыя почетныя. Этою уступкою (armoiries de concession) объясняется, почему въ гербахъ многихъ знатныхъ французскихъ фамилій видимъ лиліи, а въ русскихъ государственнаго орла; 4) гербы разныхъ установленій

Западной Европы: архіепископствъ, епископствъ, капитуловъ, университетовъ, обществъ, компаній и корпорацій (armes de communauté); 5) должностныя лица, управлявшія областями, рыцарскими замками и т. п., прибавляли къ фамильнымъ своимъ гербамъ различныя эмблеммы, какъ знакъ своего преимущества, своихъ правъ и достоинствъ (armes de patronage); 6) фамильные гербы, переходящіе въ родъ по наслѣдству, служатъ для отличія одного дома, одной фамиліи отъ другихъ (arm. de famille); 7) для означенія родственныхъ связей, въ которыя одна фамилія чрезъ бракъ или другимъ путемъ приходитъ съ инымъ родомъ, въ главный гербъ вставляются прибавочные аттрибуты (arm. d'alliance); 8) кромѣ однако перехода герба по прямой линіи наслѣдства, гербы могутъ быть присвоены лицу, или совершенно чужому, или неимѣющему правъ прямаго наслѣдства, и притомъ переходятъ къ такимъ лицамъ или вполнѣ или соединяются съ ихъ первоначальнымъ гербомъ (armes de succession). Разрѣшеніе на это Верховной Власти считалось всегда необходимымъ; и 9) лица, возведенныя въ дворянство за заслуги, не имѣя герба наслѣдственнаго, избираютъ для себя эмблеммы, которыя обыкновенно напоминаютъ тотъ родъ дѣятельности, то занятіе, которымъ они стяжали себѣ это отличіе (arm. de choix). Этого рода гербы по большей части такъ ясны, что по нимъ можно читать исторію лица и его фамиліи (armes parlantes).

Къ какому бы изъ означенныхъ разрядовъ гербъ ни принадлежалъ, онъ можетъ быть или *полный* (armoirie pleine) или видоизмѣненный (brisée). Вполнѣ, безъ прибавки и убавки, гербъ переходилъ къ старшему въ родѣ, и въ этомъ видѣ сохранялся всегда въ старшемъ поколѣніи, а видоизмѣненія въ фигурахъ, краскахъ, озна-

чаютъ гербы младшихъ членовъ рода, равно какъ незаконнорожденныхъ, наконецъ лицъ, обезславившихъ себя поступками неблагородными (arm. diffamée). Чтобы показать ту тѣсную связь, которая существовала въ Западной Европѣ среднихъ вѣковъ между жизнью рыцаря и его щитомъ, мы приведемъ описаніе того наказанія, которому рыцарь подвергался за преступленія. Онъ клялся при возведеніи въ этотъ санъ хранить честь, быть вѣрнымъ своему призванію, исполнять святыя велѣнія слова Божія. Велико поэтому было уваженіе къ лицу, это званіе носившему; не не меньше съ другой стороны была та кара, которая ожидала рыцаря, неоправдавшаго общаго къ нему довѣрія. Какъ честь рыцаря отражалась на его щитѣ—вѣрномъ спутникѣ его подвиговъ, такъ щитъ же свидѣтельствовалъ объ утратѣ чести. Провинившагося рыцаря взводили на эшафотъ, гдѣ въ его глазахъ ломали его доспѣхи; щитъ, съ котораго стирали гербъ, привязывали къ хвосту кобылы и влачили по городу, а герольдъ осыпалъ неблагороднаго рыцаря обвиненіями и оскорбленіями. Послѣ погребальной службы, духовенство произносило проклятія 108 псалма, три раза спрашивали имя разжалованнаго, три раза герольдъ отвѣчалъ, что имя обезславившаго себя человѣка ему неизвѣстно. Послѣ того выливали этому несчастному на голову чашу теплой воды, сводили его за веревку съ эшафота, клали на носилки, переносили въ церковь подъ покровомъ и священники отпѣвали его, какъ бы умершаго. Такъ церковь, благословляя витязя на подвиги чести, наказывала и кляла его за то, что онъ не исполнилъ даннаго имъ торжественно обѣта; а у щита отнималось лучшее его украшеніе—эмблемма доблести.

За проступки, менѣе важные, щитъ и фигуры лишались

только своей полноты и красоты; такъ у рыцаря, который оказывался трусомъ, срѣзывали правый уголъ щита, а у того, кто бы убилъ военноплѣннаго, укорачивали щитъ въ ногахъ. Примѣты эти выразительны и страшны, ибо были общеизвѣстны. Подобно тому и фигуры, будучи помѣщены въ щитѣ такъ или иначе, могли имѣть совсѣмъ иной смыслъ, другое значеніе, и подвергаясь ничтожному повидимому измѣненію, прямо свидѣтельствовали о винѣ лица. Между убавкою въ гербѣ и проступкомъ того, чей гербъ подвергался видоизмѣненію, было соотвѣтствіе; напр. Людовикъ Святой повелѣлъ, чтобы Жанъ д' Авенъ, оскорбившій свою мать, сохраняя въ гербѣ изображеніе льва, впредь носилъ его безъ высунутаго языка и когтей, какъ оказавшійся недостойнымъ пользоваться этимъ отличіемъ.

Все то, что̀ уже было сказано о щитѣ, его дѣленіяхъ, краскѣ, преемственности эмблеммъ, показываетъ, въ какомъ соотвѣтствіи всякая малѣйшая черта въ гербѣ находится съ дѣйствительною жизнью рыцаря. Не можемъ не привесть при этомъ слѣдующаго отрывка изъ Пиндарической оды древняго французскаго поэта Сенъ-Мартъ:

De là sont venus les escus,
Les armes qu' ores on voit peintes,
Armes qui jadis furent teintes
Dans le sang des premiers vaincus;
De là les crys et les devises,
Le metail avec les couleurs,
Dont, curieux en mille guises,
Jls ont *blasonné* leurs valeurs.

§ 16.

Раздѣленіе фигуръ.

Что касается до различія фигуръ, на щитѣ герба помѣщаемыхъ, то онѣ дѣлятся на слѣдующіе разряды: 1) фигуры *геральдическія* (les heraldiques), получившія это наименованіе отъ того, что собственно въ природѣ не существуютъ и изобрѣтены самою геральдикою, тогда какъ другія фигуры, будучи заимствованы изъ дѣйствительнаго міра видимаго или невидимаго, получили отъ науки только форму, окончательную отдѣлку геральдическую, болѣе или менѣе близкую къ природѣ; 2) фигуры естественныя, изъ природы видимой (людей, животныхъ, стихій) или невидимой (ангеловъ) заимствованныя (figures naturelles); 3) фигуры воображаемыя, которыхъ существованіемъ геральдика обязана воображенію человѣка (fig. chimeriques), и 4) фигуры искусственныя, заимствованныя изъ области художествъ, искусствъ и ремеслъ (fig. artificielles). Всѣ эти виды эмблеммъ не чужды нашей геральдики, и такъ какъ они обнимаютъ все множество фигуръ, въ гербахъ употребляемыхъ, то необходимо остановиться на нихъ и сказать хотя нѣсколько общихъ замѣчаній о каждомъ изъ исчисленныхъ видовъ эмблеммъ.

§ 17.

I. Фигуры геральдическія.

Онѣ обязаны своимъ происхожденіемъ изложенному выше раздѣленію щита, сообразно защищаемымъ имъ частямъ человѣческаго тѣла, и пересѣченію основныхъ

линій, которыя встрѣчаясь наподобіе ударовъ, принимаемыхъ на щитъ, образуютъ разныя фигуры. Вслѣдствіе того въ щитѣ можетъ быть покрыта краскою или *глава* его (le chef) [1], или средняя продольная полоса-*поясъ* (la fasce) [2], или наконецъ ноги (la champagne). Безъ прибавленія даже иныхъ эмблеммъ, аттрибутовъ, каждая такая часть щита уже составляетъ фигуру, которая и занимаетъ одну треть щита. Точно такъ и по поперечному дѣленію щита, его *разсѣченію*, образуется въ срединѣ его *столбъ* (le pal) [3], занимающій также треть щита вдоль, а при встрѣчѣ двухъ полосъ, разбивающихъ и разсѣкающихъ щитъ подъ прямымъ угломъ, *крестъ* (la croix) [4]. Далѣе по діагональному раздѣленію щита образуются полосы *перевязь влѣво* (la bande), *перевязь вправо* (la barre) [5], умѣщающіяся на пятой части щита, при полномъ пересѣченіи ихъ *перекрестъ* или Андреевскій крестъ (le sautoir) [6], а при встрѣчѣ подъ угломъ—*шевронъ* или *стропило* (le chevron) [7]. Повторяемъ, что при описаніи этихъ фигуръ въ каждомъ гербѣ необходимо обращать, на какомъ полѣ какого цвѣта идетъ дорожка, и если на ней обозначены еще какія нибудь эмблеммы, то по опредѣленіи геральдической фигуры, должна быть въ подробности описываема та эмблемма, которою она *покрыта*, или если эмблеммъ на шлемѣ много, которыми она *усѣяна*.

---

(1) Таб. III, рис. 1.
(2) Тамъ же, рис. 2.
(3) Тамъ же, рис. 3.
(4) Тамъ же, рис. 4.
(5) Тамъ же, рис. 5. 6
(6) Тамъ же, рис. 7
(7) Тамъ же, рис. 8

Кромѣ того могутъ быть обозначены краскою: одна первая четверть щита (le franc quartier) (¹), или треугольникъ, образуемый встрѣчающимися у центра линіями, разбивающею и діагональною (le giron) (²), равно какъ фигура въ родѣ пирамиды (la pile) (³), вершина которой касается верхней линіи щита, а основаніемъ упирается въ его конецъ. Иногда означенъ краскою бордюръ, идущій параллельно стѣнкамъ щита и притомъ или просто безъ всякихъ второстепенныхъ прикрасъ (l'orle) (⁴) или въ отдѣлкою изъ цвѣтковъ и лепестковъ лиліи (le trescheur ou essonier), и наконецъ фигура въ видѣ большаго французскаго игрекъ (le pairle) (⁵).

Какъ всѣ первоначальныя дѣленія щита наука объясняетъ вооруженіемъ и щитомъ рыцаря, такъ и для каждой изъ этихъ второстепенныхъ, болѣе сложныхъ геральдическихъ фигуръ отыскиваютъ основаніе въ томъ же источникѣ, а именно: на таб. III рис. 3 представляетъ копье рыцаря, рис. 5 и 6 его перевязь, рис. 2 шарфъ, рис. 4 и 7 мечъ, рис. 8 сапоги, а рис. 12 и 13 кольчугу и броню.—Сообразно этому объясненію сдѣлана попытка дать геральдическимъ фигурамъ и техническія названія.

§ 18.

II. Фигуры естественныя.

Онѣ всего чаще встрѣчаются въ гербахъ. Западная геральдика въ вѣковомъ своемъ шествіи дала каждой изъ фигуръ этого разряда свое названіе, свою форму, усвои-

---

(1) Тамъ же рис. 9.

(2) Тамъ же рис. 11.

(3) Тамъ же рис. 10.

(4) Тамъ же рис. 12.

(5) Тамъ же рис. 13. 14

ла ей цвѣтъ, положеніе, и если фигуры эти и перешли въ наши (особенно новѣйшіе гербы), то не можемъ скрыть, что мы далеко отстали отъ западныхъ геральдиковъ въ технической терминологіи, у нихъ всегда краткой, условно ясной и всѣми общепринятой, у насъ же описательной. Только долговременная практика можетъ выработать и у насъ подобные термины; тѣмъ не менѣе, руководствуясь иностранными сочиненіями (*), мы позволимъ себѣ здѣсь изложить главныя положенія геральдики, не упуская впрочемъ изъ виду единственной для насъ цѣли говорить только о томъ, что̀ прямо или косвенно имѣетъ приложеніе къ отечественнымъ гербамъ.

§ 19.

Ангелы, человѣкъ.

Въ ряду естественныхъ фигуръ, въ гербѣ изображаемыхъ, первое мѣсто принадлежитъ *Ангеламъ* и *Херувимамъ*. Они представляются съ двумя, четырьмя и шестью крыльями; *человѣкъ* же изображается тѣлеснаго цвѣта, нагой, одѣтый, вооруженный, и т. п. Голова съ грудью, безъ рукъ, называется бюстомъ (buste); чернаго цвѣта—головою Мавра (tête maure). Голова можетъ быть въ коронѣ или повязкѣ (tortillée). Руки правая (dextrochère) и лѣвая (senestrochère), сложенныя накрестъ, служатъ выраженіемъ вѣрности (foi).

---

*) Источникомъ для этой части нашего труда послужила приведенная выше книга Ейзенбаха стр. 136—158. Для сравненія мы прибавляемъ къ выраженіямъ русскимъ французскія, такъ какъ они самыя употребительныя и вообще геральдика французская самая воздѣланная

§ 20.

Четвероногія животныя.

По правилу они должны быть обращены въ правую сторону, но если они смотрятъ влѣво, то называются *искривленными* (contournés). Самыя любимыя животныя, по символическому ихъ значенію въ гербахъ, *левъ* и *леопардъ*. Первый есть представитель силы, мужества и великодушія, а второй храбрости и отваги. Левъ такъ часто встрѣчается въ гербахъ, что для разныхъ его позъ придуманы особыя названія; но кромѣ того онъ различается и по цвѣту, которымъ окрашивается: есть львы красные, голубые, даже горностаеваго цвѣта, или двухъ цвѣтовъ. Обыкновенная геральдическая поза льва есть въ профиль, такъ что видны одно его ухо и одинъ глазъ. Онъ представляется стоящимъ на заднихъ лапахъ, а передними бросающимся вправо; окровавленный языкъ выходитъ изъ пасти, хвостъ же его поднятъ къ верху и концемъ упадаетъ на спину. Въ гербѣ левъ чаще бываетъ представленъ одинъ; но ихъ можетъ быть и два; если же число ихъ больше, то они называются *львенками* (lionceaux). Фигура леопарда отличается отъ льва тѣмъ, что видна вся его голова съ двумя глазами, что онъ представляется идущимъ, т. е. стоитъ на трехъ ногахъ, а четвертую заноситъ впередъ и что хвостъ его падаетъ не на спину, а напротивъ поднятъ къ верху и откинутъ. Поэтому, левъ, имѣющій одну изъ исчисленныхъ примѣтъ, леопарду принадлежащихъ, называется *леопардоподобнымъ львомъ* (lion leopardé); и на оборотъ леопардъ, заимствовавшій какія нибудь примѣты отъ льва, именуется *львуподобнымъ леопардомъ* (léopard lioné).

По другимъ примѣтамъ льву даются слѣдующія названія: *вооруженнаго* (armé), если его когти не того цвѣта, какимъ окрашено все тѣло; *lampassé*, если высунутый языкъ отличается своимъ кровавымъ цвѣтомъ; *коронованнаго* (couronné), если на головѣ у льва корона, обыкновенно зубчатая; *смирнаго* (morné), если онъ безъ зубовъ, безъ когтей и безъ высунутаго языка; *безхвостаго* (diffamé) или *съ хвостомъ дракона* (dragonné), если нижняя часть тѣла льва оканчивается хвостомъ дракона.

Рождающимся (naissant) называется левъ тогда, когда бываетъ видна только верхняя половина его тѣла, а прочее скрадено, какъ будто бы его и не существовало; но когда въ верхней части щита видны его голова, плечи, концы переднихъ лапъ и хвостъ, то левъ называется *выходящимъ* (issant).

Тѣ же выраженія, по изложеннымъ примѣтамъ, находятъ себѣ примѣненіе къ изображеніямъ другихъ животныхъ; нѣкоторыя только изъятія изъ этого правила объясняются самымъ характеромъ и жизнью звѣрей.

Конь, совмѣщающій въ себѣ свойства нѣсколькихъ животныхъ: храбрость льва, зрѣніе орла, силу вола, быстроту оленя, ловкость лисицы, въ гербѣ представляется всегда въ профиль. Эмблеммѣ этой придаются по разнымъ положеніямъ слѣдующія названія: лошадь называется *дикою* (gai), если она безъ узды; *взнузданною* (bridé), *осѣдланною* (sellé), покрытою *латами* (bardé), *попоною* (caparaçonné); причемъ въ точности означается какого цвѣта украшеніе, сбруя или покровъ лошади. Далѣе конь предполагается разсерженнымъ, *бѣшеннымъ* (effaré, cabré), когда поднялся надыбы, и только *играющимъ* (animé), когда цвѣтъ глазъ отличенъ отъ цвѣта всего тѣла.

Изъ породы *собакъ* въ гербахъ встрѣчаются однѣ борзыя и служатъ символомъ вѣрности, преданности и повиновенія; онѣ почитаются молодыми (levrons), если безъ ошейника (съ нимъ называются accolés).

Кошка есть символъ независимости и представляется въ профиль и впрямь. Она называется *напуганною* (effarouché), если ползаетъ и *съежившеюся* (herissoné) въ такомъ случаѣ, когда средина и хвостъ подняты выше головы.

Волкъ есть символъ злости, прожорливости, жадности и называется *хищнымъ* (ravissant), если держитъ добычу, и *разъяренымъ* (allumé), если его глаза отличены особою отъ всего тѣла краскою.

Медвѣдь за то, что онъ предвидитъ погоду, умѣетъ во время скрыться въ берлогу, гдѣ готовитъ себѣ логовище, считается символомъ предусмотрительности и почитается *проходящимъ* (passant), если идетъ, и *поднявшимся* (levé), когда стоитъ на заднихъ лапахъ.

Волъ представляется взбѣшеннымъ (furieux), если стоитъ на заднихъ ногахъ, идущимъ (rampant), когда изображенъ въ профиль, съ хвостомъ, падающимъ на спину.

Корова изображается не иначе, какъ идущею, и называется *увѣнчанною* (couronnée), если у нея на головѣ корона, съ *колокольчикомъ* (clarinnée) если онъ у нея виситъ на шеѣ, *рогатою* (accornée) и съ *копытами* (onglée), если эти части ея тѣла отличаются цвѣтомъ отъ всего туловища.

Быкъ есть символъ плодородія земли.

Овца изображаетъ собою кротость и сельскую жизнь.

Козелъ отличается въ гербѣ рогами, загнутыми спирально, изображается въ профиль, идущимъ и служитъ символомъ весны, потому что въ знакахъ зодіака овенъ соотвѣтствуетъ Марту мѣсяцу.

Агнецъ, эмблемма доброты, называется *пасхальнымъ* (agneau pascal), если держитъ хоругвь съ изображеніемъ креста.

Единорогъ, символъ чистоты и непорочности, часто встрѣчается на щитахъ гербовъ. Онъ по фигурѣ своей сходенъ съ лошадью и отличается отъ нея рогомъ, которымъ вооружена его голова, и бородкою. Единорогъ называется прислонившимся (acculé), когда онъ стоитъ прямо съ поднятыми передними ногами, и въ оборонительномъ положеніи (en defense), когда хочетъ какъ бы защититься своимъ рогомъ.

Олень, по увѣренію натуралистовъ, запахомъ своимъ прогоняетъ змѣю, и потому служитъ эмблеммою воина, предъ которымъ бѣжитъ непріятель. Если рога оленя, который всегда изображается въ профиль, идущимъ, бѣгущимъ или лежащимъ, означены особою отъ всего тѣла краскою, то это означается при описаніи герба.

Лань, символъ робости, изображается также въ профиль.

Наконецъ *кабанъ*, *вепрь*, эмблемма мужества и неустрашимости, всегда цвѣта чернаго и въ профиль. Иногда представляется одна *кабанья голова* (la hure); причемъ необходимо обозначать цвѣтъ глазъ и краску, которою отличены зубы кабана (les defenses).

Въ этомъ перечнѣ исчислены далеко не всѣ четвероногія, находящія себѣ мѣсто на щитахъ гербовъ, но эмблеммы другихъ звѣрей встрѣчаются рѣже и значеніе ихъ яснѣе.

§ 21.

Пернатыя.

Изъ птицъ всего чаще встрѣчается въ гербахъ изображеніе *орла*, символа власти, господства и вмѣстѣ съ

тѣмъ великодушія и прозорливости. Царь птицъ представляется обыкновенно летящимъ грудью впередъ, а крылья его или подняты въ верхъ или парятъ (au vol abaissé). Онъ бываетъ или объ одной головѣ или двуглавый. Константинъ Святой первый сталъ употреблять двуглаваго орла, чтобы показать, что Имперія, хотя и раздѣлившаяся, тѣмъ не менѣе образуетъ одно тѣло. Вслѣдствіе того двуглавый орелъ, цвѣтомъ черный, носитъ названіе Императорскаго.

Если языкъ у орла, его ноги и когти означены особою краскою въ отличіе отъ всего тѣла, то признаки эти опредѣляются всякій разъ при описаніи герба (langué, membré et armé). Если же вокругъ его головы есть кружокъ, то онъ называется въ діадемѣ (diademedé). Въ одномъ щитѣ можетъ быть два орла, (aiglettes), а если они безъ носу и безъ ногъ, то называются орленками (alerions).

Утки изображаются въ профиль (canettes), а безъ клёва и ногъ (дикія въ особенности утки) называются *merlettes*.

Воронъ, символъ долголѣтія и предусмотрительности, рисуется чернымъ.

Пѣтухъ, самая бойкая изъ всѣхъ птицъ (оттого Галлы приняли этотъ символъ и носили его на оружіи и знаменахъ), служитъ символомъ борьбы и боя. При изображеніи его въ гербѣ могутъ быть отмѣчены особою (въ отличіе отъ остальнаго тѣла) краскою его гребешокъ и бородка (creté et barbé), открытый клёвъ, какъ будто бы пѣтухъ поетъ (chantant) и почитается готовымъ вступить въ бой (hardi), если нога у него поднята.

Цапля есть эмблемма бдительности, пугливости и трусости.

Павлинъ, эмблемма тщеславія, принимался въ гербъ какъ знакъ побѣды надъ врагомъ тщеславымъ и гордымъ. Птица эта отличается своимъ хохолкомъ на головѣ и длиннымъ хвостомъ, который или можетъ быть распущенъ (rouant) и тогда павлинъ изображается впрямъ; а когда хвостъ сложенъ, то эмблемма эта рисуется въ профиль.

Фениксъ, который, по преданію, возраждается изъ огня, сгорая въ немъ, служитъ символомъ безсмертія.

Пеликанъ, кормящій птенцовъ своихъ собственною своею кровью, означаетъ любовь родителей къ дѣтямъ, равно какъ попеченіе Государя о подвластныхъ ему народахъ.

Журавль изображается съ камнемъ въ одной лапѣ и служитъ эмблеммою бдительности: онъ стоитъ какъ бы на сторожѣ и охраняетъ все стадо отъ нападенія со стороны непріятеля.

Кромѣ исчисленныхъ птицъ, на щитахъ въ гербѣ находятъ себѣ мѣсто, хотя и рѣже, и иныя пернатыя. Они окрашиваются или натуральнымъ своимъ цвѣтомъ или другою краскою по выбору владѣльца герба; такъ орелъ бываетъ и бѣлый и золотой и красный, что всякій разъ должно быть означаемо подробно.

Вмѣсто птицъ, могутъ быть помѣщаемы въ гербахъ одни только крылья ихъ, и притомъ или оба (vol) или одно (demivol) съ плечомъ и ногою.

§ 22.

Рыбы, насѣкомыя, пресмыкающіяся.

Чаще другихъ рыбъ употребляется *дельфинъ*, эмблемма силы. Глаза у него могутъ быть освѣщены особою

краскою (allumé), равно какъ плавательныя перья и хвостъ отличаться отъ всего тѣла (loré, peautré), или же во всѣхъ частяхъ дельфинъ можетъ быть одного цвѣта, безъ глазъ и зубовъ, съ открытымъ ртомъ и какъ бы издыхающимъ (pâmé). Напротивъ, если его голова и хвостъ склоняются къ основанію щита, дельфина считаютъ *лежащимъ* (couché), и *играющимъ* (vif), если рыба эта представлена въ профиль, изгибается полукругомъ и обращается вправо хвостомъ и головою.

Насѣкомыя изображаются или идущими, ползущими (passants) или летающими (volants), цвѣтомъ своимъ приближаются къ натуральному и имѣютъ геральдическое значеніе, заимствованное изъ ихъ качествъ и примѣтъ.

Пчела и муравей служатъ эмблеммою трудолюбія и покорности

Бабочка есть символъ вѣтренности, непостоянства, и помѣщеніе въ гербѣ этого насѣкомаго означаетъ, что владѣтель его побѣдилъ врага, отличавшагося такими недостатками. Если на крыльяхъ бабочки означены цвѣтные кружки, то она носитъ названіе *разрисованной* (papillon miraillé).

Змѣя полагается въ гербѣ и вдоль и поперегъ, нерѣдко изображается держащею хвостъ во рту, символъ вѣчности.

Прочія насѣкомыя и пресмыкающіяся, хотя и употребляются въ гербахъ, не имѣютъ особенныхъ аттрибутовъ.

§ 23.

Растенія.

Деревья часто находятъ себѣ мѣсто въ гербахъ, и каждое изъ нихъ отличается нѣкоторыми примѣтами,

и не смѣшивается съ другими, имѣя свое символическое значеніе; но по формѣ, въ какой деревья изображаются, они бываютъ или *вырванные* (arrachés), если видны корни дерева, *безъ листьевъ* (effeuillés) и *безъ вѣтвей* (accotés).

Дубъ, бывшій въ большомъ уваженіи у древнихъ, какъ символъ крѣпости и силы, отличается по жолудямъ и называется съ плодами (fruité), если жолуди обозначены особымъ цвѣтомъ въ отличіе отъ листьевъ и ствола дерева.

Оливковое дерево, символъ мира, отличается остроконечными листьями и своимъ плодомъ.

Сосна узнается въ гербахъ по прямому своему стволу, расходящимся вѣтвямъ, равно какъ по растущимъ на ней шишкамъ (pommes de pin). Древніе употребляли это дерево для костровъ при жертвоприношеніяхъ.

Дикое вишневое дерево (le crequier) изображается наподобіе седьмисвѣщника.

Пальма, символъ долговѣчности, узнается по развѣсистымъ листьямъ.

Не чужды гербовъ цвѣты, травы, колосья, плоды. Изъ цвѣтовъ чаще встрѣчаются въ гербахъ розы, лиліи [1], трилистникъ, верескъ и т. д. Стволъ и лепестки цвѣтка могутъ быть окрашены и иною краскою въ отличіе отъ другихъ частей его (tigé et pétalé).

---

[1] Не можемъ не привести здѣсь заимствованнаго изъ объясненія герба Храповицкихъ свидѣтельства означеніи, лиліи придаваемомъ: «она почитается особливо за знакъ добрыя надежды и непорочнаго житія, и похожъ цвѣтокъ сей не только по внѣшнему своему виду, чистый и нарядный цвѣтъ; но и по внутреннему своему свойству пріятный запахъ, нѣкоторую полезную силу имѣетъ, того ради и тѣ, которые употребляютъ лиліи въ своихъ гербахъ, имѣютъ быть добрыхъ, справедливыхъ и честныхъ.» (Сборникъ Раутъ. Т. III. 1854).

§ 24.

Звѣзды, планеты и стихіи.

Міръ изображается въ видѣ шара, въ который водруженъ крестъ.

Солнце, символъ свѣта, богатства и изобилія, означается золотомъ, и если оно другаго цвѣта, то почитается только *тѣнью солнца* (ombre du soleil). Изображается солнце въ видѣ человѣческаго лица, окруженнаго лучистымъ сіяніемъ, но въ случаѣ недостатка послѣдняго признака, оно называется *въ затмѣніи.*

Луна (le croissant), обыкновенно цвѣта бѣлаго, изображается безъ лица, а если оно есть, то должно быть обозначено. Рога луны могутъ быть обращены къ верху или къ правому краю щита (tourné), или къ лѣвой его сторонѣ (contourné), или къ низу (versé). Если два полумѣсяца помѣщены въ одномъ щитѣ, то они примыкають одинъ къ другому или спиною (adossés) или встрѣчаются рогами (affrontés).

Звѣзды очень часто употребляются въ гербахъ и отличаются по числу образующихъ ихъ угловъ и цвѣту, которымъ обозначены. Онъ можетъ быть даже и черный. Числомъ можетъ быть звѣдъ въ гербѣ или одна или двѣ и болѣе. Онѣ служатъ символомъ ночи и вѣчности.

Комета изображается обыкновенно съ хвостомъ (caudée), т. е. со свѣтлымъ слѣдомъ.

Облака отличаются своимъ волнистымъ, прозрачнымъ изображеніемъ, принимаютъ самыя разнообразныя положенія и притомъ бываютъ одни безъ другихъ аттрибутовъ или же съ иными примѣтами, напр. рукою, часто вооруженною, изъ облаковъ выходящею.

Огонь изображается въ видѣ пламени, факеловъ, горящихъ угольевъ и костровъ.

Вода представляется въ видѣ рѣкъ, источниковъ и волнъ.

Земля помѣщаеття въ гербахъ въ видѣ горъ, холмовъ и утёсовъ. Чаще изображается одна только вершина горы *(le coupeau)*.

Этимъ мы оканчиваемъ второй разрядъ фигуръ, которыя, бывъ заимствованы изъ природы видимой или невидимой и получивъ значеніе символическое, находятъ себѣ мѣсто въ гербахъ. Необходимо знать, какъ изображается каждый изъ этихъ предметовъ, потому что хотя они и заимствованы изъ міра, дѣйствительно существующаго, это нисколько не значитъ, чтобы изображеніе ихъ совпадало съ дѣйствительностью, а отступать отъ разъ принятыхъ формъ, цѣлыя вѣка существующихъ и всѣмъ міромъ усвоенныхъ, нельзя. Считаемъ лишнимъ повторять, что исчислены здѣсь далеко не всѣ фигуры: иныя совершенно ясны, другія употребляются рѣдко, а третьи наконецъ сложны и могутъ видоизмѣняться до безконечности (напр. всадникъ на конѣ).

§ 25.

III. Фигуры воображаемыя.

Онѣ обязаны своимъ происхожденіемъ воображенію поэтовъ и художниковъ, которые, желая изобразитъ какой нибудь символъ и не находя для того приличнаго выраженія въ природѣ, или придаютъ предметамъ существующимъ такую форму и такія примѣты, которыя имъ не принадлежатъ, или выдумываютъ существа небывалыя. Главнѣйшія изъ такихъ фигуръ здѣсь исчислены.

Для изображенія порока и страстей порочныхъ, поэты

придумали *гарпію*, принятую Геральдикою и представляемую въ слѣдующемъ видѣ: голова и грудь молодой дѣвушки, а остальная часть тѣла заимствована отъ орла, смотрящаго впрямъ и имѣющаго распростертыя крылья. Если слѣдовать преданію и миѳу, то гарпіи имѣли: тѣло— коршуна, лице и грудь—старухи, руки—вооруженныя когтями.

Центавръ сохраняетъ миѳологическую форму: одна половина человѣчья, другая лошадиная.

Гидра есть видъ дракона; изображается въ профиль съ семью головами, изъ которыхъ низшая виситъ на одномъ волокнѣ. Поэты представляли гидру седмиглавою и говорили, что по мѣрѣ того, какъ отрубаютъ одну голову, выростаетъ другая. Пораженіе этого чудовища было, говорятъ, самымъ славнымъ подвигомъ Геркулеса; посему на этотъ символъ въ гербахъ своихъ могли бы имѣть право только тѣ, которые отличились подвигами доблести, не смотря на многія и большія къ совершенію ихъ препятствія.

Грифъ, баснословное животное, вполовину орелъ, вполовину левъ: служитъ символомъ быстроты, соединенной съ силою. Древніе думали, что онъ хранитъ клады.

Драконъ, эмблемма нечистой силы, язычества, невѣжества, изображается въ профиль съ лапами грифа, на которыхъ онъ и покоится; языкъ его похожъ на жало, крылья у него такія же, какъ у летучей мыши, а туловище оканчивается рыбьимъ хвостомъ.

Сирена есть морское чудовище, вполовину дѣвица, вполовину рыба и держитъ въ правой рукѣ зеркало съ ручкою, а въ лѣвой гребень. По миѳу, сирены были дочери рѣки Ахелоя и музы Каліопы. Имена ихъ были: *Партенопа*, *Лигея* и *Левкозія*, соотвѣтственно тремъ наслаж-

деніямъ: любви, музыкѣ и вину. Сирены рѣдко бываютъ эмблеммами въ гербахъ, но чаще употребляются какъ щитодержатели.

§ 26.

IV. Фигуры искусственныя.

Фигуры этого рода заимствуются Геральдикою изъ обыкновенной жизни, войны, охоты, изъ области наукъ, искусствъ и ремеслъ.

Нерѣдки въ гербахъ чаши, посохи, четки, кадила и т. п.

Четки образуютъ на Западѣ внѣшнее украшеніе гербовъ игуменіи, Мальтійскихъ командоровъ, рыцарей и т. п. лицъ.

Посохъ, символъ духовной власти, святительства, служитъ вмѣстѣ съ митрою отличительнымъ признакомъ гербовъ епископовъ, архіепископовъ.

Мірская жизнь вноситъ въ Геральдику скипетры, короны, драгоцѣнные камни, одежды, домашнюю утварь и др. предметы.

Изъ *быта военнаго* заимствованы и внесены въ Геральдику знамена, сабли, шпаги, кортики, копья, пики, аллебарды, шлемы, стрѣлы, колчаны, пушки, пули, панцыри, шпоры и др.

Охота сообщила гербамъ также нѣкоторыя эмблеммы: охотничьи рога, бичи, своры собакъ и др.

Мореплаваніе увеличило число геральдическихъ эмблеммъ, *кораблемъ*, который можетъ быть *оснащенъ* (vaisseau *equipé ou habillé*) или *разснащенъ*, безъ парусовъ и

мачтъ (arrelé). Употребляются въ гербахъ нерѣдко части и принадлежности корабля: канаты, якоря, древко отъ якоря, кабельтовы, стеньги и т. п.

Архитектура также не осталась чужда геральдики: изъ нея заимствованы *зáмки*, выстроенные изъ разныхъ матеріаловъ, что означается цвѣтомъ и кладкою камней, *башни съ башеньками* (les tours *donjonnées* ou *sommées)*, со стѣнами, окнами, рѣшетками. Формою башни бываютъ круглыя, четыреугольныя и иного вида. Стѣны городскія и зáмковыя нерѣдко употребляются также въ гербахъ.

Изъ области наукъ и ремеслъ заимствованы орудія музыки и разныхъ работъ. Они отчасти распознаются по своему сходству и подобію съ изображаемыми предметами, отчасти по нѣкоторымъ условнымъ примѣтамъ; такъ напр. колеса отъ часовъ бываютъ зубчатыя и въ средину ихъ вставляется четыреугольникъ, тогда какъ колесо, употреблявшееся въ средніе вѣка для пытокъ и мученій, узнается по остроконечіямъ, которыми усѣянъ его ободокъ.

Въ гербахъ встрѣчаются также *ручныя бáбы (des hies)*, употребляемыя для мощенія улицъ; далѣе—колокола, барабаны, сѣдла, лѣстницы, котлы, ключи (символъ безопасности и покорности) и т. п.

Множество искусственныхъ фигуръ, переходившихъ на щиты рыцарей, объясняется до безконечности разнообразнымъ характеромъ тѣхъ заслугъ и подвиговъ, которые рыцарь увѣковѣчивалъ на своемъ щитѣ, и съ другой стороны различіемъ тѣхъ странъ и племенъ, къ которымъ принадлежали витязи; фигуры вмѣстѣ съ другими аттрибутами щита, должны были въ подробности свидѣтельствовать и объ этомъ (прил. 1).

§ 27.

Внѣшнія украшенія щита.

Какъ для рыцаря было недостаточно одного щита, такъ и гербъ, вѣрный сколокъ рыцарскаго вооруженія, требуетъ еще нѣкоторыхъ прибавленій и украшеній. Они суть:

1. Короны и шапки (couronnes et chapeaux);
2. Шлемы (les casques);
3. Бурелетъ (le bourelet);
4. Наметъ (les lambrequins);
5. Нашлемникъ (le cimier);
6. Щитодержатели (tenants ou supports);
7. Мантія (le manteau);
8. Снурки (la cordelière), и
9. Девизъ (la devise et le cri d'armes).

О каждой изъ этихъ принадлежностей герба, перешедшихъ и въ нашу геральдику, считаемъ себя обязанными сказать по нѣскольку словъ.

1) *Короны* и *шапки*. Короны служатъ признакомъ власти и разнятся между собою сообразно степенямъ ея.

Тіара, какъ двойная эмблемма власти Папы, духовной и свѣтской, есть *первая* въ ряду коронъ Государей Западной Европы. Она состоитъ изъ трехъ коронъ простыхъ, соединенныхъ между собою скругляющеюся къ верху линіею, на которой въ вершинѣ укрѣплено яблоко съ серебрянымъ крестомъ. Сзади щита лежатъ крестообразно два ключа: одинъ серебряный, другой золотой, связанные между собою голубою съ крестами лентою (табл. X, рис. 7). На этомъ гербѣ нѣтъ мантіи и подлѣ него не видно щитодержателей, потому что это гербъ не рыцарскій. Тройственность короны въ

тіарѣ папской объясняется тройственностью власти Папы надъ Католическою Церковью, гонимою, борющеюся и побѣждающею; а ключи служатъ символъ тѣхъ ключей, которые Спаситель обѣщалъ Апостолу Петру.

У Императоровъ, Королей, Маркизовъ, Графовъ и Бароновъ были у каждаго свои особенныя короны, которыя видомъ своимъ или приближались къ дѣйствительно существовавшимъ, или же разъ, принявъ условную форму, не измѣнялись и отчасти перешли къ намъ. У духовныхъ лицъ Западной Церкви гербы украшались шапками, которыя дѣйствительно носились лицами извѣстнаго въ Католической Іерархіи сана.

2) *Шлемы.* На древнихъ гербахъ, точныхъ снимкахъ рыцарскаго вооруженія, шлемы всегда изображались въ профиль (табл. I); но съ XV вѣка ихъ стали представлять впрямь.

Шлемы витязей различныхъ разрядовъ носили слѣдующія отличительныя примѣты:

а) Каска Императора и Королей была золотая, открытая лицевою стороною и безъ рѣшетки (табл. II, рис. 1). Богатство украшеній и насѣчки не могло не отличать этого рода шлемовъ.

б) У Принцевъ крови и Герцоговъ шлемъ серебряный, открытый (рис. 2).

в) У Маркизовъ тоже, но со спущенною рѣшеткою (рис. 3).

г) У Графовъ шлемъ изъ серебра, обращенный въ три четверти и съ девятью *рѣшетинами* (1) (рис. 4).

---

(1) Слово *рѣшетина* введено нами не произвольно, но въ такомъ же значеніи употреблялось оно и прежде; напр. въ составленномъ въ 1745 г. описаніи лейбъ-кампанскаго герба Храповицкихъ (въ 3 ч. Раута, Сборника, изд. Сушковымъ, въ Москвѣ 1854 г.).

д) У Бароновъ шлемъ сдѣланъ изъ полированнаго серебра, обращенъ въ три четверти и съ семью рѣшетинами (рис. 5).

е) Дворянскій шлемъ, изъ полированной стали, обращенъ въ профиль съ четырьмя рѣшетинами (рис. 6).

ж) Шлемъ жалованныхъ дворянъ—изъ того же металла, обращенъ въ право и въ профиль, съ забраломъ почти спущеннымъ (рис. 7); наконецъ

з) Гербы лицъ, рожденныхъ отъ неосвященныхъ союзовъ, имѣютъ шлемъ, сдѣланный изъ того же металла; но онъ обращенъ влѣво, а если ставится впрямь, то со спущеннымъ забраломъ (рис. 8, 9).

3) *Бурелетъ* есть жгутикъ изъ ткани, набитый шерстью и полагаемый на шлемъ (рис. 10). Онъ былъ окрашиваемъ тѣми же красками, какъ и щитъ, и въ гербахъ простыхъ дворянъ назывался *fresque*, *torque*, *tortil*.

4) *Наметъ на шлемъ.* Во времена рыцарства шлемъ покрывался иногда особенною тканью или для того, чтобы предохранить его отъ вліянія непогоды и сыраго воздуха, или чтобы онъ не раскалялся слишкомъ отъ палящихъ лучей солнца. Въ битвахъ и на турнирахъ покровы эти подвергались ударамъ и разсѣкались въ лоскутки (lambeaux, отсюда lambrequins). Нерѣдко также въ знакъ побѣды шлемы обвивались древесными вѣтвями. Наконецъ и избранная рыцаремъ дама не забывала украшать каску своего рыцаря любимымъ цвѣтомъ и лентами. Сообразно происхожденію и виду, который имѣютъ въ гербѣ эти лоскутки, изрѣзанные въ листья, окрашенные въ цвѣта щита и ниспадающіе съ обѣихъ сторонъ его, украшенія эти носятъ различныя названія. Они именуются volets, если ткань изрѣзана и представляется летящею по вѣтру; capeline, когда они

имѣютъ видъ капюшона; mantelet, когда близки къ формѣ плаща, и hachemets, въ томъ случаѣ, когда обрывки эти имѣютъ видъ лентъ, украшающихъ каску.

5) *Нашлемникъ.* Онъ составляетъ верхнюю часть шлема и отъ такого положенія называется cimier (отъ cime, вершина). У древнихъ народовъ, равно какъ и у рыцарей, на шлемахъ возвышались нерѣдко разныя фигуры или для отличія или для того, чтобы воину казаться выше. Для сего выбирались изображенія животныхъ, цвѣтовъ, перьевъ и т. п.; нерѣдко въ гербахъ на шлемахъ повторяется часть фигуръ, въ щитѣ изображенныхъ (табл. 1).

6) *Щитодержатели.* Это фигуры людей, звѣрей или даже существъ вымышленныхъ, которыя съ одной, а чаще съ двухъ сторонъ поддерживаютъ щитъ. Хотя эта часть герба и не необходима, тѣмъ не менѣе она встрѣчается въ большей части древнихъ гербовъ, и происхожденіе ея объясняется тѣмъ, что во времена рыцарства всѣ желавшіе участвовать въ турнирѣ должны были вывѣшивать свои щиты на показъ для того, чтобы всякій, вступающій въ состязаніе, зналъ, что онъ будетъ имѣть дѣло съ дѣйствительно благороднымъ по происхожденію человѣкомъ. Выставленные для этой-то цѣли щиты охранялись оруженосцами или людьми, переодѣтыми во львовъ, сиренъ, грифовъ, борзыхъ собакъ или въ существа фантастическія.

7) *Мантіи* составляли первоначально принадлежность гербовъ коронованныхъ только главъ, а позднѣе усвоены Принцамъ, Князьямъ и Дюкамъ, которые помѣщаютъ свои щиты подъ богато вышитымъ и украшеннымъ бахрамою павильономъ. Обычай этотъ объясняется тѣмъ, что на турнирахъ рыцарь для того, чтобы удобнѣе было ждать очереди вступленія въ бой, воздвигалъ

себѣ палатку, подъ которую и помѣщалъ свое оружіе. Оттого мантія и изображается въ видѣ палатки, изъ-подъ короны спускающейся. Вотъ образчикъ того, какъ въ гербахъ совмѣщались подробности, даже случайности рыцарскаго быта и жизни того времени.

8) *Снурки*. Гирлянда изъ листьевъ или цвѣтовъ, окружающая щитъ въ женскомъ гербѣ, долго былъ символомъ дѣвичества или вдовства его владѣлицы. Но съ XV вѣка украшеніе это замѣнено тканью изъ снурковъ съ узлами. Писатели, самые опытные въ Геральдикѣ, несогласны между собою насчетъ происхожденія этого украшенія; и

9) *Девизъ*. Онъ означается подъ щитомъ и служитъ или воспоминаніемъ о славныхъ дѣяніяхъ лица или побужденіемъ къ нимъ. Въ девизѣ заключается плоть и духъ, или вѣрнѣе: идея и мысль герба. Девизъ часто бываетъ аллегорическій, и потому есть девизы, состоящіе изъ одной только буквы. Главное ихъ достоинство заключалось въ смыслѣ, который можно было придать девизу. Рыцарскіе девизы, обязанные своимъ происхожденіемъ событіямъ изъ жизни того лица, которое ихъ приняло, нашли себѣ не одного истолкователя въ Западной Европѣ, и, дѣйствительно, эта наука могла занимать умъ, потому что давало ему пищу: необходимо было знать исторію лица, его рода, времени, чтобы разгадать какой нибудь девизъ, всегда краткій и выразительный. Только съ XV столѣтія девизъ сталъ фразою общепонятною, афоризмомъ въ похвалу красотѣ и добродѣтели.

Представители благороднаго семейства, всегда старшіе въ своемъ родѣ, носили надъ гербомъ т. н. cri de guerre или cri d'armes, т. е. выраженіе, которое на войнѣ рыцарь употреблялъ для возбужденія воиновъ къ

бою и побѣдѣ и для отличія себя отъ другихъ витязей. Понятно по этому, правило: le cri suit la bannière, т. е. военный сигналъ тамъ, гдѣ знамя. Оно было средоточіемъ военной силы, центромъ, къ которому стремились войска, знакомъ, за которымъ слѣдили они сердцемъ и глазами. Этихъ военныхъ cris безчисленное множество и начало ихъ кроется въ глубокой древности. Мы приведемъ болѣе извѣстныя, ставшія историческими. Готфридъ Бульонскій шелъ въ крестовые походы, говоря: Dieu le veut, и это убѣжденіе руководило имъ и его войскомъ. Короли Французскіе, считавшіе св. Діонисія своимъ патрономъ, идя на войну, повторяли: Montjoie et Saint Denis [1]; у Монморанси: Dieu aide au premier Baron Chretien; у Бурбоновъ: Bourbon Notredame или Esperance; у Королей Англійскихъ: Saint George, позднѣе *Dieu et mon droit.*

Такимъ образомъ мы показали, почему рыцарство имѣло такое сильное вліяніе на образованіе гербовъ и почему въ нихъ такія, а не другія существенныя части. Только вооруженіе рыцаря можетъ разрѣшить этотъ въ Геральдикѣ важный вопросъ. Но для развитія науки о гербахъ необходима была ихъ критика, необходимо было примѣненіе къ жизни правилъ, условленныхъ бытомъ рыцаря, и лучшимъ для того поприщемъ были турниры.

---

(1) *Menestrier*, Les recherches du blason. Paris. 1673 p. 40, 47. De Wailly II, 100, 101.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

II. Турниры и обряды, при нихъ соблюдавшiеся.

§ 28.

О времени происхожденiи турнировъ и о странѣ, въ которой этѣ рыцарскiя игры впервые появились, историки между собою не согласны: Францiя и Англiя присвоиваютъ ихъ себѣ, а за то, что Германiи обязаны онѣ своею организацiею, говоритъ уставъ о турнирахъ, Императору Германскому Генриху Птицелову приписываемый (1). Во всякомъ случаѣ однако если рыцарство было обще всѣмъ Германскимъ народамъ, если оно вытекло изъ ихъ быта, образа жизни, если далѣе начало этого благороднаго сословiя кроется въ VII и VIII столѣтiяхъ, то нѣтъ основанiя утверждать, чтобы одинъ какой нибудь народъ въ извѣстную именно эпоху изобрѣлъ турниры и что отъ него заимствованы они другими, хотя конечно усовершенствованiе ихъ и окончательное образованiе правилъ, по которымъ турниръ производился, могло совершиться и въ Германiи.

Французскiя хроники IX вѣка описываютъ этѣ военныя забавы и изъ описанiй этихъ можно заключить, что онѣ производились такъ: двѣ стороны бросались другъ на друга, каждая изъ нихъ старалась по возможности защититься отъ нападенiя, употребляла всѣ хитро-

(1) *Eichhorn*-Deutsche Staats und Rechtsgeschichte. (5-te Ausg. II,567) утверждаетъ, что уставъ о турнирахъ, Генриху приписываемый, не подлинный, а происхожденiе его, по мнѣнiю Эйххорна, легко объясняется тѣмъ, что при Императорѣ этомъ рыцарскiя игры стали нацiональнымъ въ Германiи занятiемъ. Въ лѣтописи Турской упоминается: «Gaufridus de Pruliaco torneamenta invenit». *De Wailly* II. p. 93.

сти, чтобы завлечь непріятеля въ невыгодное положеніе и преслѣдовала тѣхъ, кто обращался въ бѣгство, qui tournaient le dos. Отъ послѣдняго ли выраженія или отъ самаго способа биться такъ, чтобы противникъ не могъ нанести удара, для чего необходимо было, особенно всаднику, увертываться съ ловкостью, произошло и самое слово, передѣланное латинскими писателями среднихъ вѣковъ въ turneamenta, tournois, турниры (¹).

Если при какомъ нибудь дворѣ (²) затѣвался турниръ, всегда блестящій по обстановкѣ и по тѣмъ приготовленіямъ, которыя для него дѣлались, вѣсть объ этомъ праздникѣ проносилась повсюду: миннезингеры воспѣвали при дворахъ Королей, Герцоговъ, Бароновъ и рыцарей будущіе подвиги витязей, всѣ приходили въ движеніе и ждали съ нетерпѣніемъ назначеннаго дня, чтобы показать свое мужество и свою отвагу. Но это былъ праздникъ только для людей благороднаго происхожденія, а потому турниру долженъ былъ предшествовать судъ, кого изъ желающихъ участвовать въ немъ допустить къ состязанію и кого нѣтъ. Задача трудная, если вспомнимъ, что на турниръ стекались рыцари отовсюду. Щитъ, необходимая принадлежность рыцаря, съ изображенными на его оружіи фигурами, оказывалъ въ этомъ случаѣ немаловажную помощь. Гербъ рыцаря

(¹) *Менетріе* въ Traité des tournois, joustes, carrousels et autres spectacles publics (*Lion*. p. 270) опровергаетъ мнѣніе тѣхъ, которое производятъ слово это отъ tirocinium, trojamentum (какъ бы Троянская игра) и доказываетъ, что слово это чисто Французское, происходящее отъ *tourner*, «parceque ces courses se font en tournant et retournant».

(²) Въ предисловіи къ упомянутой (въ предъидущемъ примѣчаніи) книгѣ Менетріе правильно говоритъ: «La cour est l'academie de l'honneur et l'ecole de la vertu».

подвергался разбору выбранныхъ и уполномоченныхъ къ тому судей, отъ усмотрѣнія которыхъ зависѣло принять рыцаря или же отвернувъ гербъ, не допустить и владѣльца его до состязанія. Рѣшеніе это было слишкомъ важно для чести и будущности рыцаря, и твердыя правила ограничивали и дѣлали невозможнымъ всякій въ этомъ случаѣ произволъ.

§ 29.

За нѣсколько дней до начала турнира щитъ рыцаря выставлялся для разсмотрѣнія и обсужденія, что на техническомъ языкѣ того времени называлось Helmesschau, Tournierschau. Въ судьи были призываемы дамы, дѣвицы, могшія сказать что-нибуть противъ чести и нравственности состязателя, но главная забота въ этомъ случаѣ лежала на герольдахъ (héraults) (1), людяхъ, спеціально къ тому приготовленныхъ и учившихся своему искусству въ какой нибудь славной школѣ; потому что мало было знать, изъ чего состоитъ гербъ, надобно было постигнуть тайный, аллегорическій смыслъ эмблеммъ, въ немъ помѣщенныхъ, и умѣть выразить мысль на геральдическомъ языкѣ, совершенно отличномъ отъ обыкновеннаго разговорнаго и письменнаго. Во главѣ этихъ свѣдущихъ людей стояло лице, по преимуществу знакомое съ высокимъ искусствомъ читать и составлять гербы, т. н. *roi d'armes*, *Wappenkönig*. При нихъ состояли сверхштатные помощники герольдовъ, *les poursuivants d'armes*, изучавшіе на практикѣ гербы, чтобы съ теченіемъ

(1) *Спенеръ* (въ Insignium theoria p. 1) производитъ слово *herold* отъ Греческаго ἥρως, потому что онъ, обсуживая гербы, становился по необходимости судьею героическихъ подвиговъ. Вѣрнѣе производить названіе это отъ *Heer*, войско, и *hold*, пріятный, любимый, или отъ alt старый.

времени удостоиться высшихъ степеней въ геральдической iерархiи.

Всѣ эти оффицiальныя на турнирахъ лица отличались особенною епанчею безъ рукавовъ, cotte d'armes, доходившею до колѣнъ и украшенною девизами и гербами того двора, къ которому они принадлежали (¹). Поэтому у Французскаго двора предсѣдатель т. е. турнирнаго комитета, le roi d'armes, назывался *Montjoie Saint Denis*.

Отъ слова *heraldus* происходитъ самое названiе науки о гербахъ—*Геральдика*.

Герольды, подъ предсѣдательствомъ своего старшины, должны были разобрать гербъ критически, blasonner, и результатомъ этого разбора было или допущенiе рыцаря къ турниру, или исключенiе его изъ участiя въ этомъ благородномъ занятiи. Для узнанiя рѣшенiя по этому предмету, рыцарь на конѣ подъѣзжалъ къ мѣсту, гдѣ долженъ былъ происходить турниръ, и трубнымъ звукомъ звалъ къ себѣ герольда (blasen). Если рыцарь удостоивался принятiя, то онъ привѣшивалъ этотъ рогъ къ шлему и вступалъ въ ряды своихъ собратiй. Отъ этого-то обряда и происходитъ слово *blason*, гербъ, *l'art du blason* и *blasonner*, слова, употребляемыя и нынѣ какъ техническiя.

При королевскихъ дворахъ Западной Европы герольды оставались гораздо долѣе того времени, какъ существовали турниры. Вмѣсто прежняго занятiя устройства турнировъ, на нихъ было возложено веденiе и содержанiе въ порядкѣ списковъ благородныхъ фамилiй и ихъ гербовъ. При церемонiяхъ, особенно торжественныхъ,

---

(¹) Въ началѣ сочиненiя Спенера приложены рисунки съ изображенiемъ всего геральдическаго штата.

герольды являются и нынѣ въ прежнемъ своемъ блескѣ, если не значеніи.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

III. Крестовые походы.

§ 30.

Полное и блестящее примѣненіе къ дѣлу нашли себѣ рыцарскія понятія о чести, добродѣтели, уваженіи къ святынѣ и къ прекрасному полу въ крестовыхъ походахъ. Св. Церковь, которая благословляла рыцаря и его доспѣхи при вступленіи его въ это благородное званіе, требовала отъ него защиты противъ Мусульманъ, въ рукахъ которыхъ была колыбель Христіанства—Св. Градъ Іерусалимъ, противъ невѣрныхъ, которые становились страшны центру Католицизма—Риму. Вся Западная Европа встрепенулась и радостно откликнулась на зовъ Папы. Вообразите себѣ цвѣта, эмблеммы, девизы на щитахъ и шлемахъ рыцарей всѣхъ странъ и народовъ Западной Европы, и вы поймете, какую пользу оказали въ этомъ случаѣ гербы рыцарей.

Крестъ, символъ той святой цѣли, для которой предпринимался походъ, былъ видѣнъ повсюду, разныхъ цвѣтовъ, въ разномъ положеніи; и если до этой эпохи крестъ могъ нерѣдко красоваться на гербахъ, то неопровержимо, что крестовые походы внесли его въ гораздо большее число гербовъ рыцарей, поднимавшихъ оружіе за Св. Крестъ. Кромѣ того съ крестовыхъ же походовъ часто

встрѣчаются въ гербахъ рыцарей изображенія перелетныхъ птицъ: ихъ встрѣчали крестоносцы, идя на Востокъ, и помѣщали изображеніе ихъ на своихъ щитахъ, показывая тѣмъ, что и они также странствуютъ и бездомны; а въ ознаменованіе тѣхъ ранъ и лишеній, которымъ витязи подвергались, идучи на великое дѣло освобожденія христіанъ изъ-подъ ига невѣрныхъ, изображали птичекъ безъ ногъ и безъ носа (merlettes) [1]. Символъ этотъ такъ многозначителенъ и такъ правился крестоносцамъ, что принятъ очень многими изъ нихъ, и если онъ встрѣчается въ гербѣ какой-нибудь благородной фамиліи Западной Европы, можно почти навѣрное сказать, что кто-нибудь изъ членовъ этой фамиліи былъ въ крестовыхъ походахъ и вынесъ этотъ знакъ съ собою.

Съ Востока же, утверждаютъ геральдики, принесли съ собою рыцари названія геральдическихъ цвѣтовъ; такъ: gueules, красный цвѣтъ, производятъ отъ Еврейскаго gudul и Персидскаго gul, красный; sinople, зеленый цвѣтъ, обязанъ своимъ происхожденіемъ городу Синопу или, правильнѣе, это есть названіе извѣстной породы земли въ Левантѣ, которая окрашиваетъ предметы въ зеленую краску. Съ Востока же принесены названія— rubis, saphir, amethyste, émeraude.

§ 31.

Гербы простолюдиновъ.

Во всѣхъ феодальныхъ государствахъ Западной Европы даже и тогда, когда чисто-феодальныя учрежденія уже перестали существовать, осталась еще та взаимная

[1] De Wailly II. p. 94, 95.

вражда сословій, которая условливалась завоеваніемъ и бытомъ бароновъ. Подъ прикрытіемъ герба они тѣснили простой классъ народонаселенія, который съ своей стороны, чтобы уменьшить значеніе рыцарскаго герба, присвоилъ себѣ гербъ съ необходимыми его аттрибутами, съ девизами, шлемами и т. п. А какъ первоначально возстали противъ феодальныхъ владѣльцевъ Западной Европы среднихъ вѣковъ сословія, цехи, то у нихъ ранѣе чѣмъ у частныхъ людей (roturiers) встрѣчаются знамена съ изображеніемъ того святаго, котораго они считали своимъ покровителемъ, съ эмблеммою и надписью, занятію и образу дѣятельности ихъ соотвѣтствующими. Въ Парижѣ напр. сословіе аптекарей имѣло въ гербѣ изображеніе руки, выходящей изъ облаковъ на звѣздномъ небѣ и держащей бичь съ вѣсами, а наверху девизъ: lances et pondera servant.

На условіяхъ, сдѣлкахъ и вообще дѣловыхъ бумагахъ ремесленники, неумѣвшіе подписать свое имя, изображали вмѣсто того отличительное орудіе своего ремесла, и до насъ дошло много актовъ, подписанныхъ фигурами молота, ключа, подковы, колеса; а рядомъ съ этими изображеніями нотаріусъ или другое должностное лице отмѣчалъ имя плотника, слесаря и т. п. Этѣ же фигуры помѣщались на щитахъ и принимали форму гербовъ. Они по большей части переводятъ на геральдическій языкъ ремесло, занятіе лица или его имя и прозваніе (armes parlantes).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ИСТОРІЯ ПЕЧАТЕЙ ВЪ РОССІИ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

§ 32.

Изложеніе исторіи Геральдики Западной Европы, не смотря на всю его краткость, должно было убѣдить насъ въ одномъ: въ томъ, что всякая, повидимому, мелочная принадлежность западнаго герба, всѣ его аттрибуты не случайны, а вытекли прямо изъ рыцарскаго быта, который въ свою очередь обязанъ существованіемъ и развитіемъ феодализму. Онъ оставилъ свою печать на всѣхъ учрежденіяхъ средне-вѣковой Европы, и Геральдика не могла остаться чуждою этой стихіи.

Исторія нашего дворянства совершенно отлична отъ исторіи рыцарства: съ одной стороны несуществованіе у насъ феодализма, а съ другой—такого событія, которое бы послужило къ окончательному его образованію, каковы были на Западѣ турниры и крестовые походы, заставляетъ искать инаго для Геральдики нашей основанія. Если съ этою цѣлью обратиться къ исторіи благороднаго сословія въ отечествѣ нашемъ, то представляется слѣдующее начало: какъ западное дворянство пріобрѣталось отвагою и личными качествами, такъ коренное Русское дворянство, столь же благородное по подвигамъ доблести, въ основаніи всегда было поземельное, по владѣнію недвижимою населенною собствен-

ностью, и отчасти только служебное, и притомъ такъ, что первое послужило зерномъ, къ которому примкнуло второе. Въ первый разрядъ вошли благородные туземные роды, Князья и бояре, а во второй—служилые люди, выѣзжіе роды, пожалованные въ бояре, окольничьи, получившіе земли, вотчины и помѣстья за службу Россіи.

Различіе этихъ двухъ видовъ дворянства, существенное для исторіи гербовъ, объясняетъ и причину, по которой изложенію Геральдики въ тѣсномъ смыслѣ должна предшествовать хотя краткая исторія печатей. Недостатокъ ни одного по этой части спеціальнаго у насъ сочиненія не могъ бы оправдать насъ въ выборѣ этой системы, если бы для нея не лежало основанія въ самой сущности предмета. А именно: отъ Владиміра Св. и Ярослава пошло нѣсколько линій Княжескихъ владѣтельныхъ родовъ, *старшей и младшей братьи*, которые разъвѣтвляясь и мелчая, обратились одни въ В. Князей, другіе въ т. н. *служилыхъ Князей* и *подручниковъ* своего старшаго брата В. Князя Московскаго, Господаря, Государя и Обладателя всея Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ и удѣлы ихъ по завоеванію, мѣнѣ и инымъ основаніямъ слились съ Москвою. Но каждый Князь, властвуя въ своемъ удѣлѣ, имѣлъ необходимость въ печати, которою онъ утверждалъ какъ свои договоры, сдѣлки съ Москвою и иными городами, такъ и акты своихъ подданныхъ, печати, которая не могла не отразиться и на удѣльныхъ Княжескихъ монетахъ. Если печати эти первоначально произвольные, часто видоизмѣнялись, если нельзя положительно сказать, что всѣ онѣ перешли въ гербы, тѣмъ не менѣе было явленіемъ совершенно естественнымъ, что Удѣльные Князья, утративъ свою первона-

чальную самостоятельность и занявъ въ рядахъ Московскихъ служилыхъ людей самое почетное мѣсто по обычаю, утвержденному давностью, сохранили въ печатяхъ, а въ послѣдствіи гербахъ своихъ изображенія, которыя первоначально были эмблеммами ихъ владѣнія тѣмъ или другимъ Княжествомъ. Такимъ образомъ печати предшествовали фамильнымъ Княжескимъ гербамъ.

Что касается до частныхъ лицъ не Княжескаго происхожденія, то и у нихъ долго не было гербовъ въ настоящемъ значеніи этого слова, а мѣсто ихъ до конца XVII в. занимали также печати. Нѣкоторыя изъ этого правила изъятія сохранились отъ первой половины тогоже столѣтія: мы увидимъ у нѣкоторыхъ лицъ печати со всѣми признаками герба, но это не болѣе, какъ исключенія, сдѣланныя въ пользу лицъ знатныхъ и образованныхъ. Правиломъ же остается то, что у каждаго лица была своя печать именная или съ извѣстными аттрибутами, имъ усвоенными. Въ доказательство этого положенія мы приведемъ слѣдующія слова Котошихина изъ его сочиненія о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, слова, тѣмъ большее имѣющія значеніе, что авторъ, бывъ за границею, уже имѣлъ точное и вѣрное понятіе о гербахъ и прямо различаетъ ихъ отъ печатей. «А кому Царь похочетъ вновь дати боярство и окольничество и думное дворянство изъ стольниковъ и изъ дворянъ, или дворянина изъ дворовыхъ всякихъ чиновъ или изъ военныхъ людей, и такимъ даетъ честь и службу, по своему разсмотрѣнію, кто въ какой чинъ и честь годенъ. А грамотъ и гербовъ на дворянство ихъ и на боярство никому не даетъ, *потому что гербовъ никакому человѣку изложити не могутъ*, да не токмо кому боярину или иному человѣку недаются гербы, но и самъ Царь

гербомъ своимъ Московскимъ печатается на грамотахъ въ Христіанскія Государства не истиннымъ своимъ прямымъ, а печатается своимъ истиннымъ гербомъ къ Крымскому Хану и къ Калмыкамъ; также и у старыхъ родовъ Князей и бояръ, и у новыхъ, истинныхъ своихъ печатей нѣтъ, да не токмо у Князей и бояръ и иныхъ чиновъ, но и у всякаго чину людей Московскаго Государства гербовъ не бываетъ; а когда лучится кому къ какимъ письмамъ или посломъ къ посольскимъ дѣламъ прикладывать печати, и они прикладываютъ, *какая у кого печать прилучилась, а не породная»*. гл. II ст. 12). Факты, сохраненные намъ древними грамотами, и самыя печати, дошедшія до насъ, служатъ полнымъ подтвержденіемъ этой мысли: какъ у Князей, такъ и другихъ благородныхъ лицъ были по правилу однѣ печати до тѣхъ поръ, пока эмблеммы, принадлежащія тому или другому Княжеству, не были усвоены его владѣльцу и роду, отъ него происшедшему, а другими лицами не были присвоены аттрибуты по происхожденію ихъ (если они были выѣзжіе) или по заслугамъ. Ранѣе другихъ образовался Гербъ Государственный, а печать В. Княжества Московскаго стала постоянною и родовою эмблеммою Московскаго Герба, который съ теченіемъ времени нашелъ себѣ мѣсто въ двуглавомъ орлѣ; и Котошихинъ совершенно правъ, называя всадника на конѣ собственно Московскимъ Гербомъ.

§ 33.

Но если печати такъ важны для правильнаго уразумѣнія Русской, особенно, повторяемъ, Княжеской Геральдики, то предварительно разсмотрѣнія въ отдѣльности каждаго рода и вида ихъ, необходимо разрѣшить два вопроса:

1) о древности печатей и 2) объ источникахъ, изъ которыхъ свѣдѣнія о печатяхъ могутъ и должны быть заимствуемы. Давъ отвѣтъ на эти основные вопросы, наука будетъ обязана войти въ аналитическое разсмотрѣніе печатей каждой эпохи и каждой Княжеской линіи (разумѣется на столько, на сколько это необходимо для главной цѣли), и затѣмъ историческія данныя приложить къ гербамъ Государственному, Княжескимъ и прочихъ лицъ.

§ 34.

О древности печатей.

Сфрагистикѣ Русской, т. е: наукѣ о печатяхъ, которая на Западѣ въ послѣднее особенно время сдѣлала большой шагъ впередъ, не положено у насъ еще начала; не многія журнальныя статьи [1] когда-то внесли въ нашу ученую литературу нѣкоторыя по этому предмету не полныя, критикою не очищенныя данныя, и на томъ археологія наша какъ бы остановилась, не смотря на то, что никогда не было открываемо и обнародываемо въ обширномъ отечествѣ нашемъ столько грамотъ и актовъ разнаго рода, сколько въ настоящемъ столѣтіи. И между тѣмъ, какъ разработка отечественной исторіи вообще сдѣлала большой шагъ впередъ, наукѣ о печатяхъ предстоитъ собрать и

[1] Самое полное исчисленіе древнихъ нашихъ печатей сдѣлано Митрополитомъ Евгеніемъ въ его статьѣ: *«Примѣчанія на Мстиславову грамоту»*, помѣщенной въ 3-й части трудовъ и Записокъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ (М. 1826 стр. 5—65), и въ Вѣстникѣ Европы 1818 г. № 15, 16. Другія статьи болѣе частныя будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ.

привести въ систему тѣ факты, которые представляютъ наши источники для исторіи печатей. Безъ того отечественная археологія будетъ лишена одного изъ главныхъ средствъ повѣрять подлинность актовъ и опредѣлять время ихъ составленія. Отъ насъ, повторяемъ, нельзя требовать полнаго изложенія отечественной сфрагистики, но излагая ее въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для Геральдики, мы постараемся найти общія для печатей начала.

Древнѣйшая Русская печать относится, какъ увидимъ ниже, къ началу XII столѣтія: обстоятельство относительно выгодное, если вспомнимъ, что Россія, какъ самостоятельное Государство, существовала до того только два съ половиною столѣтія, между тѣмъ, какъ въ государствахъ Западной Европы, гораздо ранѣе возникшихъ и уже процвѣтавшихъ тогда, когда Россія только зарождалась, очень немногіе памятники принадлежатъ V вѣку, нѣсколько болѣе VII, VIII и IX, а древними собственно считаются относящіеся къ столѣтіямъ X, XI и XII (¹). Но если сохранилась у насъ печать XII вѣка, то это нисколько не значитъ, что раньше этого времени у насъ не было печатей: напротивъ, на первыхъ страницахъ лѣтописи преподобнаго Нестора встрѣчается свидѣтельство, что печати были извѣстны Русскимъ первой половины X еще вѣка и что приложеніе ихъ считалось необходимымъ для утвержденія договоровъ. Въ трактатѣ Великаго Князя Игоря съ Греками, заключенномъ въ 945 г., упоминается, что дипломатическіе агенты Россіи первоначально носили печати: послы золотыя, а гости серебреныя,

---

(¹) Elementa artis diplomaticae Gattereri. Goettingae. 1765 pars I. p. 13 Вѣстникъ Европы 1818 г. № 15, 16. стр. 250

что̀ и служило признакомъ ихъ полномочія; а въ эпоху заключенія договора вмѣсто того давались отправляемымъ въ Грецію посламъ и гостямъ пропускныя грамоты, въ которыхъ означалось число ихъ кораблей, чтобы Греческое Правительство знало, сколько кораблей приходитъ изъ государства, состоящаго съ нею въ мирѣ ([1]). Тѣмъ не менѣе договоръ, заключенный съ Греціею при Святославѣ, уполномоченные Русскіе утвердили своими подписями и печатями ([2]).

Судя по этимъ свидѣтельствамъ, должно бы заключить, что печати, т. е. вѣроятно перстни съ печатями, давались въ древней Россіи лицамъ, отъ Правительства уполномоченнымъ, вмѣсто вѣрющихъ грамотъ, и что на печатяхъ повторялось одно и то же изображеніе. Иначе не довѣряли бы имъ лица, для убѣжденія которыхъ и давались этѣ печати; но къ сожалѣнію догадка эта, слишкомъ впрочемъ правдоподобная, ждетъ подтвержденія; и если бы не погибло такъ много драгоцѣнныхъ памятниковъ нашей старины, если бы перстни, золотые и драгоцѣнными камнями украшенные, не передѣлывались: то разрѣшилась бы не одна задача отечественной археологіи. Безъ этого, въ ней часто встрѣтятся пробѣлы, которыхъ нельзя пока пополнить. Собственно говоря, печатей (по крайней мѣрѣ обнародованныхъ или другими путями

([1]) Выписываемъ и подлинныя слова изъ 1 Т. Полнаго Собранія Русскихъ лѣтописей (изд. археогр. Ком.) стр. 20:» пошаху сли печати златы, а гости сребрены; нынѣ же увѣдѣлъ есть князь вашъ посылати грамоту ко царству нашему: иже посылаемы бываютъ отъ нихъ сли и гостье, да приносятъ грамоту, пишуче сице: яко послахъ корабль селько». Ср. *Шлецера* Несторъ Т. III стр. 115—117. *Эверса* древн. Русс. Право стр. 220.

([2]) Лѣтопись Т. 1 стр. 31. Подобное же уваженіе къ печатямъ встрѣчаемъ и у другихъ Славянскихъ народовъ. *Эверсъ* стр. 220, 221.

намъ извѣстныхъ) не много, хотя слѣды ихъ существованія на грамотахъ встрѣчаются нерѣдко. Но шнурокъ подгнилъ, воскъ распался, изображенія даже на металлѣ поизгладились, а догадка, если и на фактахъ основанная, не всегда имѣетъ ту степень достовѣрности и неопровержимости, какой требуетъ наука. Лучшее по нашему мнѣнію пособіе въ этомъ случаѣ представляютъ наши древнія деньги и штемпеля, на нихъ сохранившіеся.

§ 35.

Виды печатей и ихъ отношеніе къ денежнымъ чеканамъ.

По различію лицъ, кому печати въ древней Россіи принадлежали и которыя ими пользовались для утвержденія своихъ грамотъ, сдѣлокъ и распоряженій, печати распадаются на два разряда: имѣя нѣкоторыя общія между собою черты, онѣ различаются существенными примѣтами. Печати были или *Княжескія* или *частныхъ лицъ*. Какъ въ первомъ разрядѣ мы пока не различаемъ еще никакой отрасли князей, ни старшей, ни младшей братьи, такъ и частныя лица, печатями пользовавшіяся, различались по состояніямъ (духовныя, свѣтскія) и по положенію своему въ государствѣ (должностныя лица). Общее, не смотря на все кажущееся различіе, во всѣхъ этихъ печатяхъ было то, что камей, антикъ, случайно попадавшійся, понравившійся лицу или примѣнимый къ его быту, жизни и обстоятельствамъ, вставлялся въ именный ободочекъ, или же изображеніе изготовлялось въ Россіи и также съ круговою надписью составляло печать, или наконецъ одна надпись на печати свидѣтель-

ствовала, чья она, и приложеніе ея къ договорамъ и актамъ служило достаточнымъ ручательствомъ ихъ твердости. То же явленіе мы видѣли и въ Западной Европѣ, и къ намъ оно перешло изъ Византіи. Отсюда привозили къ намъ камеи, къ которымъ, по свидѣтельству путешественниковъ, питаютъ большое уваженіе всѣ Славянскія племена. Впрочемъ какъ вообще одинаковыя учрежденія и обыкновенія, существующія у разныхъ народовъ при одинаковой степени ихъ развитія, должны быть объясняемы сходствомъ и тождествомъ потребностей и недостаткомъ другихъ средствъ къ ихъ удовлетворенію, такъ и относительно печатей замѣтимъ, что въ древней Россіи рѣщиковъ не было, поэтому монеты и печати для Князей или должны были дѣлаться въ Византіи (Греческая работа видна очень часто), или состоять изъ геммъ, которыхъ не могъ не отличать самый необразованный вкусъ за ихъ красоту и отдѣлку. Частныя лица, хотя также употребляли для этой цѣли камеи, но чаще дѣлали себѣ печати именныя или съ изображеніемъ, дурно скопированнымъ съ камея. Духовныя только лица, подражая образцамъ, принесеннымъ изъ Византіи, имѣли на печатяхъ своихъ эмблеммы и надписи, постоянно повторявшіяся соотвѣтственно сану лица.

Такимъ образомъ общимъ у печатей Княжескихъ съ печатями частныхъ лицъ остается то, что они были по бо̀льшей части именныя и личныя, слѣд. характера родоваго и наслѣдственнаго первоначально не имѣли. Къ древнимъ печатямъ частныхъ лицъ это начало дѣйствительно и примѣнимо, но для Князей такихъ печатей было недостаточно, и потому рядомъ съ личными идутъ другія печати съ изображеніемъ т. е. официальнымъ, государственнымъ, которое если и видоизмѣнялось, то не

вслѣдствіе перемѣны лица, а вслѣдствіе перемѣны обстоятельствъ и государственныхъ убѣжденій. Печать, мы увидимъ, была самою краснорѣчивою ихъ представительницею. Извѣстному времени, извѣстнымъ отношеніямъ В. К. Кіевскаго или Московскаго къ Ордѣ, Литвѣ, къ другимъ удѣльнымъ князьямъ соотвѣтствовала печать иная въ сравненіи съ тою, которая употреблялась при измѣнившихся обстоятельствахъ; и тогда какъ государственныя, такъ-сказать, бумаги печатались ею, частная, внутренняя переписка, неносившая признака государственной, довольствовалась печатью личною, именною.

Эти два характера печатей княжескихъ объясняютъ многое въ нашей древней сфрагистикѣ и главное дѣлаютъ неумѣстнымъ всякій упрекъ въ какомъ-то произволѣ при выборѣ изображеній для печатей княжескихъ; въ исторіи же Русскаго Государственнаго Герба начало это чрезвычайно важно, ибо слѣдя за образованіемъ печатей Великаго Князя Московскаго, мы шагъ за шагомъ можемъ прослѣдить тѣ убѣжденія, которыя воплощались въ печати, пока изображеніе на ней, разъ остановившееся при окончательномъ образованіи идей государственныхъ, не перешло въ гербъ.

§ 36.

Лучшимъ пособіемъ для исторіи Княжескихъ печатей служатъ древнія наши монеты, точно такъ, какъ и онѣ съ своей стороны должны находить себѣ объясненіе въ изображеніяхъ на печатяхъ одной со временемъ чеканки ихъ эпохи. Долго преобладало у насъ и доселѣ еще не всѣми покинутое убѣжденіе, будто всякій серебреныхъ и золотыхъ дѣлъ мастеръ, *денежникъ*, чеканилъ монету со штемпелемъ, какой ему угодно, такого вѣса, какой

для него было выгоднѣе, и что раньше XIV вѣка у насъ будто и не чеканили совсѣмъ монеты, а обходились, употребляя однѣ иностранныя деньги. Высказанная Герберштейномъ (1), повторенная Бакмейстеромъ (2) и Барономъ Шодуаромъ (3) мысль эта, нисколько неповѣренная фактами, не смотря на все несогласіе ея съ свидѣтельствами лѣтописи о торговлѣ, учрежденіяхъ древней Россіи, не смотря на противорѣчіе съ постановленіями, заключающимися въ Русской Правдѣ и другихъ узаконеніяхъ *о вирахъ и продажахъ*, оставалась до новѣйшихъ временъ общимъ у насъ убѣжденіемъ. Недостатокъ наличныхъ памятниковъ и сходство изображеній на оставшихся монетахъ съ деньгами Византійскими повидимому оправдывали это мнѣніе; но забывали, что въ странѣ, которая вела торгъ съ сосѣдними государствами, странѣ, гдѣ личныя наказанія замѣнялись взносомъ опредѣленнаго количества денегъ, необходима была единица, въ которой могла бы приравняться цѣнность вещей и иностранныхъ денегъ. Недостатокъ даже древнихъ монетъ не могъ уничтожать справедливости свидѣтельства лѣтописи, подтверждаемой иностранными источниками, и тогда именно, когда Императорское Археологическое Общество стало доказывать неправильность такого взгляда на нашу нумизматику (4), случай сдѣлалъ больше, чѣмъ моглибы сдѣлать всѣ

---

(1) Herbersteini commentarii (ed. Starczewski) p. 39.

(2) *Бакмейстера* опытъ о библіотекѣ и кабинетѣ рѣдкостей Академіи наукъ, перев. *Костыгова*. Спб. 1779. стр. 19.

(3) *Baron Chaudoir*—Aperçu sur les monnaies russes et etrangères qui ont eu cours en Russie. Spb. 1836. T. I. p. 102.

(4) Указываемъ на главнѣйшія по этой части разсужденія въ запискахъ Археологическаго Общества: *П. С. Савельева* (Т. I. стр. 342. сл.) въ замѣчаніяхъ на статью. Я. Я. Рейхеля о монетахъ западныхъ Славянъ. *П. Д. Бѣляева* (зап. Т. V. стр. 298): «Были ли на Руси монету до XIV вѣка?—

разсужденія и доводы, путемъ науки добытые.—Въ 1852 году открытъ близъ Нѣжина кладъ, заключавшій въ глиняномъ горшкѣ около 200 серебреныхъ монетъ съ Славянскими надписями того же стиля, какой употреблялся въ X и XI вѣкахъ у насъ въ Россіи и съ именами Князей, которые управляли Россіею въ эту именно эпоху—Владиміра, Ярослава, Святополка и Георгія. Въ минцкабинетахъ нашихъ и прежде были уже извѣстны деньги съ тѣмъ же штемпелемъ и съ тою же надписью, но самая малочисленность ихъ была приводима въ доказательство того, что онѣ не были ходячими у насъ деньгами; иначе ихъ встрѣчалось бы гораздо болѣе. Доказательство это повидимому подтверждалось и тѣмъ, что чеканъ ихъ, форма рисунка, даже фигуры на оборотной сторонѣ составляютъ вѣрное подражаніе монетамъ Византійскимъ. Но явленіе это, по нашему мнѣнію, совершено естественное и должно напротивъ служитъ подтвержденіемъ того, что деньги эти дѣйствительно принадлежатъ первымъ Русскимъ Князьямъ, если даже и оставить безъ вниманія то обстоятельство, что онѣ отысканы въ сердцѣ древней Россіи, Малороссіи, что у Сербскихъ и другихъ Славянскихъ племенъ, которымъ хотѣли приписать монеты этого рода (1), нельзя указать ряда Князей, имена которыхъ, ясно

Здѣсь же (стр. 248) моя статья: «Исторія поддѣлки монетъ въ Россіи до временъ Петра Великаго». Путемъ юридическаго изслѣдованія законовъ противъ денежниковъ можно дойти до слѣдующаго вывода: если существовали правила противъ поддѣлки монетъ, если виновники ея наказывались, значитъ она была запрещена и произвола въ этомъ важномъ государственномъ дѣлѣ не было. Наконецъ статья *И. П. Сахарова* въ Запискахъ Русскаго Отдѣленія Археологическаго Общества Т. I. Спб. 1851. Отд. I. стр. 107 сл.

(1) *Я. Я. Рейхеля* Зап. Арх. Общ. Т. I. стр. 212 сл. Описаніе древнихъ монетъ и медалей собранія Генерала *Шуберта* Спб. 1843. Ч. I. стр. 53 сл.

видны на открытыхъ монетахъ. Никакой поддѣлки въ этомъ случаѣ также подозрѣвать нельзя: ее можно бы приписать только нумизмату, археологу; но какъ наука о древнихъ монетахъ у насъ еще слишкомъ юна, такъ и собирателей монетъ у насъ не было и быть не могло до новѣйшихъ временъ; къ счастію былъ у предковъ нашихъ обычай хоронить клады и ввѣрять на случай опасности сокровища свои землѣ. Какъ бы въ благодарность за труды и усердіе, съ которыми пахарь ее воздѣлываетъ, она награждаетъ его изрѣдка драгоцѣнностями, обогащающими науку (1).

На всѣхъ монетахъ первыхъ нашихъ Князей изображенъ потретъ самого Государя, съ надписью вокругъ его имени, и прибавкою: «*на столѣ*», а на оборотѣ: «*а се его серебро*». Большей гарантіи для подданныхъ, употреблявшихъ такую ходячую монету, не требовалось, и штемпель этотъ, разъ утвержденный, не измѣнялся долго, до тѣхъ поръ, пока Россія не распалась на удѣлы, на самостоятельныя части. Тогда изображеніе Государя стало видоизмѣняться отчасти по областямъ, гдѣ чеканились монеты, а главное по тѣмъ убѣжденіямъ, которыя имѣлъ тотъ или другой Великій Князь о верховной власти и по отношеніямъ, въ которыхъ онъ находился къ другимъ Князьямъ, своей братьѣ, равно какъ къ врагамъ своей области. Не говоря о частностяхъ и не вдаваясь въ подробности, на которыя должно быть обращено вниманіе при изложеніи печатей каждаго Княжества въ отдѣльности, мы замѣтимъ здѣсь пока, что идея Государевой власти,

(1) Подробнымъ описаніемъ Нѣжинскаго клада мы обязаны *Г. Волошинскому* въ трудахъ Коммисіи, Высочайше учрежденной при Университетѣ Св. Владиміра для описанія губерній Кіевскаго Учебнаго округа. 1853 Кіевъ. (Смѣсь).

не смотря на безчисленныя видоизмѣненія изображеній, въ сущности слѣдовала такому порядку: первоначально Государь, сидящій на престолѣ впрямъ, въ коронѣ, съ крестомъ въ рукѣ, какъ покровитель и распространитель Христіанства—это типъ чисто Византійскій; потомъ Русскіе уже художники на деньгахъ XIV и XV вѣковъ изображали его также въ коронѣ, но въ профиль и съ мечемъ; *столъ* же, на которомъ сидитъ Князь, имѣлъ видъ или простой скамейки или креселъ, бока которыхъ украшены изображеніемъ головы животныхъ, обыкновенно львовъ. Буквы к и н, которыя часто обозначались по сторонамъ этой фигуры, прямо указываютъ, что это ни кто иной, какъ самъ Князь. А чтобы изобразить жизнь и дѣятельность Государя, денежникъ представлялъ его или судящимъ и милующимъ, или съ сѣкирою, мечемъ, поражающимъ змія и т. п. Съ XV-го вѣка Князь представляется коннымъ, но также съ аттрибутами власти, и главное—побѣдителемъ. Поднятый мечъ и изображеніе лошади вскачь не оставляютъ никакого повода сомнѣваться, что именно эту идею думалъ изобразить денежникъ, а тѣже буквы к и н (Князь) вполнѣ убѣждаютъ, что это портретъ Государя. Сходство съ подлинникомъ, при очень плохой чеканкѣ, конечно отыскать трудно, но мысль при этомъ едва ли иная, и когда Москва стала во главѣ Государства, мечъ въ рукахъ В. Князя замѣненъ копьемъ и подъ ногами коня изображены его враги въ видѣ дракона, котораго онъ и побѣждаетъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и прежде, нельзя сомнѣваться, кто этотъ всадникъ: объ этомъ свидѣтельствуютъ означенныя буквы, встрѣчаемыя на монетахъ съ этимъ штемпелемъ а въ случаѣ ихъ недостатка—надпись кругомъ изображенія или на оборотѣ монеты: *Великій Князь*, съ означеніемъ его имени и отче-

ства (¹). Притомъ въ одно и то же правленіе, одинъ и тотъ же В. Князь изображался различно: обстоятельство, совершенно понятное и легко объясняемое современымъ эпохѣ, когда чеканена монета, состояніемъ Россія и образомъ дѣятельности тогда ея Государя. Если съ этой точки зрѣнія смотрѣть на нашу нумизматику, то за недостаткомъ цифръ, откроется приблизительное по крайней мѣрѣ средство означать время чеканки денегъ.

Такова была государственная, офиціальная т. е. сторона чекана, а оборотъ ея (если не былъ посвященъ надписи, кто такой изображенный Князь) занятъ фигурами до чрезвычайности разнообразными, а вокругъ нихъ надпись *печать* Князя, съ означеніемъ какого именно. Если бы даже и не было послѣдняго указанія, слова *печать*, то и тогда одно соображеніе (не говоря уже о сравненіи этихъ штемпелей съ дошедшими до насъ печатями Князей) должно бы довести до заключенія, что если денежники чеканили монету подъ надзоромъ и по указаніямъ Правительства, если деньги исходили отъ лица Государя, то на нихъ могли находить себѣ мѣсто тѣ только эмблеммы, которыя употреблялись Князьями. Какъ съ одной стороны монеты буквы к. н. не оставляютъ никакого сомнѣнія, что не смотря на всѣ видоизмѣненія въ изображеніи, былъ представленъ самъ Князь, такъ употребленіе слова *печать* при фигурахъ головъ людей, грифовъ, львовъ, птицъ, деревьевъ, монограммъ и т. п. доводитъ до заключенія, что фигуры этѣ были дурныя, по большей части, копіи съ прелестныхъ иногда оригиналовъ, къ камеевъ. Такимъ образомъ откры-

(¹) *Черткова*, Описаніе древнихъ Русскихъ монетъ. М. 1834, табл. I, стр. 6. 7; табл. II, стр. 1. 4; табл. III, стр. 5.

вается средство къ взаимному дополненію и къ повѣркѣ денегъ и печатей. Вотъ одинъ примѣръ: на Московскихъ великокняжескихъ и удѣльныхъ деньгахъ часто встрѣчается штемпель: человѣкъ, стрѣляющій изъ лука; но на печати такого изображенія не видимъ, и можно бы подумать, что оно обязано своимъ существованіемъ произволу художника. Между тѣмъ въ числѣ перстней, наслѣдованныхъ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ отъ его предковъ, находимъ и такую печать (¹). Вообще если встрѣчается на грамотѣ печать, не извѣстно кому принадлежаща, стоитъ провѣрить, у кого на монетахъ она вычеканена, и если случай сохранилъ на деньгѣ этой имя Князя, то задача разрѣшена, и на оборотъ печати Княжескія подаютъ руку помощи нумизмату, если онъ затрудняется опредѣлить время, когда выбита та или другая монета. Штемпель и сравненіе его съ печатью можетъ навести на слѣдъ, указать время, къ которому монета принадлежитъ.

Какъ въ каждомъ подобномъ случаѣ приходится и здѣсь пожалѣть о томъ, что сохранилось далеко не все, что наука желала бы имѣть для полнаго доказательства своихъ доводовъ и соображеній: печатей въ особенности сохранилось не много, и мы воспользуемся ими для доказательства приведенныхъ выводовъ при изложеніи исторіи Княжеской сфрагистики. Но предварительно необходимо еще коснуться вопроса о внѣшнемъ видѣ печати и о формѣ ея приложенія. Много встрѣтимъ мы здѣсь сходнаго съ тѣмъ, что было сказано о приложеніи печатей въ Западной Европѣ, и позволимъ себѣ напомнить, что какъ штемпеля для печатей, такъ и образъ

(¹) Записки Археол. Общ. Т. III, стр. 72, 73.

ихъ приложенія первоначально могли перейти къ намъ изъ Византіи и быть усвоены Русскими.

§ 37.

По веществу, изъ котораго дѣлались печати, онѣ бываютъ:

1) *Металлическія* (извѣстныя на Западѣ подъ названіемъ bullae (стр. 26). Онѣ всегда привѣшивались на снуркѣ, продѣтомъ въ пергаментѣ или бумагѣ, и состояли изъ двухъ тонкихъ пластинокъ, чрезъ которыя пропускался и заклепывался шнурокъ (какъ въ нынѣшнихъ таможенныхъ пломбахъ). По различію металловъ печати были: а) золотыя, б) серебреныя, в) серебреныя вызолоченныя и г) свинцовыя. Печати этого рода, если не предполагать, что имъ предшествовали восковыя, истлѣвшія и утратившіяся, самыя древнія. Употребленіе разныхъ видовъ метала для печати не было произвольно, а условливалось саномъ лица, ее употреблявшаго, равно какъ значеніемъ грамоты, печатью утверждаемой. Золотыя печати привѣшивались къ трактатамъ съ Цесаремъ, т. е. Императоромъ Австрійскимъ, который и съ своей стороны дипломатическую съ Россіею переписку запечатывалъ золотыми буллами. Такая Bulla aurea (начало надписи вокругъ печати) сохранилась на замѣчательной грамотѣ, писанной Императоромъ Максимиліаномъ I къ Великому Князю Василію Іоанновичу въ 1514 году Августа 4-го о взаимномъ согласіи и союзѣ противъ Польскаго Короля Сигизмунда. Грамота эта обратила на себя вниманіе Петра Великаго тѣмъ, что въ ней Великому Князю Василію Іоанновичу дается титулъ Императора Всероссійскаго. (Она издана въ С.-Петербургѣ въ 1718 году) (1).

(1) Собр. Гос. Гр. и Догов. Т. V (неоконченный и хранящійся въ Императорской Публичной Библіотекѣ) стр. 65. 66.

Кромѣ того, золотыми же печатями утверждались т. н. *шертныя* грамоты, посредствомъ которыхъ татарскіе Цари и Царевичи, оставшіеся въ областяхъ первоначально имъ подвластныхъ и въ послѣдствіи къ Россіи присоединенныхъ, признавали надъ собою покровительство и власть Московскаго Государя, обѣщавшаго имъ съ своей стороны милость и защиту. Трактаты такого рода укрѣплялись крестоцѣлованіемъ и считались такъ важными, что къ нимъ привѣшивались *золотыя печати*, обѣими вступавшими въ сношенія сторонами «*на бóльшее укрѣпленіе*», какъ сказано въ древнемъ титулярникѣ при описаніи подобной грамоты, данной Сибирскому Царю Кучуму ([1]). О приложеніи золотой печати упоминалось въ самомъ актѣ; напр. грамота, данная въ 1480 году, Великимъ Княземъ Іоанномъ III Крымскому Царю Менгли-Гирею, оканчивается слѣдующимъ выраженіемъ: «такъ молвя изъ своихъ устъ, сю *крѣпкую* грамоту съ золотою своею печатью далъ есми;» ([2]) а шертная грамота Крымскаго Царя Магмедъ-Гирея Великому Князю Василію Іоанновичу въ 1518 г. данная—словами: «а въ семъ *золотомъ ярлыкѣ* кои слова есми молвили, и како тому и быти . . . молвя золотую съ синимъ нишаномъ живописною запечатавъ шертную грамоту далъ есми.» ([3]) Далѣе къ актамъ внутреннимъ особенной важности, напр. жалованнымъ грамотамъ монастырямъ на земли и привиллегіи, равно какъ къ договорамъ съ Новгородомъ и иностранными городами прикладывали печати серебре-

---

([1]) Титулярникъ (рукоп. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ) 6997 года стр. 80.

([2]) Собр. Гос. Гр. Т. V, стр. 2.

([3]) Тамъ же, стр. 81, 104, 124. Ср. стр. 37. Подъ словомъ *нишанъ* разумѣется на Восточныхъ языкахъ *знакъ, печать*.

ныя, которыя употреблялись также Московскими Митрополитами и Новгородскими Архіепископами, хотя грамоты меньшей важности тѣже лица утверждали печатями восковыми. Древнѣйшія новгородскія посадничьи и городовыя грамоты, до насъ дошедшія, равно какъ нѣкоторыя печати частныхъ лицъ—свинцовыя (1). Металлическія печати почти всегда двусторонція и вислыя.

2) *Печати восковыя* или изъ чистаго воску—бѣлаго и желтаго, или изъ воска, смѣшаннаго съ красками: черныя, темнокоричневыя и красныя. Какъ первыя могли быть употребляемы всѣми, начиная отъ Великаго Князя и Митрополита, такъ воскъ красный составлялъ принадлежность однѣхъ печатей Велико-княжескихъ, Митрополичихъ и Новгородскаго Архіепископа и опять съ тѣмъ же различіемъ по содержанію и важности актовъ. Частная этихъ высшихъ лицъ переписка печаталась чернымъ воскомъ, тогда какъ грамоты оффиціальныя отличались воскомъ краснымъ. Но такъ какъ воскъ не проченъ и печать на немъ легко могла искрошиться, то въ видахъ сохраненія ея цѣлости и неприкосновенности въ XVI особенно вѣкѣ, когда образовалась наша Государственная Печать и съ расширеніемъ государственной дѣятельности въ приложеніи ея встрѣчалась все чаще и чаще необходимость, были прикладываемы:

3) *Печати воскомастичныя*. Вещество для нихъ составлялось изъ воску, мастики, красной краски, мѣла или муки. Этого рода печати очень прочны, съ перваго взгляда мало отличаются отъ сургучныхъ, цвѣтомъ или

---

(1) При подробномъ исчисленіи печатей разныхъ видовъ и разрядовъ, мы будемъ всякій разъ означать, на чемъ онѣ оттиснуты.

красныя или бланжево-красноватыя. Нѣкоторыя изъ нихъ сохранились очень хорошо.

4) *Печати на дегтю* или на *смолѣ* встрѣчаются рѣже восковыхъ и прикладывались вѣроятно за недостаткомъ другихъ болѣе прочныхъ и для оттисковъ удобныхъ матеріаловъ. Въ находящейся у насъ рукописной крѣпостной книгѣ 1586 года, назначенной для внесенія въ нее по мѣрѣ явки кабалъ и разныхъ частныхъ сдѣлокъ, книгѣ, на которую мы неоднократно будемъ имѣть случай ссылаться, читаемъ въ одномъ мѣстѣ подъ статьею о явкѣ *полной* Андреемъ Ивановымъ Пустошкинымъ, что «у полные печать печатана дегтемъ». (¹)

и 5) *Печати сургучныя*—черныя и красныя, появились только въ концѣ XVII вѣка и вошли въ общее употребленіе съ XVIII столѣтія.

Печати восковыя и воскомастичныя или прикладывались къ грамотамъ или привѣшивались къ нимъ, что̀ также обозначалось иногда въ самомъ актѣ (²). Въ первомъ случаѣ для бо́льшей прочности около того мѣста, гдѣ предполагалось приложить печать, вырѣзывали четвероугольникъ (бо́льшій или мѐньшій, смотря по величинѣ печати) и пригнувъ его къ самой грамотѣ, чрезъ вдвое сложенный пергаментъ или чрезъ двойной слой бумаги, продѣвали тоненькую полоску пергамента или бумаги (также вдвое сложенной) и уже потомъ прикладывали пе-

---

(¹) Замѣчательная и единственная въ своемъ родѣ рукопись эта напечатана въ 1-ой половинѣ 2 Тома Архива Историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, который издаетъ Н. В. Калачовъ.

(²) «И къ той грамотѣ *привѣсили* есмя свою печать.» Собр. Гос. Гр. V. стр. 9. «печать свою *приложилъ.*» стр. 39. ср. стр. 53. 61. 65. 68 и др. Къ актамъ частнымъ, не оффиціальнымъ, печати чаще прикладывались, чѣмъ привѣшивались.

чать, которая и держалась собственно на этихъ полоскахъ.

Печать, формы по большей части круглой, рѣже продолговатой, прикладывалась, если была одна, на нижнемъ краю грамоты, иногда въ срединѣ самаго акта; а если ихъ было нѣсколько, то въ размѣщеніи ихъ начинали отъ лѣвой руки къ правой по старшинству и достоинству лицъ или по обычаю (напр. на Новгородскихъ грамотахъ печати представителей разныхъ концовъ города) или наконецъ по порядку упоминовенія лицъ въ началѣ акта. Послѣднее обстоятельство не должно быть оставляемо безъ вниманія, потому что не рѣдко служитъ единственнымъ средствомъ узнать, кому изъ утвердившихъ актъ печатями своими лицъ принадлежитъ та или другая печать, если она не именная и не состоитъ изъ камея, въ именной ободочекъ вставленнаго.

Для большей сохранности прикладываемыя печати прикрывались иногда бумажною накладкою и назывались *подъ кустодіею.* Съ XVII вѣка предосторожность эта соблюдалась чаще, а изъ временъ Царя Θеодора Іоанновича сохранилось нѣсколько печатей, приготовленныхъ изъ воско-мастики и покрытыхъ листовымъ золотомъ. У насъ кустодія чаще употреблялась для охраненія государственныхъ, чѣмъ частныхъ печатей, и форма ея, т. е. гладко ли обрѣзаны края кустодіи или изгибами, была подробно обозначена въ титулярникѣ для трактатовъ Россіи съ другими государствами, а практикою опредѣлена для различныхъ видовъ жалованныхъ грамотъ.

Вислыя печати были по большей части двустороннія, такъ что Государственная Печать и тогда даже, когда Московскій Гербъ уже нашелъ себѣ мѣсто въ сердцѣ двуглаваго орла, въ случаяхъ, когда она привѣшивалась,

представлялась въ раздѣльномъ видѣ: съ одной стороны орелъ, а съ другой всадникъ на конѣ; а на печатяхъ прикладываемыхъ эмблеммы этѣ соединялись. Рѣдко печати вислыя были односторонніа и почти исключительно принадлежали частнымъ людямъ.

Достоинство лица, кому принадлежала печать, и степень важности акта, къ которому она привѣшивалась, отражались и въ ниткахъ или снуркѣ, къ которымъ она прикрѣплялась. Печати частныхъ лицъ почти всегда привѣшивались на суровыхъ ниткахъ, которыя продѣвались чрезъ отверзтія, въ пергаментѣ или бумагѣ сдѣланныя, а царскія на шелковыхъ снуркахъ чаще малиновыхъ, рѣже зеленыхъ, голубыхъ, синихъ съ золотомъ.

Къ нѣкоторымъ актамъ привѣшивалось по нѣскольку печатей числомъ отъ двухъ до двѣнадцати и болѣе, отъ разныхъ лицъ, въ самой грамотѣ упоминаемыхъ. Печати эти также размѣщались по достоинству лицъ въ томъ же порядкѣ, какъ изложено выше для печатей прикладываемыхъ. На Новгородскихъ грамотахъ находимъ, начиная съ лѣвой руки, на первомъ мѣстѣ печати Великихъ Князей, потомъ архіепископа, далѣе посадниковъ и тысяцкихъ.

Изложивъ общія примѣты древнихъ Русскихъ печатей, переходимъ къ описанію и исчисленію ихъ родовъ и видовъ: а именно: 1) *печатей Великаго Князя и младшей его братіи*, 2) *городовъ*; 3) *духовенства*; 4) *должностныхъ лицъ и приказовъ*, и 5) *прочихъ классовъ народонаселенія*.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Печати Княжескія.

§ 38.

Печати Кіевскихъ В. Князей.

При изложеніи печатей Княжескихъ мы будемъ держаться порядка хронологическаго и вмѣстѣ съ тѣмъ прослѣдимъ ихъ по княжествамъ, чтобы изъ сравненія эмблеммъ, на печатяхъ разныхъ Князей встрѣчаемыхъ, вывести заключеніе о вліяніи, которое изображенія на печатяхъ имѣли на фигуры, перешедшія въ гербы областей и городовъ. Мы начнемъ съ печатей В. Князей Кіевскихъ. Изображеніе Архангела Михаила составляло почти всегда необходимую ихъ принадлежность: это легко объясняется тѣмъ, что Кіевъ, мать градовъ Русскихъ, былъ центромъ, изъ котораго Православіе излилось на всю нашу родину.

Единственная печать, сохранившаяся до нашего времени отъ XII вѣка, привѣшена къ жалованной грамотѣ Князя Мстислава Владиміровича и сына его Всеволода 1125—1132 года [1]. Актъ этотъ хранится въ Новгородскомъ Юрьевомъ Монастырѣ, которому пожалованъ [2]: на привѣшенной къ ней серебреной позолоченой печати изображенъ съ одной стороны ликъ Іисуса Христа, а съ

---

[1]) *Карамзинъ* Т. II. Гл. 8.

[2]) Грамота эта напечатана въ 1-мъ Т. дополненій къ историческимъ актамъ, № 2.

другой Архангела Михаила, поражающаго змія (¹) (Табл. IV рис. I).

Отъ XIII и XIV вѣковъ сохранилось также нѣсколько Велико-княжескихъ печатей, и не смотря на то, что столъ Великаго Князя перенесенъ во Владиміръ на Клязьмѣ, Кіевъ не потерялъ своего прежняго значенія и знамя—Архангелъ Михаилъ—не сходило съ Велико-княжеской печати до половины XIV вѣка. А именно: 1) когда по смерти Александра Невскаго братъ его Ярославъ Ярославичъ наслѣдовалъ прародительскій Велико-княжескій престолъ, то онъ двумя грамотами 1265 и 1270 годовъ подтвердилъ Новгороду его прежнія права и преимущества и при послѣднемъ изъ этихъ актовъ сохранилась одна свинцовая печать. Изображеніе на ней поистерлось; но тѣмъ не менѣе на одной сторонѣ можно разпознать ликъ Спасителя по сохранившимся буквамъ С—I, а на другой Святаго, одѣтаго въ епанчу, держащаго въ лѣвой рукѣ щитъ, который покоится на землѣ, а въ правый рукѣ имѣющаго копье (²). Можетъ быть, это ликъ Архангела Михаила, хотя сохранившійся съ лѣвой стороны знакъ въ родѣ нашего ф. (табл. IV. рис. 2) наводитъ на мысль, не было ли вокругъ стершейся надписи *Ярославъ*, какъ вокругъ подобнаго изображенія на грамотѣ Тверскаго Князя Александра Михайловича отъ 1327 г. видна надпись *Александръ* (³) 2) Къ двумъ договорнымъ грамотамъ, заключеннымъ между В. К. Михаиломъ Ярослави-

(¹) Вѣстникъ Европы 1818 г. № 15, 16. Нынѣ Архангелъ Михаилъ изображается въ гербѣ города Архангельска летящимъ, вооруженнымъ пламеннымъ мечемъ и щитомъ и поражающимъ поверженнаго діавола (Полн. Собр. Зак. 1780 г. Окт. 2, № 15069).

(²) Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ Т. I, стр. 3. 4.

(³) Тамъ же, стр. 20.

чемъ и Новгородомъ въ 1295 г., привѣшена печать серебреная вызолоченная. На одной ея сторонѣ изображенъ ликъ Св. Архангела Михаила (1), на что указываютъ сохранившіяся по бокомъ печати буквы—М. Х, А, а на другой—Св. Николая, правою рукою благословляющаго, въ лѣвой держащаго Евангеліе, а съ боковъ надпись (2) (табл. IV, рис. 3), 3). Къ грамотѣ, заключенной между тѣмъ же В. Княземъ и Новгородомъ въ 1305 г., привѣшена свинцовая печать (табл. IV рис. 4). На одной ея сторонѣ изображенъ ликъ Спасителя, на престолѣ сидящаго. Правою рукою Господь благословляетъ, а въ лѣвой держитъ *яблоко* съ крестомъ, вокругъ надпись— Іс. Хр. Ніка. А на другой сторонѣ изображенъ также Архангелъ Михаилъ съ распущенными крыльями, одѣтый въ броню. Печать эта по отдѣлкѣ, надписямъ и чекану такъ хороша, что почти безъ ошибки можно приписать ее мастерамъ Греческимъ (3). 4) Но и эта печать употреблялась не всегда: нѣсколько болѣе, чѣмъ чрезъ десять лѣтъ послѣ предъидущаго документа, а именно въ 1317 г. заключенъ тѣмъ—же Великимъ Княземъ Михаиломъ Ярославичемъ также съ Новгородомъ договоръ, скрѣпленный грамотою, къ которой привѣшена иная печать: неизмѣнною на ней эмблеммою осталось изображеніе Архангела Михаила, а на другой ея сторонѣ видимъ Св. Николая Чудотворца (табл. IV рис. (4). 5) Изъятіе составляетъ печать

---

(1) Не имѣемъ впрочемъ твердыхъ основаній оспаривать возраженіе, которое могутъ сдѣлать, что образъ Св. Михаила помѣщенъ на означенныхъ печатяхъ, не какъ знамя города Кіева, а въ соотвѣтствіе съ именемъ, которое носилъ Великій Князь, актъ писавшій.

(2) Тамъ же, стр. 5. Исторія *Г. Р. Карамзина* IV. прим. 187.

(3) Собр. Гос. грам. и дог. 1. стр. 9.

(4) Тамъ же, стр. 16.

Великаго Князя Тверскаго Александра Михайловича на договорной его грамотѣ съ Новгородомъ 1327 года. Печать эта имѣетъ на одной сторонѣ изображеніе Спасителя, возсѣдающаго на престолѣ и благословляющаго, а съ другой стороны ликъ Святаго, съ надписью вокругъ Алєксандръ; онъ въ епанчѣ, по колѣна висящей и держитъ въ правой рукѣ копье, а въ лѣвой щитъ. (1) Но и это отступленіе отъ разъ принятаго начала нельзя, по нашему мнѣнію, считать произвольнымъ: оно объясняется тѣмъ, что въ эту именно эпоху по смерти Юрія Даниловича, убитаго въ ордѣ В. К. Дмитріемъ Михайловичемъ Тверскимъ, Московскій Князь получилъ первенство въ ряду Князей Русскихъ и Іоаннъ Даниловичъ Калита оспаривалъ и оспорилъ титулъ Великаго Князя у Александра Михайловича Тверскаго (2).

Московскій Великій Князь избралъ для своихъ печатей другую эмблемму; по обзору ихъ должны предшествовать по времени печати Смоленскія.

§ 39.

Печати Смоленскія и Галицкая.

Къ 1228 и 1229 годамъ относятся торговые договоры Смоленскаго Князя Мстислава Давидовича съ городомъ Ригою и Готландскимъ берегомъ. Они давно уже изданы, но недавно открытъ въ тайномъ архивѣ города Риги реэстръ бумагъ, въ немъ находящихся, и въ актѣ этомъ слѣдующимъ образомъ исчисляются заключенные съ Смоленскомъ трактаты: 1) договоръ 1228 г. между

(1) Тамъ же, стр. 20.
(2) *Карамзинъ*, Т. IV гл. 8.

Смоленскомъ и Ригою на Русскомъ Языкѣ *съ одною* вислою печатью; 2) того же года *съ двумя* вислыми печатями, 3) 1229 года *съ одною* печатью, 4) того же года *съ двумя* печатями, изъ которыхъ одна оторвана и 5) Смоленскаго Князя Ивана Александровича утвердительная грамоты прежнихъ договоровъ съ Ригою и Готландскимъ берегомъ, данная между 1330 и 1359 годами, съ двухстороннею желтою восковою печатью на малиновомъ снуркѣ (¹). Къ сожалѣнію изъ шести печатей, бывшихъ на грамотахъ 1228 и 1229 годовъ, сохранилось только три и всѣ серебреныя, привѣшенныя на красныхъ шелковыхъ шнуркахъ. Одна изъ нихъ съ изображеніемъ льва и на оборотѣ съ надписью *Великаго Князя Өедора печать.* Извѣстно, что Князь Мстиславъ носилъ и другое Христіанское имя Өеодоръ. Форма льва съ расправленными когтями, положеніе его хвоста, пригнутаго къ спинѣ (какъ это видно на табл. IV рис. 6), заставляетъ подозрѣвать иностранное происхожденіе этой эмблемы. На другой же печати сохранилась надпись (табл. IV, рис. 7), судя по которой, заключаютъ, что это печать Смоленскаго владыки (²). Нѣтъ, во всякомъ случаѣ, никакого основанія согласиться съ То-

---

(¹) *Tobien.* Die ältesten Tractate Russlands. Dorpat. 1845 S. 44. 45. Въ изданіи этомъ Профессоръ Тобинъ, сдѣлавъ переводъ на Нѣмецкій Языкъ древнѣйшихъ Русскихъ договоровъ и трактатовъ, помѣстилъ нѣкоторые снимки съ этихъ бумагъ и привѣшенныхъ къ нимъ печатей.

(²) Такое объясненіе печати будетъ согласно съ тѣмъ чтеніемъ надписи на ней, которое принимаетъ И. И. Срезневскій (въ Запискахъ Археолог. Общ. Т. III, стр. 222). Онъ читаетъ: *влдк. Смоленско.* и *пчта. крьст.* Въ снимкахъ намъ извѣстныхъ видны буквы: *іерьо* (табл. IV рис. 7) и сравнивая эту надпись съ правописаніемъ слова: *Іеремей* съ самомъ актѣ, я не нахожу причинъ сомнѣваться, что печать принадлежала этому именно лицу. (Ср. *Карамзинъ* Т. III прим. 248. *Tobien* Tractate Russlands стр. 47).

биномъ (1) и признать ее за печать города Смоленска. За недостаткомъ свѣдѣній, кто былъ въ эпоху написанія грамоты Смоленскимъ Епископомъ (2) и судя по формѣ первыхъ буквъ, которыя уцѣлѣли на печати, можно, кажется, безъ ошибки заключить, что это была печать «лучшаго», какъ сказано въ самомъ трактатѣ «попа Іеремея», посланнаго въ Ригу для заключенія договора вмѣстѣ съ умнымъ мужемъ Пантелѣемъ (не ему ли принадлежала третья утратившаяся съ акта печать?) (3).

Наконецъ въ Рижскомъ архивѣ на той же перепискѣ 1229 г. сохранилась третья печать съ совершенно неяснымъ изображеніемъ Святаго во весь ростъ, и съ обѣихъ сторонъ этой фигуры буквы, которыхъ разобрать нельзя (4) (табл. IV, рис. 8). Ближе всего признать это изображеніе за ликъ св. Θеодора, имя котораго носилъ заключавшій трактатъ Смоленскій Князь: труднѣе объяснить въ этомъ смыслѣ надпись, очевидно неполную.

При этомъ необходимо упомянуть о желто-восковой, на малиновомъ шелковомъ снуркѣ привѣшанной, печати къ договорной грамотѣ Смоленскаго Князя Ивана Александровича съ Ригою. На одной сторонѣ этой печати изображенъ крестъ, а на другой *персона*, одѣтая въ епанчу и въ латахъ, и плущая съ булавою отъ правой стороны съ лѣвой. Вокругъ надпись, которую разо-

---

(1) *Tobien* ibidem.

(2) *Амвросія* Исторія Россійской Іерархіи Т, I. 1822, стр. 161.

(3) Имена двухъ этихъ лицъ встрѣчаются въ самомъ началѣ трактата. «Уздумалъ Князь Смольнескый Мстиславъ, Давидовъ сынъ, прислалъ въ Ригу своего лучьшего попа Іеремея и съ нимъ умьна мужа Пантелѣя». (Собр. Гос. Гр. и дог. Т. II стр. 1).

(4) *Tobien* стр. 47. 48. Снимокъ съ печати этой приложенъ къ его книгѣ Die altesten Tractate Russlands.

брать не смотря на всѣ усилія нельзя: по очертанію буквъ она не Русская и вѣроятно принадлежала представителямъ города Риги, скрѣпившимъ этою печатью обѣщаніе соблюдать трактатъ со стороны Риги. Доказательствомъ того служитъ какъ форма креста не Русская, такъ и одѣяніе на персонѣ: оно совершено рыцарское ([1]) (табл. IV, рис. 9).

§ 40.

Изъ разсмотрѣнія означенныхъ Княжескихъ печатей XII, XIII и XIV вѣковъ мы дѣлаемъ слѣдующіе выводы: 1) что для В. Княжества Кіевскаго образовалась постоянная эмблемма Архангела Михаила, и 2) что такъ какъ печать должна была замѣнять подпись Князя и притомъ охранять святость и ненарушимость того трактата, къ которому приложена: то всего естественнѣе было ей носить на себѣ изображеніе того Святаго, по имени котораго Князь назывался и кромѣ того надпись чья печать. На оборотѣ видимъ нерѣдко ликъ Спасителя или святаго, напр: Николая Чудотворца, который пользовался и пользуется у насъ особеннымъ почитаніемъ.

Сообразно изложенному началу у Князя Галицкаго Юрія Львовича, который, наслѣдовавъ послѣ смерти дяди своего Мстислава Даніиловича и Владимірскую область, принялъ наименованіе Короля Россійскаго, Rex Russiae, на печати было съ одной стороны изображеніе Юрія или Георгія на тронѣ въ вѣнцѣ и съ скиптромъ въ правой рукѣ, кругомъ подпись: «Domini Georgii, regis Russiae, а на другой сторонѣ: всадникъ въ латахъ, въ

([1]) Собр. Гос. Гр. и Дог. II, стр. 11.

рукахъ щитъ и знамя, а вокругъ надпись: Domini Georgii principis Ladimeriae (¹).

§ 41.

Печати Великихъ Князей Московскихъ (*).

Переходя къ Московскимъ Велико-княжескимъ печатямъ, мы должны предварительно замѣтить, что и на нихъ отразились тѣ же отличительныя черты, какія мы видѣли и на другихъ Княжескихъ печатяхъ, т. е. что В. Князь утверждалъ грамоту изображеніемъ того святаго, котораго онъ почиталъ своимъ покровителемъ, а надпись, что печать принадлежала такому именно В. Князю вполнѣ замѣняла его подпись. Но рядомъ съ этимъ типомъ вырабатывалась постепенно другая идея: Москвѣ было суждено постоянными усиліями, безпрерывною, долговременною борьбою съ врагами внутренними и внѣшними дойти до высшихъ понятій о самодержавіи, положить прочное основаніе самостоятельному Государству и разширить его предѣлы. Это убѣжденіе въ великомъ призваніи Москвы, эта борьба во всей своей полнотѣ отразилась сперва на штемпеляхъ монетъ В. К. Московскихъ, а потомъ на печати ихъ. Не смотря на все разнообразіе изображеній этихъ, наука должна, по нашему мнѣнію, найти въ нихъ общія черты и мы воспользуемся изложеннымъ выше началомъ при изложеніи исторіи Московской Печати и Московскаго Герба.

(¹) *Карамзинъ*, IV, стр. 104, прим. 204, 268, 276.

(*) Большая часть печатей Московскихъ Великихъ Князей напечатана въ Румянцовскомъ Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ. На это изданіе мы ссылаемся, а у себя перепечатываемъ только немногія печати, какъ образцы

Слѣдуя порядку хронологическому, мы начнемъ съ печатей именныхъ и отмѣтимъ:

1) Печать В. К. Іоанна Даниловича Калиты: на его духовной грамотѣ 1328 года, печать восьмиугольная, съ изображеніемъ на одной сторонѣ Спасителя, а на другой Св. Іоанна Предтечи. Вокругъ по обѣимъ сторонамъ надпись: *Печать Великаго Князя Ивана.* Она серебреная позолоченая, отличается отчетливостію отдѣлки и тѣмъ, что хорошо сохранилась ([1]).

2) На договорной грамотѣ Великаго Князя Симеона Іоанновича Гордаго съ его братьями (1341 г.), вообще обветшавшей, были привѣшены двѣ восковыя печати; но онѣ до того повреждены, что изображенія на нихъ распознать, къ сожалѣнію, нельзя ([2]); но на духовной грамотѣ В. К. Симеона, въ монашествѣ Созонта, 1353 г., сохранились три печати: одна серебреная позолоченая двусторонняя, велико-княжеская, съ изображеніемъ на одной сторонѣ Св. Симеона, что гласитъ и надпись: *Семенъ Святый,* а на другой подпись: *печать Князя Великаго Симеона всеа Руси.* Рядомъ съ этою велико-княжескою висятъ двѣ восковыя, одностороннія и повидимому перстневыя печати, приложенныя вѣроятно не В. К. Симеономъ, а монахомъ Созонтомъ: на одной изъ этихъ печатей изображена *персона,* по очертанію лица и по формѣ античная гемма, а на другой малый шестиугольникъ, внутри и вокругъ его непонятная надпись ([3]).

3) Къ духовной В. К. Іоанна Іоанновича 1356 года привѣшена серебреная позолоченная двусторонная печать, на которой изображенъ съ одной стороны Св. Іо-

[1]) Собр. Гос. Гр. I, стр. 33, 35. *Карамзинъ,* И. Г. Р. Т. IV прим. 325.

([2]) Собр. Гос. Гр. I, стр. 37.

([3]) Тамъ же, стр. 38.

аннъ съ надписью: Агїωсл Іω (аннъ), а съ другой подпись: *печать Князя Великаго Ивана Ивановича*, безъ прибавленія всея Руси (¹).

Но на монетахъ его правленія, до насъ дошедшихъ, въ штемпелѣ уже начинаетъ проявляться убѣжденіе о борьбѣ съ врагами и о побѣдѣ надъ ними; а именно на нѣкоторыхъ его монетахъ изображенъ воинъ въ остроконечной шапкѣ (нѣтъ сомнѣнія, что это самъ В. Князь), который, вынувъ мечъ изъ поженъ, какъ бы готовится на бой (табл. V, рис. 1), на оборотѣ надпись *Великаго Князя Ивана Ивановича;* а другое изображеніе (табл. V, рис. 2) еще знаменательнѣе: человѣкъ намѣревъ поразить мечемъ гидру, которая разъярившись силится броситься на него (²). Повторяемъ (ибо на этомъ будетъ основанъ нашъ дальнѣйшій выводъ): во всѣхъ этихъ типахъ слишкомъ много смысла и значенія для того, чтобы приписать измѣненіе рисунка вкусу и произволу денежника: какъ В. Князь грозитъ поразить гидру, такъ чрезъ полстолѣтія мы увидимъ его поразившимъ ее тогда, когда врагъ дѣйствительно ослабѣетъ и будетъ побѣжденъ (³).

4) Печать В. К. Дмитрія Іоанновича также серебреная, имѣетъ на одной сторонѣ изображеніе Св. Дмитрія

(¹). Тамъ же, стр. 41, 43. *Карамзинъ*, IV прим. 386.

(²) *Черткова*, Описаніе древнихъ Русскихъ монетъ, стр. 1, 2.

(³) Изъ многихъ извѣстныхъ намъ древнихъ печатей Западной Европы, равно какъ Славянскихъ племенъ, гдѣ та же идея борьбы съ врагами выражалась подобнымъ образомъ, мы приведемъ одну печать *Іешка* Чернаго, бывшаго на Польскомъ престолѣ съ 1279 по 1289 годъ. Печать эту мы заимствуемъ изъ новаго сочиненія Фоссберга: Siegel des Mittelalters von Polen, Lithauen, Schlesien, Pommern und Preussen. Berlin. 1854 Taf. 18. Она изображаетъ самого Герцога въ полномъ вооруженіи, защищающаго крѣпость отъ непріятеля, въ видѣ крылатаго чудовища (табл. V, рис. 6).—Ср. *Карамзина* И. Г. Р. IV стр. 91.

Солунскаго и букву Д, а съ другой строчную надпись: *печать Князя Великаго Димитрія.* Но замѣтимъ, что изображеніе Св. Дмитрія на двухъ дошедшихъ до насъ печатяхъ В. К. Дмитрія Іоанновича не одинаково, а именно: на первой духовной его грамотѣ 1371 года онъ представленъ въ бронѣ и развѣвающейся епанчѣ, съ вѣнцомъ на головѣ, со знаменемъ въ правой рукѣ и кругомъ въ лѣвой (1), а на печати, привѣшенной ко второй его духовной 1389 года, къ оружію прибавленъ мечъ, висящій позади, такъ что видны только рукоятка его и конецъ, въ правой рукѣ копье, а въ лѣвой щитъ сердцеобразной формы съ монограммою Х, вокругъ изображенія надпись: *Св. Димитрій,* а съ другой стороны подпись: *Князя Великаго Дмитрія Ивановича всея Русси* (2), титулъ, котораго мы прежде не встрѣчаемъ и который принятъ послѣ договорныхъ грамотъ Донскаго съ братомъ его Княземъ Владиміромъ Іоанновичемъ и дѣтьми сего послѣдняго. Мы не упоминаемъ при этомъ о печатяхъ, привѣшенныхъ къ договорнымъ этимъ грамотамъ, потому что онѣ дурно сохранились и надписи до того стерлись, что не знаешь, кому печати эти принадлежали. На одной изъ нихъ видѣнъ образъ Св. Николая (3).

Столь извѣстныя и богатыя послѣдствіями побѣды, одержанныя Дмитріемъ Донскимъ надъ Татарами, дали ему полное право на изображеніе въ видѣ человѣка, обращеннаго влѣво и держащаго въ правой рукѣ сѣкиру, а въ лѣвой мечъ (табл. V, рис. 3), поднятые

(1) Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. 1, стр. 51.

(2) Тамъ же, стр. 62. *Карамзинъ* V, прим. 116.

(3) Собр. Гос. Гр. 1, стр. 53.

вверхъ, какъ будто бы онъ готовился на бой. Предъ нимъ звѣзда, а вокругъ надпись: *печать Князя Великаго Дмитрія* (1). Позднѣе Князь является на конѣ съ подъятымъ мечемъ, а подъ лошадью человѣческая голова (2). При преемникѣ Дмитрія Донскаго типъ этотъ еще болѣе развился и установился.

5) На большой печати В. К. Василія Дмитріевича, сообразно тому же началу, которымъ руководствовались прежніе наши Великіе Князья, изображенъ совершенно согласно съ подлинникомъ (3), въ видѣ образа, св. Василій Кессарійскій, а на оборотѣ надпись: *печать Князя Великаго Васильева Дмитріева всея Руси.*—Печать эта привѣшена къ духовной его грамотѣ 1406 г. (4). Но вмѣстѣ съ тѣмъ на печати переходятъ тѣ эмблеммы, которыя мы уже видѣли на Московскихъ монетахъ, эмблеммы, столь приличныя Москвѣ и дѣятельности ея Великихъ Князей. Такъ къ договорной грамотѣ В. Князя Василія Дмитріевича съ дядею его Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ (1389 г.) привѣшано три печати, изъ нихъ одна большая и по почетному своему мѣсту на лѣвомъ краю, безъ сомнѣнія, принадлежавшая Великому Князю, носитъ изображеніе всадника на конѣ, копьемъ вооруженнаго (табл. V, рис. 4) (5). Фигура эта мало отли-

---

(1) Reichelsche Münzsammlung. B. 1. Spb. 1842 S. 3.—Baron *Chaudoir* Aperçu des monnaies Russes. T. II № 3.—Я. Я. *Рейхеля* Дополненіе къ Русской Нумизматикѣ средняго вѣка (въ 1-мъ Т. Зап. Археол. Общ.) стр. 93.

(2) Reichelsche Münzammlung 1. 3.

(3) Подъ именемъ *подлинника* разумѣется собраніе правилъ иконописанія. Онъ расположенъ по мѣсяцамъ и днямъ, и подъ каждымъ числомъ описывается, какъ должно изображать святаго, котораго въ тотъ день празднуетъ Св. Церковь.

(4) Собр. Гос. Гр. и Дог. I, стр. 74.

(5) Тамъ же, стр. 64, 71.

чается отъ штемпеля на монетахъ того же Великаго Князя; но еще ближе къ нимъ В. Князя печать: всадникъ, разсѣкающій воздухъ мечемъ (1) (табл. IV, рис. 10); а что это изображеніе самого Великаго Князя, о томъ свидѣтельствуетъ надпись на монетахъ его съ тѣмъ же изображеніемъ: *Князь Великій Василій Дмитріевичъ* (2).

Въ то же самое время, какъ эта воинственная и грозная эмблемма усвоена Московскимъ Великимъ Княземъ, независимо отъ Москвы возникло и росло на Западѣ Россіи сильное противовѣсіе ей, Литва. Изъ маленькой, бѣдной и ничтожной области Гедиминъ и его потомки возвели ее на степень государства, расширивъ ея предѣлы на счетъ Москвы. Тотъ же всадникъ, ѣдущій на конѣ *подъ снятымъ мечемъ*, былъ усвоенъ и Литвою, и если Витенъ, взявшій этотъ гербъ, видѣлъ въ немъ, по выраженію нашей лѣтописи (3), *«рыцаря збройнаго на конь съ мечемъ»*, погонъ этотъ въ послѣдствіи обратился въ изображеніе самого Литовскаго В. Князя, ѣдущаго, по обыкновенію, на конѣ на защиту своихъ владѣній, и для расширенія предѣловъ своего государства. Та же идея, неоставлявшая Московскихъ Великихъ Князей, не могла не выразиться на ихъ печатяхъ и монетахъ, а простое

---

(1) Тамъ же, стр. 82.

(2) *Черткова*, Описаніе монетъ, стр. 9.—Какъ самое слово *Князь* происходитъ отъ *коня* и *ѣздить*, какъ военная служба отправлялась благороднымъ сословіемъ на конѣ, такъ всего приличнѣе для Князя было изобразить себя на монетахъ и печатяхъ коннымъ. Такое его положеніе было самымъ естественнымъ и потому удержалось надолго.

(3) Прибавленіе къ Ипатьевской лѣтописи (въ Полн. Собр. Русскихъ Лѣтописей, Т. II), стр. 346. Въ статейномъ спискѣ Русскаго посольства въ Польшу 1673 года погонъ описанъ такъ: «особа рыцарская на конѣ въ погонѣ, имѣющая въ рукѣ мечь обнаженный». П. И. *Иванова*, Описаніе Государств. Архива старыхъ дѣлъ. М. 1850, стр. 321.

сравненіе печатей В. К. Василія Дмитріевича съ печатью Витовта заставляетъ подозрѣвать заимствованіе (если не идеи, то изображенія) (табл. IV, рис. 11), что становится совершенно яснымъ, если вспомнимъ, что В. Князь Василій Дмитріевичъ былъ женатъ на дочери его, Софіи Витовтовнѣ (¹). Пользуемся случаемъ, чтобы приложить къ этому изслѣдованію печать Князя Корибута Ольгердовича, владѣвшаго Новгородомъ-Сѣверскимъ. Она носитъ изображеніе всадника съ копьемъ, а Русская надпись на оборотѣ ея показываетъ, какъ твердо Литва была сплочена съ коренною Россіею (²) (табл. VI, рис. 5).

Что дѣйствительно на Московскихъ деньгахъ и печатяхъ былъ изображенъ самъ Государь всея Руси, доказываетъ, кромѣ надписи, и то, что на иныхъ монетахъ В. Князь представляется какъ бы въ минуты отдыха занимающимся охотою: онъ верхомъ и на правой рукѣ держитъ сокола (³). Какую важность придавали у насъ въ древности этой забавѣ, тому лучшимъ доказательствомъ служитъ уставъ о соколиной охотѣ Царя Алексѣя Михайловича. Штемпель этотъ не былъ чуждъ и печатямъ; хотя онъ не встрѣчается ни на одной изъ Велико-Княжескихъ, мы видимъ печать съ этимъ изображеніемъ привѣшенною къ духовному завѣщанію 1498 г. Князя Ивана Юрьевича Патрикѣевича (табл. V, рис. 8) (⁴). Сходство ея съ монетнымъ штемпелемъ чрезвычайное (табл. V, рис. 7). Обстоятельство это, т. е. переходъ такой эмблеммы на печать мелкаго удѣльнаго

(¹) Записки Археол. Общ. Т. I стр. 226. *Сахаровъ* въ Записк. Отд. Русск. Археол. Т. I стр. 128.

(²) Приведеннаго сочиненія Фоссберга стр. 43. Табл. XXIII.

(³) *Чертковъ* Табл. I № 5, 6.

(⁴) Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I, стр. 338.

Князя (надпись стерлась и не видно, кому именно печать принадлежала) вполнѣ объясняется тѣмъ, что перстни составляли часть наслѣдства, упоминаемаго въ завѣщаніяхъ, и этимъ путемъ переходили отъ одного Князя къ другому.

Изъ частныхъ печатей Великаго Князя Василія Дмитріевича сохранились на монетахъ такія, какихъ не видимъ приложенными къ грамотамъ. Мы уже не однократно выражали убѣжденіе, что названіе—*печать*, постоянно придаваемое этимъ изображеніямъ, не могло бы имѣть мѣста, если бы онѣ дѣйствительно не были печатями въ настоящемъ значеніи слова. Не придается же этотъ эпитетъ всаднику на конѣ, какъ портрету самого Государя, или другимъ эмблеммамъ, также на монетахъ встрѣчающимся и выражающимъ характеръ дѣятельности, но не печать В. Князя Московскаго. А что остатки печатей этихъ въ оригиналѣ или въ слѣпкахъ на грамотахъ не сохранилось, не должно удивлять никого: всѣ ли печати изданы, извѣстны ли всѣ древніе перстни, хранящіеся въ Московской Оружейной Палатѣ, въ казенныхъ и частныхъ архивахъ и музеяхъ, а сколько истреблено пожарами, невѣжествомъ и т. п. д? (1).

Преслѣдуя одну главную цѣль показать, какъ образовался Московскій и въ послѣдствіи Государственный Гербъ и въ этихъ только видахъ излагая Княжескія печати, мы покажемъ главный типъ печатей, сохранившихся на оборотной сторонѣ Московскихъ денегъ, чеканенныхъ при В. Князѣ Василіи Дмитріевичѣ: это голова въ про-

---

(1) Нельзя не желать, чтобы драгоцѣнные эти памятники нашей старины наконецъ были изданы вполнѣ и достойнымъ ихъ образомъ. За образецъ подобнаго изданія можно взять: *Abrahami Gorlaei* Antverpiani dactyliothecae (перстни) seu annulorum sigillarium collectio cum explicationibus Jacobi Granovii. Lugduni Batavorum. 1695.

филь, обращенная вправо, въ шапкѣ, а по сторонамъ двѣ тамги Хановъ Золотой Орды, которые требовали, чтобы на монетахъ подвластныхъ имъ Князей былъ вычеканенъ такой знакъ покорности (1). Голова эта представлялась влѣво, или вправо, была различныхъ очертаній, видовъ (2), что условливалось большимъ или меньшимъ искусствомъ мастера, чеканившаго деньги; но вѣроятно эта была копія съ антика, напр. со вставленнаго въ печать Князя Андрея Владиміровича (3).

6) Печать преемника и сына В. К. Василія Дмитріевича, Василія Васильевича Темнаго, принявшаго титулъ *Государя всея Руси*, носитъ еще болѣе примѣтъ его идей о самодержавіи Москвы. На монетахъ его времени главный типъ, неизмѣнный почти на всѣхъ его деньгахъ съ подписью—*осподарь* (4), есть самъ Великій Князь (о чемъ свидѣтельствуютъ поставленныя съ боковъ буквы *к* и *н*), направо скачущій и колющій копьемъ змія (5). Значеніе этой эмблеммы на печати отца Іоанна Васильевича памятью, если вспомнить его отношенія къ Татарамъ и удѣльнымъ Князьямъ (табл. V, рис. 5). Тѣмъ же объясняется какъ сохраненіе прежнихъ типовъ, т. е. человѣка съ мечемъ и сѣкирою, всадника, скачущаго съ мечемъ наголо, или ѣдущаго съ соколомъ на рукѣ (6), такъ и введеніе новыхъ изображеній, а именно: а) человѣкъ—В. Князь, судя по коронѣ и одѣянію, въ кото-

---

(1) *Чертковъ*, стр. 5.

(2) Тамъ же, табл. I рис. 5, 8, 9, 12 и др.

(3) Собр. Госуд. Грам. Т. I стр. 82.

(4) *Чертковъ*, стр. 31, 33, табл. III рис 5. табл. IV. рис. 8.

(5) *Чертковъ*, табл. II. 1. 4. *Reichelsche* Münzs. I. 8, 9, 10.

(6) *Чертковъ*, табл. II рис. 2, 3, 6, 7. III рис. 11. IV. 1, 2, 12 и др. Reichelsche Münzsammlung. I. 7.

рыхъ онъ представленъ, какъ будто выговариваетъ другому человѣку, стоящему предъ нимъ на колѣняхъ (1), (табл. V, рис. 9); б) сидящій на престолѣ В. Князь въ коронѣ съ аттрибутами власти: скипетромъ и державою (2), (табл. V, рис. 9, 10); надпись и тѣ же буквы *к* и *н* ясно свидѣтельствуютъ, чье лице изображено въ этомъ штемпелѣ; в) одинаковый смыслъ, выраженный аллегорически, просвѣчиваетъ и чрезъ другія эмблеммы, встрѣчаемыя на монетахъ того же Государя, какъ то: бѣгущій грифонъ, а подъ нимъ лежащій навзничъ человѣкъ, на оборотѣ надпись *Князь Великій Василій* (3), или: два человѣка лицемъ къ лицу держатся за дерево и каждый тянетъ его къ себѣ, а на оборотѣ человѣческая голова съ надписью вокругъ: «Князь Великій Василій» (4), далѣе человѣкъ, колющій копьемъ звѣря, стоящаго на заднихъ лапахъ (5), или стрѣляющій изъ лука въ птицу, на деревѣ сидящую, причемъ на другой сторонѣ отмѣчено: «Князь Великій Василій» (6) или рубящій что-то топоромъ и та же надпись (7), или наконецъ держащій въ рукѣ срубленную голову, подъ которою точки вѣроятно означаютъ капли крови (8).

Изложить подробнѣе типы изображеній на монетахъ В. Князя Василія Васильевича намъ казалось необходимымъ потому, что отъ долговременнаго его правленія сохранилось мало печатей съ тѣмъ оффиціальнымъ штем-

(1) *Чертковъ*, табл. II рис. 9.
(2) Тамъ же, таб. II. рис. 11, табл. III р. 2. 6.
(3) Тамъ же, II. 12.
(4) Тамъ же, стр. 28. таб. III рис. 4.
(5) Тамъ же, стр. 29. табл. III рис. 7
(6) Тамъ же, табл. III рис. 8, 9.
(7) Тамъ же, рис. 12.
(8) Тамъ же, табл. IV рис. 12.

целемъ, который былъ усвоенъ его предками и переданъ преемникамъ его власти и идеи. Печать съ изображенiемъ всадника ѣдущаго влѣво съ копьемъ въ правой рукѣ (надпись вокругъ непонятна), а на оборотѣ гемма, представляющая двухъ людей, сидящихъ на камнѣ и какъ будто указывающихъ на облако, вставленная въ ободочекъ съ надписью: *Князя Великаго Василья Васильевича*, утверждаетъ договорныя грамоты Великаго Князя Московскаго съ Князьями Андреемъ и Константиномъ Дмитрiевичами отъ 1428 года (1).

Кромѣ того пользовался В. К. Василiй Васильевичъ другою печатью, состоявшею изъ геммы съ изображенiемъ женской головы, обращенной влѣво, съ зубчатымъ вѣнкомъ. Она вставлена въ именной ободочекъ (2). (табл. VI, рис. 1). Эту головку, въ дурно сдѣланной копiи, видимъ на нѣкоторыхъ монетахъ того же Великаго Князя (табл. V, рис. 12, 13) (3)

На позднѣйшихъ грамотахъ печать эта замѣнена слѣдующею, по-видимому, также геммою: четыре лошади бѣгутъ попарно въ противоположныя стороны, а на нихъ стоитъ человѣкъ съ головою, окруженною лучами (не Фебъ ли это?); въ одной рукѣ онъ держитъ вѣтку, а другая приподнята къ верху, какъ будто бы онъ правитъ лошадьми, но безъ возжей (табл. VI, рис. 3). Нельзя ли видѣть и въ этой эмблеммѣ намекъ на тогдашнее положенiе и значенiе Москвы и Московскаго Великаго Князя: препятствiямъ, встрѣчавшимся на пути къ уничтоженiю удѣловъ, могли соотвѣтствовать два шара, изображенные на землѣ между ногъ лошадей. Тою же идеею можетъ быть

(1) Собр. Гос. Гр. и Дог. I, стр. 90.

(2) Тамъ же, стр. 112, 124, 135, 137, 150.

(3) *Чертковъ*, табл. IV, рис. 7.

объяснено и изображеніе на оборотной сторонѣ печати: левъ, пожирающій змѣя ([1]) (табл. VI, рис. 3). Надпись вокругъ нея—*печать Великаго Князя Василья Васильевича*, а на той сторонѣ, гдѣ левъ, видны буквы, которыя могли означать мастера, и которыя какъ несущественныя опущены въ печати В. К. Іоанна Васильевича ([2]); доказательствомъ же того, что это дѣйствительно была гемма, служитъ самое положеніе ея въ печатяхъ: у В. К. Василія Васильевича: она положена вдоль, а въ печати сына его—поперегъ, (табл. VI, рис. 2 и 3) ([3]).

7) Эмблемма—левъ, пожирающій змѣя, усвоена Великимъ Княземъ Іоанномъ III, а на другой сторонѣ его печати видимъ изображеніе человѣка, стоящаго съ мечемъ въ рукѣ противъ ангела, который держитъ въ рукѣ кольцо, а вокругъ ихъ надпись: *печать Великаго Князя Ивана Васильевича* ([4]) (табл., VI, рис. 2). Въ то же время Іоаннъ III употреблялъ печать съ изображеніемъ: двухъ всадниковъ, ѣдущихъ другъ другу на встрѣчу; одинъ изъ нихъ съ правой стороны въ панцырѣ, въ латахъ и шлемѣ, а другой полунагой. Вокругъ та же надпись, что̀ и на предъидущей печати ([5]). На монетахъ этотъ Великій Князь продолжалъ употреблять штемпель своихъ предковъ, т. е. всадника съ поднятымъ мечемъ (табл. V, рис. 14) ([6]); а всадникъ на конѣ, поражающій копьемъ дракона, перешелъ на печать В. Князя Тверскаго Михаила Борисовича ([7]),

---

([1]) Собраніе Гос. Грам. и Дог. Т. I, стр. 176, 206, 208.
([2]) Тамъ же, стр. 206.
([3]) Собр. Гос. Гр. I, стр. 208, 215.
([4]) Тамъ же, стр. 215, 225, 227, 238, 243 и др.
([5]) Тамъ же, стр. 220.
([6]) *Чертковъ*, стр. 42, 43.
([7]) Собр. Гос. Гр. I, стр. 215.

пока наконецъ В. К. Іоаннъ III, ставъ Государемъ и Обладателемъ всея Россіи, не возвратилъ себѣ прародительской, многозначительной эмблеммы, для того, чтобы Москва болѣе не покидала ея никогда. Изображеніе всадника, коня и змѣи на этой печати отчетливѣе, чѣмъ на предъидущихъ печатяхъ, особенно на древнихъ монетахъ, которыя, не смотря на поставленныя на нихъ имена лучшихъ иностранныхъ мастеровъ (каковъ былъ напр. *Аристотелесъ)* (1), не могутъ пощеголять отчетливостью отдѣлки. Сообразно коренному началу, и на этой печати надпись гласитъ, что на ней изображенъ самъ В. Князь. Оборотная сторона занята двуглавымъ коронованнымъ черныиъ (т. н. Императорскимъ) орломъ, а вокругъ обѣихъ этихъ эмблеммъ надпись, выражающая полный титулъ Государя Русскаго. Съ одной стороны: *Великій Князь Иванъ Божіею милостію Государь всея Русіи;* а съ другой: *и Великы Князь Влад* (имірскій), и *Моск* (овскій) и *Нов* (городскій) и *Иск* (овскій) и *Тве* (рскій) и *Уго* (рскій) и *Вят* (скій) и *Пер* (мскій) и *Бол* (гарскій) (2) (табл. VI, рис. 4). Это уже не печать, а гербъ, что разумѣлъ и самъ Великій Князь: тогда какъ прежде вокругъ всякаго изображенія въ печати (кромѣ всадника или вообще лица, представлявшаго самого Великаго Князя на тронѣ, на охотѣ, въ судѣ и т. п.) означалось, что это печать такого-то именно Князя, здѣсь о печати не упоминается. Это, повторяемъ, гербъ, который, въ сущности оставаясь неприкосновеннымъ и только измѣняясь въ частяхъ несущественныхъ, какъ-то въ формѣ крыльевъ, положенія Московскаго герба на груди

---

(1) *Чертковъ*, Табл. V рис. 8.

(2) Собраніе Государств. Грам. и Догов. Т. I, стр. 333.

герба Всероссійскаго или на оборотѣ его и т. д., переходилъ изъ поколѣнія въ поколѣніе и дошелъ до настоящаго времени. Такъ какъ о гербахъ Русскихъ вообще и о Гербѣ Государственномъ въ особенности будетъ говорено въ третьей части нашего труда, то здѣсь мы соберемъ все то, что сказано было выше о значеніи Московской Печати и воспользовавшись другими какъ Русскими, такъ и иностранными объ этомъ предметѣ извѣстіями, рѣшимъ вопросъ, что означалъ всадникъ на конѣ, поражающій дракона. Для этого мы начнемъ съ понятій общихъ, такъ какъ эмблемма эта, не чужда всему Сѣверу, повторяется въ сагахъ Скандинавскихъ (1). Для образца мы приводимъ печать одного изъ герцоговъ Пололіи Александра сына Коріата и внука Ольгердова (2) (табл. VII, рис. 4). На печати этой, относящейся къ 1375 г., виденъ Св. Георгій въ вѣнцѣ, подъ лошадью драконъ, пораженный копьемъ (3).

§ 42.

Змѣй, орудіе злаго духа при грѣхопаденіи прародителя нашего, могъ означать только злое, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось, въ видѣ ли внѣшняго врага, въ видѣ ли раздоровъ, раздѣляющихъ государства и приближающихъ его къ погибели, въ видѣ ли невѣжества: все рав-

---

(1) Извѣстна сага о Рагнарѣ Лодброкѣ, избавившемъ Царевну Толу, дочь Царя Геррауда отъ страшнаго дракона. Mithologie illustrée. Paris. 1852 vol 2. p. 89.

(2) Приведенное сочиненіе Фоссберга Т. XXIV и стр. 44.

(3) Художникъ очевидно хотѣлъ изобразить на печати всю легенду о побѣдѣ, надъ дракономъ одержанной; дерево на заднемъ планѣ картины могло служить для этой только цѣли. А какъ въ то время художества были мало развиты въ Польшѣ, это доказываетъ плохое изображеніе лошади и всадника.

по. Если Императрица Екатерина II не нашла лучшаго способа выразить окончательную побѣду, одержанную Петромъ Великимъ надъ прежнимъ порядкомъ вещей, въ Россіи преобладавшимъ, какъ въ видѣ всадника на конѣ, который топчетъ змѣю въ то время, какъ она хочетъ ужалить лошадь, то нѣтъ ничего неестественнаго, что Великіе Князья Русскіе, видѣвшіе явное зло въ раздробленіи Россіи на мелкія владѣнія и желавшіе сплотить ихъ воедино для пресѣченія другаго несчастія— владычества татарскаго, не могли выразить идею эту, становившуюся цѣлью ихъ жизни, лучше, какъ изобразивъ В. Князя готовымъ на бой, а когда бой одержанъ, представивъ дракона пораженнымъ.

Эпоха, когда эмблемы эти нашли себѣ мѣсто на печатяхъ и монетахъ Московскихъ Великихъ Князей, постепенное развитіе этого типа до окончательной его отдѣлки при В. Князѣ Іоаннѣ III и наконецъ наслѣдственность его доказываетъ, что предположеніе наше не лишено достовѣрности. А что это было дѣйствительно изображеніе самого Великаго Князя, подтверждаютъ буквы Кн. (Князь), которыя встрѣчаемъ на большей части монетъ съ этимъ штемпелемъ, и притомъ не рѣдко надпись кругомъ или на оборотѣ—*Великій Князь*, *Господарь* и т. п., всегда въ соотвѣтствіи съ дѣйствительнымъ титуломъ Государя, въ его грамотахъ употреблявшимся.

Форма изображенія всадника, поражающаго дракона, навела на мысль, что это Св. Георгій. Почитаніе, которое оказывалось Святому *буйцъ*, какъ онъ назывался въ древнихъ нашихъ грамотахъ (1), побѣдоносцу, очень

(1) Дополненія къ Истор. акт. Т. I, № 2. Лѣтописей Т. VI, стр. 9

древне и обще всей Европѣ, не исключая и Россіи [1]. Безстрашіе Св. Георгія проявилось въ освобожденіи имъ Царевны Аи (Аjа) отъ дракона. Митрополитъ Макарій въ великой минеи такъ описываетъ это чудо: «Въ Палестинскомъ городѣ Гевалѣ поселился въ озерѣ великій змѣй, которому жители отдавали на съѣденіе дѣтей своихъ. Когда очередь дошла и до царской дочери, Св. Георгій явился ей при озерѣ, гдѣ она стояла, какъ обреченная жертва, и повелѣлъ ей, обвязавъ дракону голову своимъ поясомъ и уздою коня, влечь его въ городъ. Царевна исполнила приказаніе Побѣдоносца, и когда она притащила чудовище въ городъ, Св. Георгій отрубилъ ему голову мечемъ и такимъ чудомъ обратилъ въ Христіанство идолопоклонниковъ Гевальскихъ». Этому описанію соотвѣтствуютъ и изображенія подвиговъ Св. Георгія, напр. въ церкви (въ алтарѣ, у западныхъ вратъ) въ Рюриковомъ городищѣ близъ Старой Ладоги (оно мало извѣстно и потому мы его прилагаемъ на табл. VI, рис. 5) [2], на древнемъ барельефѣ въ собраніи П. И. Царскаго [3], на Джіотовой картинѣ и др.; но обыкновенное изображеніе этого чуда у насъ и въ Западной Европѣ есть: всадникъ, въ развѣвающейся мантіи, въ полномъ вооруженіи и на всемъ скаку поражаетъ копьемъ дракона. Такимъ мы его видимъ на древнемъ Римскомъ барельс-

---

[1] Святой Георгій родился въ Кападокіи, служилъ въ Римскихъ легіонахъ при Императорѣ Діоклеціанѣ, пользовался почетомъ, и за обличеніе язычества подвергся страшнымъ преслѣдованіямъ и ужаснымъ мученіямъ. См. Энцикл. Лексик. Т. XIV, стр. 91, 92.

[2] Изображеніе этого образа есть въ изданіи покойнаго *Оленина:* Объясненіе фигуръ къ письму о Славянахъ отъ временъ Траяна и Русскихъ до нашествія Татаръ. С.-Пб. 1833.

[3] *Тромонина:* Очерки съ лучшихъ произведеній живописи, гравированія, ваянія и зодчества. Т 1. М. 1839 стр. 228. Учен. Зап. Московск. Унив. 1833. № 5.

фѣ въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ (1), на древнихъ нашихъ образахъ и картинахъ (2). Изъ этого впрочемъ нисколько не слѣдуетъ, чтобы всякій всадникъ на конѣ, поражающій змія, былъ непремѣнно Св. Георгій, тѣмъ болѣе, что онъ всегда пишется въ вѣнцѣ, какъ и другіе Святые, а не въ шлемѣ и не въ коронѣ Княжеской. Подъ этимъ изображеніемъ нерѣдко скрывается высокій смыслъ; напр. рыцари среднихъ вѣковъ, на щитахъ которыхъ встрѣчается также всадникъ, попирающій дракона, хотѣли этимъ выразить побѣду надъ идолопоклонствомъ (3). Точно такъ благочестивые предки наши любили воспѣвать подвиги Св. Георгія, *Егорія храбраго*, какъ защитника Православія, чему доказательствомъ служатъ многія народныя пѣсни (4).

§ 43.

Относительно значенія эмблеммы, видимой на Московской печати, имѣются нѣкоторыя очень важныя свидѣтельства, изъ которыхъ открывается, за кого почитали у насъ всадника въ гербѣ Московскомъ.

---

(1) Подробное описаніе этого барельефа, равно какъ разысканіе о его значеніи, находимъ въ статьѣ И. М. *Снегирева*, помѣщенной въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ Т. II, стр. 470 и сл. Изображеніе этого памятника есть въ достопамятностяхъ Москвы, изд. Тромонинымъ и въ Древностяхъ Государства Россійскаго.

(2) *Филимонова*—Описаніе памятниковъ древности церковнаго и гражданскаго быта Русскаго Музея Карабанова. Москва 3849 стр. 1, 2. Таблица рисунковъ II. 1, 3, 12.

(3) Не этимъ ли значеніемъ образа Св. Георгія, а никакъ не тѣмъ, что всадникъ былъ уже на щитѣ Олега, объясняется свидѣтельство Стрійковскаго, что на Галатскихъ вратахъ Византіи онъ видѣлъ это изображеніе? Карамзина Т. I прим. 315.

(4) Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс. годъ третій Т. IX. Смѣсь, стр. 148.

Во всѣхъ письменныхъ памятникахъ до царствованія Алексѣя Михайловича включительно, т. е. до послѣдней четверти XVII столѣтія, при объясненіи Московскаго Герба постоянно говорится, что это Князь, человѣкъ на конѣ съ копьемъ, ѣздецъ, который колетъ, побѣждаетъ змія [1].

Ясно свидѣтельствуютъ объ этомъ: 1) Котошихинъ: онъ прямо пишетъ, что «въ истинной Московскаго Княженія печати вырѣзано—царь на конѣ побѣдилъ змія [2]. 2) Дворянинъ и боровскій намѣстникъ Василій Лихачевъ въ статейномъ спискѣ посольства своего во Флоренцію въ 1659 году пишетъ, что за столомъ у него, когда онъ угощалъ Великаго Герцога Тосканскаго и его дворъ, было устроено три орла двоеглавыхъ, и на срединѣ одного изъ нихъ изображенъ: «Великій Государь нашъ на аргамакѣ» [3]; а когда В. Герцогъ спросилъ его, всадникъ въ срединѣ орла не представляетъ ли Св. Георгія? Лихачевъ прямо отвѣтилъ, что это самъ Царь съ копьемъ [4]; 3) въ составленномъ въ царствованія Алексѣя Михайловича оффиціальномъ собраніи формъ сношеній Русскихъ Государей съ другими Монархами, ихъ титуловъ и гербовъ, Московскій Гербъ, въ срединѣ Всероссійскаго Орла, истолкованъ такъ: «на персѣхъ изображеніе наслѣдника,» [5], 4) Александрійскій Патріархъ въ XVI вѣкѣ

(1) А. арх. Экспед. IV. № 90. Собр. Госуд. Гр. Т. IV. стр. 26. Дополн. къ Историч. акт. Т. V стр. 303. Ср. мою статью о Россійскомъ Гербѣ въ С-пб. вѣдомостяхъ 1847 г. № 142, и въ Московскихъ ст. И. М. Снегирева 1853 г. № 69.

(2) Котошихинъ ст. 29, 77. 90.

(3) Древняя Россійская Вивліоѳика Т. IV стр. 349. Русскій Историческій Сборникъ, изд. Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ Т. III, стр. 332.

(4) Истор. Сборн. Тамъ же, стр. 338.

(5) Древней Росс. Вивл. Т. XVI, стр. 118.

былъ увѣренъ въ томъ, что всадникъ не Св. Георгій, а Русскій Царь. Посмотрѣвъ на печать грамоты, къ нему присланной, онъ прямо спросилъ архидіакона Новгородскаго, Геннадія, посланнаго къ нему Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ: «на кони де благовѣрный царь на сей печати?» «Государь на конѣ,» отвѣтилъ ему Русскій ([1]); и 5) въ описи имущества Царя Алексѣя Михайловича одинъ изъ десяти его перстней описанъ такъ: «перстень съ разными финифты, въ немъ изумрудъ четвереуголенъ, на немъ вырѣзано: персона человѣческая на лошади съ саблею, подъ лошадью змій ([2]),» а въ законахъ его времени и послѣдующихъ царствованій до начала XVIII вѣка постоянно упоминается, что это «ѣздецъ» (1682 г. Апрѣля 29 (№ 915), 1726 г. Марта 11 (№ 4850).

Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь слѣдующую надпись, которая сохранилась на заглавномъ листѣ Славянской Библіи, изданной въ Москвѣ въ 1663 году. На листѣ этомъ (табл. VII, рис. 3) выгравированъ Московскій Гербъ: въ срединѣ двуглаваго орла всадникъ съ бородою и въ Царской коронѣ. Подъ ногами коня пораженный копьемъ драконъ. Вокругъ всадника начертаны слѣдующія буквы: В. Г. Ц. В. К. А. М. В. В. М. Б. Р. С. т. е. Великій Государь, Царь, Великій Князь Алексѣй Михайловичь всея Великія, Малыя, Бѣлыя Россіи Самодержецъ. Что слова сіи относятся прямо къ

([1]) Путешествіе Геннадія, архидіакона Софійскаго и купца Василія Познякова въ XVI вѣкѣ (рукоп. Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ). Ср. статью И. М. *Снегирева* о Московскомъ Гербѣ въ Московс. Вѣдомостяхъ 1853 г. № 69 стр. 707.

([2]) Записки Археолог. Общества Т. III. Т. 71; статья И. П. *Сахарова* о Русскихъ древностяхъ.

всаднику, объ этомъ свидѣтельствуютъ приложенныя къ гербу надписи изъ Св. писанія (1) и слѣдующіе стихи:

Орла сугубоглавство—образъ сугубодержавства,
Алексія Царя надъ многими странами начальства.
Въ деснѣй скиптръ знаменія царствія,
Въ шуей-же держава его самодержавствія.
Бысть главъ трезубія вѣнцы,
Троицы содержащія концы.
Посылаемія на главы побѣждающихъ враги,
Просящихъ отъ нея помощи крѣпкія руки.
Успѣвай и царствуй великій Царь, въ новомъ Израилѣ.
Наставляй и управляй и во Христѣ Спасителѣ,
Побѣждай копіемъ сопротивнаго ти змія,
Наипаче-же мечемъ духа еретика злаго (2).

Подобно тому представленъ Царь въ коронѣ, съ крестомъ на персяхъ, и побѣждающимъ змія на заглавномъ листѣ книги, изданной Лазаремъ Барановичемъ въ 1674 году подъ заглавіемъ: Трубы нарочитыя праздниковъ Господскихъ, Богородичныхъ и проч. Надъ всадникомъ надпись: «ты убо яко добръ воинъ.» (2-го посл. къ Тим. гл. 2. ст. 3 .

Такъ единогласно объясняли Московскій Гербъ Рус-

(1) Надписи эти, равно какъ буквы и стихи, прямо относятся къ лицу всадника, т. е. Царя. Вотъ они: съ верху—изъ Пѣсни пѣсней 3-й Гл. ст. 11: «Дщери сіони изыдите и видите въ *Царь Соломонъ*, въ вѣнцѣ, имъ же вѣнча его мати его, въ день обрученія его (и въ день веселія сердца его)»; далѣе изъ Пророчества Исаіи Гл. XXXII ст. 1: «Се бо *Царь Праведный* воцарится и *Князи* съ судомъ владѣти начнутъ.» Съ лѣвой и правой стороны орла также надписи изъ Пророчества Исаіи Гл. XLV. ст. 13: «Азъ возставихъ его съ правдою *Царя*, и вся путіе его правы».

(2) Экземпляры такой библіи съ выходнымъ листомъ нерѣдки. Онъ есть въ Императорской Публичной Библіотекѣ, у Гр. Уварова и др.

скіе, но иностранцы, привыкшіе видѣть въ этой формѣ изображеніе Св. Георгія Побѣдоносца, смотрѣли и на нашъ гербъ иначе. Но это воззрѣніе иностранцевъ на Московскій Гербъ образовалось только позднѣе, а первоначально и они толковали его такъ же, какъ Русскіе; въ древнѣйшихъ, напр. изданіяхъ путешествій Герберштейна и Гваньини на заглавномъ листѣ изображенъ Московскій Великій Князь и подлѣ него щитъ съ Московскимъ Гербомъ (копію котораго читатель видитъ на табл. VII. рис. 1, 2). Сверху надпись: Московскій Великій Князь (Moscoviter Grosfürst) и стихи, въ которыхъ Государь въ первомъ лицѣ говоритъ, что наслѣдовалъ Московское Государство отъ предковъ и покоренъ только Богу (подлинные стихи въ прибавленіи 2-мъ). Точно такъ и Менетріе, знаменитый геральдикъ, жившій въ XVII столѣтіи, прямо говоритъ, описывая Московскій Гербъ, что это всадникъ серебрянаго цвѣта, вооруженный копьемъ и убивающій дракона въ естественномъ видѣ ([1]). Съ другой стороны однако какъ Великій Герцогъ Тосканскій не усомнился спросить у Лихачева, не Святой ли Георгій на конѣ видѣнъ въ гербѣ Московскомъ, такъ и Коллинсъ, бывшій при Дворѣ Царя Алексѣя Михайловича и оставившій описаніе тогдашней Россіи, утверждаетъ, что на груди орла изображенъ Св. Георгій на конѣ; къ чему однако не забылъ присовокупить, что послѣдній, какъ нѣкоторые говорятъ, прибавленъ съ тѣхъ поръ, какъ Королева Елисавета прислала Царю Ивану Васильевичу орденъ

([1]) *Menestrier*,—Nouvelle méthode raisonnée du blason et de l'art heraldique. Lion. 1680 p. 480.

подвязки [1]. Едва ли ошибемся, если скажемъ, что такое толкованіе могло родиться только на Англійскомъ посольскомъ дворѣ того времени. Наконецъ Корбъ [2], въ дневникѣ котораго сохранилось прекрасное изображеніе государственной печати съ городскими гербами (табл. XVII.) также не усомнился сказать, что Московскій Гербъ представляетъ Св. Георгія.

Въ XVIII вѣкѣ, какъ будетъ подробно изложено далѣе въ исторіи Всероссійскаго Герба, законодательными памятниками объяснено, что въ Московскомъ Гербѣ изображенъ Св. Георгій Побѣдоносецъ.

§ 44.

Печати Русскихъ удѣльныхъ Князей.

Каждый изъ удѣльныхъ Князей, младшей братьи Великаго Князя, управляя самостоятельно и независимо своею областью, доставшеюся ему по праву преемственности отъ его предка, если не былъ ограниченъ въ своемъ правѣ договоромъ съ Москвою или инымъ актомъ [3], чеканилъ монету съ своимъ штемпелемъ и

---

(1) Чтенія Московскаго Общества Исторіи и Древностей Росс. Засѣд. отъ 26 Января 1846 г. № 1. Отд. 3 стр. 17.

(2) *Korb*. Diarium itineris in Moscoviam anno 1698. Viennae Austriae p. 186

(3) Сколько можно судить по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, подобное ограниченіе права чеканитъ монету было рѣдко и относится къ позднѣйшему времени, къ XV и XVI столѣтіямъ. Угличскій напр. Князь Андрей Васильевичъ былъ лишенъ такого преимущества. Братъ его Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ писалъ въ завѣщаніи своемъ: «А сынъ мой Юрій съ братьею по своимъ удѣломъ въ Московской землѣ и въ Тфѣрьской денегъ дѣлати не велятъ, а деньги дѣлати велитъ сынъ Василій на Москвѣ и во Тфѣри, какъ было при мнѣ». — Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I, стр. 397.

именемъ, а съ другой стороны, вступая въ договоры, заключая трактаты съ Великимъ Княземъ или съ Новгородомъ или съ равнымъ себѣ удѣльнымъ Княземъ, утверждалъ акты эти своею печатью. Такимъ образомъ удѣльные Князья ни сколько не рознятся въ этомъ отношеніи отъ Великихъ Князей, а потому держась прежде высказаннаго убѣжденія о связи, въ которой изображенія на печатяхъ находятся съ штемпелемъ на монетахъ, мы, излагая исторію печатей удѣльныхъ Князей въ хронологическомъ порядкѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ прослѣдимъ, сколько то позволятъ наличные памятники нашей нумизматики и сфрагистики (1), въ какой мѣрѣ отразилось изображеніе, видимое на печати, или по крайней мѣрѣ идея его на монетномъ штемпелѣ? Считаемъ нелишнимъ замѣтить при этомъ, что печати удѣльныхъ Князей состояли по большей части изъ геммъ, въ именные ободочки вставленныхъ, и что исключеніе изъ этого правила составляютъ В. К. Тверскіе и нѣкоторые изъ Московскихъ удѣльныхъ Князей, усвоившихъ себѣ знамя Московское—всадника на конѣ съ мечемъ или копьемъ, или вмѣсто того другія эмблеммы, которыя, имѣя то же значеніе, не были чужды Московскимъ печатямъ и монетамъ.

Такимъ образомъ печати удѣльныхъ Князей не отличаются родовымъ и наслѣдственнымъ характеромъ эмблеммъ, и какъ на исключеніе должно смотрѣть, если гемма или сдѣланное въ Россіи подражаніе ей съ печати

---

(1) Печатей удѣльныхъ Князей, точно такъ же, какъ и частныхъ лицъ, издано пока немного. Доселѣ извѣстныя мы успѣли дополнить нѣкоторыми новыми, благодаря предупредительности просвѣщеннаго начальства Императорской Публичной Библіотеки и археологовъ нашихъ Гр. А. С. Уварова, А. Н. Попова и Ѳ. Г. Солнцева.

отца переходила на печати сыновей, обыкновенно же послѣдніе избирали себѣ новую гемму.

Въ рѣдкихъ случаяхъ печать удѣльныхъ Князей бывала двусторонняя: по большей же части она состояла изъ одного изображенія, вокругъ котораго означалось: печать такого-то Князя, по имени и по отчеству.

Относительно происхожденія геммъ, для сей цѣли употреблявшихся, мы можемъ только повторить прежде сказанное, т. е. что Россія снабжалась ими первоначально изъ Византіи, что не рѣдко съ этихъ прелестныхъ оригиналовъ у насъ дѣлались копіи, по большей части, плохія, и наконецъ что съ XV только столѣтія начали получаться подобныя печати изъ Западной Европы. Привычный глазъ легко отличаетъ послѣднія (не говоря даже о несовсѣмъ отчетливой ихъ работѣ), по содержанію и идеѣ изображенія: тогда какъ Греческіе антики представляютъ головку, звѣрей, птицъ, миѳологическихъ боговъ, геммы, съ Запада привезенныя,—цѣлую исторію въ лицахъ; поэтому первыя просты, вторыя сложны и замысловаты.

Печати Князей нашихъ изданы почти исключительно въ Румянцовскомъ Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ (Т. I. и 2). Исчисляя ихъ, мы будемъ ссылаться на это изданіе и дополнимъ ихъ тѣми, которыя намъ удалось собрать и которыя доселѣ нигдѣ еще не были изданы.

§ 45.

Точно такъ, какъ несомнѣнно, что печати Великихъ Князей Русскихъ начинаются ранѣе XII столѣтія отъ котораго они сохранились въ немногихъ экземплярахъ, такъ нѣтъ сомнѣнія, что и удѣльные Князья, до-

говариваясь съ Кіевомъ, Москвою и между собою, всегда утверждали свои сдѣлки и трактаты печатями, замѣнявшими подписи, хотя и не сохранилось печатей этого рода, ранѣе XIV столѣтія, Такое явленіе впрочемъ станетъ совершенно яснымъ, если вспомнимъ, что печати, къ трактатамъ между Князьями прилагаемыя, были почти исключительно восковыя и притомъ чаще висячія, всего болѣе подверженныя случайностямъ. Тѣмъ не менѣе однако и по тому, что̀ осталось, можно прослѣдить исторію печатей Московскихъ удѣльныхъ Князей XV вѣка почти безъ перерывовъ, чего къ сожалѣнію не можемъ сказать о печатяхъ другихъ Князей.

На договорахъ Московскихъ Великихъ Князей Димитрія Іоанновича Донскаго и сына его Василья Дмитріевича съ двоюроднымъ братомъ перваго и дядею втораго Кн. Владиміромъ Андреевичемъ отъ 1388 и 1389 годовъ сохранилось нѣсколько печатей, съ разными изображеніями. Тогда какъ на монетахъ Кн. Владиміра Андреевича, подобно штемпелю на деньгахъ Московскаго В. Князя, виденъ человѣкъ, вооруженный сѣкирою и мечемъ [1], на одной изъ печатей того же Князя представлена женщина въ короткой епанчѣ, держащая въ правой рукѣ мечъ, а въ лѣвой, сколько можно судить по дурно сохранившемуся слѣпку, голова человѣка [2], а на другой его печати представлена идущая вправо нагая женщина [3].

Въ 1423 году Великій Князь Василій Дмитріевичъ, составляя духовное завѣщаніе въ пользу сына своего Василія Васильевича и жены своей Софіи Витовтовны, по-

---

[1] *Черткова.* Описаніе Русскихъ монетъ стр. 128.

[2] Собраніе Госуд. Гр. и дог. Т. I, стр. 64. 71.

[3] Тамъ же, стр. 57.

ручилъ исполненіе этой записи младшей своей братьѣ Князьямъ Андрею, Петру и Константину Дмитріевичамъ, равно какъ сыновьямъ Князя Владиміра Андреевича, бывшимъ тогда въ живыхъ Князьямъ Семену и Ярославу Владиміровичамъ. При составленіи грамоты были свидѣтели. Она подписана (по-гречески) Митрополитомъ Фотіемъ, но ни Великій Князь, ни душеприкащики акта не подписали, а приложили къ нему печати: Великій Князь—Московскую, а братья его утвердили свое согласіе на приведеніе въ исполненіе распоряженія старшаго брата также своими печатями. У каждаго изъ нихъ была особенная печать: у Князя Андрея Дмитріевича, на ней изображена смотрящая влѣво голова рыцаря въ шишакѣ съ развѣвающимися на немъ страусовыми перьями (камеи вѣроятно западнаго происхожденія); вокругъ надпись: *Князя Андреева Дмитріевича.* У брата его Кн. Петра Дмитріевича изображенъ на печати человѣкъ, который, держа собаку за одну лапу, заставляетъ ее перескочить чрезъ палку. На ободочкѣ: *Печать Княжа Петрова Дмитріевича.* Наконецъ третій братъ приложилъ печать двустороннюю съ надписью, одинаковою съ обѣихъ сторонъ: *печать Княжа Константина Дмитріевича;* но изображенія различны, а именно: съ одной стороны, два нагихъ человѣка, держа за узду каждый по лошади, ведутъ ихъ одну на встрѣчу другой; а на оборотной сторонѣ представлено дерево, котораго корни занимаютъ нижній край поля, а раскидистыя вѣтви верхнюю треть печати. Между вѣтвями видны три лица, а подъ вѣтвями съ правой стороны отъ дерева идетъ оселъ или лошадь, рядомъ съ нимъ человѣкъ, на встрѣчу ему съ лѣвой стороны два человѣка, какъ бы приглашающіе перваго; на землѣ же у корня дерева два какихъ-то животныхъ. Зна-

ченіе этой печати ясно: это образъ пріема трехъ странниковъ Авраамомъ [1].

Къ означенному завѣщанію В. Князя Василія Дмитріевича не приложилъ своей печати одинъ изъ братьевъ его Кн. Юрій Дмитріевичь, который, воспользовавшись малолѣтствомъ В. Князя Василія Васильевича, вздумалъ-было похитить беззаконно правленіе Великимъ Княженіемъ, пока въ 1428 году онъ не отказался отъ притязаній своихъ особо заключеннымъ между ними договоромъ. Къ этому акту привѣшено, кромѣ другихъ уже извѣстныхъ печатей, еще двѣ печати, изъ которыхъ одна совсѣмъ стерлась и по порядку, судя по мѣсту, вѣроятно принадлежала младшему изъ дядей В. Князя Андрею Дмитріевичу, а другая хотя безъ круговой надписи и потерта, сохранилась однако такъ, что видны изображенія съ обѣихъ ея сторонъ: съ одной женская голова въ античномъ уборѣ, а съ другой—голова старца съ бородою. Всѣхъ печатей привѣшено четыре: актъ заключали Великій Князь и его печать первая, за нимъ старшій дядя Константинъ Дмитріевичъ и его печать на второмъ мѣстѣ съ лѣва, далѣе (такъ какъ Кн. Петра Дмитріевича, умершаго въ 1428 г., тогда уже не было въ живыхъ) слѣдовалъ Юрій Дмитріевичь, и мы считаемъ себя въ правѣ думать, что тотчасъ описанная, двусторонняя печать принадлежитъ ему [2].

Невсегда однако примѣнимо и помогаетъ это начало: по мѣсту опредѣлять владѣльца печати, особенно, когда не извѣстно, чья была первая печать. Въ этихъ случаяхъ, во избѣжаніе упрека въ произвольномъ толкованіи,

---

(1) Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I, стр. 82.

(2) Тамъ же, стр. 90.

достаточно отмѣчать только для полноты, какія на грамотахъ встрѣчаются печати; такъ на договорной грамотѣ 1433 г. Можайскихъ Князей Ивана и Михаила Андреевичей съ В. Княземъ Василіемъ Васильевичемъ сохранилось двѣ печати, изъ которыхъ одна совсѣмъ стерлась, а на другой виденъ одноглавый орелъ (¹), сбирающійся летѣть. Этотъ камей такъ хорошъ, что мы его приводимъ въ нашихъ рисункахъ для сравненія съ другою, также безъ имени, печатью (неизданною) XV вѣка съ изображеніемъ орла. (табл. XI, рис. 1, 4). По печатямъ однако, сохранившимся на договорѣ, заключенномъ въ 1445 г. между В. Княземъ Василіемъ Васильевичемъ и Можайскими Князьями Иваномъ и Михаиломъ Андреевичами, можно доискаться, какія были у послѣднихъ эмблемы, а именно: къ акту привѣшено три печати, изъ которыхъ первая слѣва Велико-княжеская, вторая безъ имени, на ней всадникъ на конѣ съ копьемъ (²), а надъ головою двѣ точки, должна принадлежать Кн. Ивану Дмитріевичу Можайскому, у котораго и на деньгахъ тотъ же штемпель—всадникъ на конѣ, подъ нимъ собака или змѣй, или даже воинъ съ одною саблею (³); а печать Князя Михаила Андреевича (такова надпись вокругъ ея) носитъ изображеніе женщины, обращенной лицемъ вправо: она одѣта въ длинное платье, имѣетъ на головѣ шишакъ, въ правой рукѣ палку, на которую упирается, а въ лѣвой мечъ, поднятый вверхъ; очертаніе лица и дра-

(¹) Въ числѣ перстней, послѣ Царя Алексѣя Михайловича оставшихся, упоминается одинъ съ изображеніемъ птицы—*неясыть съ дѣтьми*. И. П. Сахаровъ (З. Арх. Общ. Т. III стр. 73) предполагаетъ, не оттискъ ли это означенной печати; только не видно дѣтей.

(²) На другихъ печатяхъ того же Князя всадникъ держитъ какъ будто иное орудіе. Собр. Гр. I. 140. 152.

(³) *Чертковъ*, стр. 117. 119. *Reichel*, S. 341. 342.

пировка платья (табл. XI, рис. 5) не оставляютъ сомнѣнія въ античномъ происхожденіи этого изображенія (1). Сынъ же Князя Михаила Андреевича Князь Василій Михайловичъ избралъ для своей печати другую эмблемму: единорогъ, стоя на заднихъ лапахъ, рогомъ своимъ забодалъ дракона (2).

Далѣе въ 1433 году утвердили между собою взаимную дружбу Великій Князь Василій Васильевичь, Князья Константинъ и Юрій Дмитріевичи, сынъ послѣдняго Дмитрій Георгіевичъ, и къ грамотамъ, по этому случаю составленнымъ, привѣшено пять восковыхъ печатей, изъ которыхъ на трехъ изображеній совсѣмъ не видно, а изъ двухъ другихъ на первой осталась обращенная вправо голова какого-то чудовища съ раскрытою пастью, и на второй женская голова съ античнымъ профилемъ и въ повязкѣ, предъ лицемъ полукругъ въ родѣ луны (?) (3). Наконецъ на печати Князя Дмитрія Юрьевича Шемяки осталось изображеніе головы воина, смотрящаго влѣво, руки и грудь его въ латахъ, а голова въ шишакѣ, съ лѣвой стороны какія то неправильно начертанныя буквы (можетъ быть это случайные остатки дурно сдѣланнаго слѣпка). Вокругъ надпись: *печать Князя Дмитрія Юрьевича* (4).

Отъ 1448 года на договорныхъ грамотахъ также В. Князя Василія Васильевича и его дѣтей съ Княземъ Бо-

(1) Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I, стр. 135.

(2) Тамъ же, стр. 253, 275.

(3) Тамъ же, стр. 104.

(4) Въ то же время у того же Князя видимъ другую печать съ изображеніемъ не совсѣмъ впрочемъ яснымъ и распознаваемымъ: съ правой стороны птица, надъ нею шестиугольная звѣзда, а съ лѣвой змѣя (?), какъ бы вьющаяся въ облакахъ и низпадающая на землю. Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I, стр. 130.

ровскимъ Василіемъ Ярославичемъ, сохранилось двѣ восковыхъ печати, обѣ безъ надписей (которыхъ кажется вовсе и не было). Онѣ замѣчательны по красотѣ камеевъ (табл. XI, рис. 2 и 3), и представляютъ: одна нагую женщину, въ головной повязкѣ, натягивающую лукъ, она обращена вправо и опирается о столбъ; а на другой виденъ купидонъ (1).

Къ числу неизвѣстно кому принадлежащихъ печатей относятся еще двѣ, изъ которыхъ одна, съ изображеніемъ дельфина или подобной сій рыбы, сохранилась на договорной записи, заключенной въ 1448 г. Княземъ Димитріемъ Шемякою съ Можайскими Князьями Иваномъ и Михаиломъ Андреевичемъ о посылкѣ къ В. Князю Василію Васильевичу съ прошеніемъ принять ихъ въ любовь и дружбу (2), а другая — коронованный левъ, бѣгущій влѣво съ головою, обращенною назадъ: печать эта привѣшена вмѣстѣ съ Велико княжескою къ договорной грамотѣ, заключенной въ 1451 году между Княземъ Суздальскимъ Иваномъ Васильевичемъ и Великимъ Княземъ Василіемъ Васильевичемъ. Печать сего послѣдняго занимаетъ почетное, первое съ лѣваго края мѣсто, а вторая (вокругъ которой надпись почти вся стерлась) должна принадлежать Суздальскому Князю (3).

§ 46.

Обозрѣвъ печати удѣльныхъ Московскихъ Князей, жившихъ въ правленіе В. Князя Василія Васильевича и приходившихъ съ Москвою въ мирныя или враждебныя соотношенія (что и выразилось въ ихъ трактатахъ,

---

(1) Тамъ же, Т. I, стр. 142. 162. 168. 201.

(2) Тамъ же, стр. 150.

(3) Тамъ же, стр. 186.

приложеніемъ печати утвержденныхъ), переходимъ къ государствованію В. Князя Іоанна III Васильевича. Онъ продолжалъ поддерживать съ удѣльными Князьями тѣ же, какъ и предки его, сношенія и опредѣлялъ свои права и преимущества договорными грамотами, въ которыхъ требовалъ отъ Князей почтенія, «чтобы его, В. Князя, и его Великое Княженіе держали честно и грозно безъ обиды», и въ то же время постепенно ограничивая прежнія права независимости *младшей братьи*, касательно сношеній съ другими Государями, сбора податей и т. п., увеличивалъ тѣмъ самодержавіе Москвы. Значеніе ея росло въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніяхъ, пока не сложилось государство, дѣлавшее излишнимъ заключеніе Московскимъ В. Княземъ трактатовъ съ удѣльными Князьями.

Подобные договоры Іоанна III писались отъ имени Великаго Князя и старшаго сына его Ивана Ивановича (умершаго въ 1490 году), который потому прилагалъ къ договорамъ и свою печать. На ней видимъ двухъ мужей, идущихъ другъ къ другу на встрѣчу. Оба они держатъ по копью; но одинъ изъ нихъ съ правой стороны въ шляпѣ и полунагъ, а другой въ шлемѣ и грудь у него въ латахъ. Вокругъ надпись: *печать Князя Великаго Ивана Ивановича* (¹). Форма фигуръ, одѣяніе и драпировка на нихъ обличаютъ Греческое происхожденіе этихъ изображеній. Когда же по смерти В. К. Ивана Ивановича право на наслѣдство Московскаго Великаго Княжества перешло къ другому сыну его Василію Іоанновичу, то и онъ не былъ исключенъ изъ участія въ договорахъ Москвы съ удѣльными Князьями. Но въ то время уже сложилась

(¹) Тамъ же, стр. 238.

Московская Печать, т. е. съ одной стороны всадникъ на конѣ, а на оборотѣ двуглавый орелъ, и эти эмблеммы перешли также на печать наслѣдника престола, съ тѣмъ только различіемъ, что печать его въ объемѣ своемъ меньше той, какая была у Великаго Князя и Государя всея Россіи [1]; величина изображенія имѣла, мы увидимъ, прямое отношеніе къ степени важности и значенія печати.

Братья Великаго Князя Іоанна Васильевича имѣли каждый свою печать, а именно: Князь Борисъ Васильевичъ Волоцкій имѣлъ въ печати изображеніе, по сложности своей и раздѣленію поля близко подходящее къ гербу (вѣроятно западнаго происхожденія): поле разбито на два, и верхняя половина разсѣчена на три части, изъ которыхъ въ средней сидитъ человѣческая фигура, въ крайнихъ видимъ по птицѣ, а въ нижней половинѣ восемь идущихъ вправо воиновъ (на нихъ-то сверху и смотритъ человѣкъ, какъ бы Князь или начальникъ). Вокругъ печати надпись, свидѣтельствующая объ имени ея владѣльца [2].

Другой братъ Великаго Князя Іоанна III Князь Углицкій Андрей Васильевичъ имѣлъ на своей печати иное изображеніе: двухъ всадниковъ, копьями вооруженныхъ и ѣдущихъ на встрѣчу одинъ къ другому. Кругомъ надпись: «*печать Князя Андрея Васильевича* [3]».

Но сыновья Князя Бориса Васильевича Князья Ѳедоръ и Иванъ Борисовичи Волоцкіе не сохранили на печатяхъ своихъ изображенія, ихъ родителемъ принятаго, а оно

---

(1) Собр. Гос. Гр. Т. I, стр. 347.

(2) Тамъ же, стр. 238, 289. 313.

(3) Тамъ же, стр. 243, 248. 259 и др.

замѣнено у Князя Θедора Борисовича (заимствованною съ Запада) эмблеммою: по бокамъ крѣпостной двери стоятъ два рыцаря въ панцыряхъ и шлемахъ, и поднятыми вверхъ руками подерживаютъ толстое бревно, на которомъ съ правой стороны сидитъ птица и клюетъ что-то, а съ лѣвой видна фигура человѣка (1). Вокругъ надпись: *печать Князя Θедора Борисовича.* Еще сложнѣе изображеніе на печати брата его Кн. Ивана Борисовича (что гласитъ и надпись вокругъ ея): на лодкѣ построенъ навѣсъ подъ императорскою короною. Его подерживаетъ на воздухѣ ангелъ, а на коронѣ сидитъ птица (не орелъ ли?) въ профиль съ расправленными крыльями. Всю эту картину (могущую представлять какое нибудь событіе изъ исторіи Германіи) довершаютъ два человѣка, сидящіе одинъ на носу, другой на кормѣ лодки и оба трубятъ (2).

Наконецъ, у третьяго сына В. Князя Князя Юрья Ивановича видимъ на печати человѣка (судя по одеждѣ, простолюдина), который колетъ рогатиною въ пасть львиную голову, между тѣмъ какъ собака бросается на звѣря (3).

§ 47.

Сохранилось также нѣсколько (сравнительно не много) печатей В. Князей Тверскихъ, приходившихъ съ сношенія съ Москвою.

На монетахъ В. Княжества Тверскаго видимъ почти исключительно тѣ же изображенія, какія были и на Мо-

(1) Тамъ же, стр. 333.
(2) Тамъ же.
(3) Тамъ же, стр. 347.

сковскихъ, современныхъ имъ, деньгахъ; поэтому если встрѣчаемъ на монетахъ В. Князей Тверскихъ изображенія человѣка съ мечемъ, копьемъ, щитомъ или лукомъ, четвероногихъ, птицъ, то и всадники, ѣдущіе съ мечемъ наголо, съ птицою на правой рукѣ и т. п., не чужды Тверской денежной системы (¹). Подобно тому и на печатяхъ Великихъ Князей Тверскихъ, которые отъ времени Михаила Ярославича именовались Великими Князьями и долго спорили съ Москвою о первенствѣ, видимъ всадника на конѣ, ѣдущаго влѣво и поднявшаго мечъ, какъ бы готовясь на бой; такова печать Великаго Князя Тверскаго Бориса Александровича (надпись на печати), приложенная къ договорнымъ грамотамъ его съ В. К. Московскимъ Василіемъ Васильевичемъ отъ 1447 и 1451 годовъ. А у сына его Михаила Борисовича, заключившаго въ 1462 году договоръ съ Великимъ Княземъ Іоанномъ III-мъ о бытіи имъ въ дружбѣ и согласіи, видимъ на печати такого же всадника: онъ въ бронѣ, епанча развѣвается по вѣтру, голова въ шишакѣ и мечъ поднятъ къ верху, а подъ ногами коня изгибается драконъ (²).

Съ конца XV вѣка Москва, дотолѣ медлившая и старавшаяся обезпечить себя трактатами съ удѣльными Князьями, которыхъ независимость она все еще щадила и только изрѣдка и слегка ограничивала, стала дѣйствовать рѣшительнѣе. Были покорены уже Новгородъ и Двинская Земля, была подвластна Пермь, въ 1485 году Тверь признала себя данницею Государя Московскаго

(¹) *Чертковъ*, стр. 71—96. Reichelsche Münzsammlug, I. S. 321. ff.

(²) Тамъ же, стр. 215.

и всея Россіи, затѣмъ Князья Верейскіе, Ростовскіе, Ярославскіе и иные утратили свои владѣтельныя права [1]. Если и затѣмъ Москва расширяла свои владѣнія, то она пріобрѣтала ихъ на основаніи обыкновенныхъ гражданскихъ сдѣлокъ, и всякія уступки земель отъ удѣльныхъ Князей Москвѣ утверждались купчими или мѣновыми грамотами, которыя вмѣсто подписей укрѣплялись печатями: такъ на грамотахъ 1566 г. между Государемъ Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ и двоюроднымъ его братомъ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ видимъ печать послѣдняго—олень, обращенный влѣво, лежитъ подъ кустомъ, повернувъ голову назадъ [2]. Съ другой стороны, когда удѣльные Князья перешли въ службу и подъ покровительство Государя и Обладателя всея Россіи, то мѣсто прежнихъ договорныхъ грамотъ между Москвою и удѣльными Князьями заступили т. н. *поручныя* грамоты, которыми Князья, какъ подданные, обязывались служить Москвѣ, а въ случаѣ нарушенія вѣрности уплатить опредѣленную сумму денегъ, и представляли за себя ручательство какого нибудь духовнаго лица и нѣсколькихъ лицъ, правительству извѣстныхъ. Поручительства эти отбиралъ одинъ какой нибудь бояринъ, къ тому уполномоченный, который въ концѣ грамоты и прикладывалъ свою печать, что̀ всегда означалось на самомъ актѣ, въ рукоприкладствѣ. Такихъ поручныхъ грамотъ отъ государствованія В. К. Василія Іоанновича, равно какъ отъ царствованія Іоанна Грознаго, осталось довольно много, и хотя почти всегда упоминается, что такой-то бояринъ «къ сей грамотѣ поручной и печать свою при-

---

(1) *Карамзина* И. Г. Р. Т. VI, стр. 111—114.

(2) Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I, стр. 529, 533.

ложилъ» (1); но печати эти, будучи восковыми, или совсѣмъ искрошились, или изображенія на нихъ до того стерлись, что разобрать ихъ не возможно. На подручной грамотѣ, данной въ 1528 г. по Князьямъ Шуйскимъ, сохранилась печать болрина Михайла Юрьевича Захарича: обращенная влѣво женская голова съ сборчатою вокругъ шеи драппировкою. Что касается наконецъ до печатей другихъ удѣльныхъ Князей, то эмблемы на нихъ помѣщались на томъ же основаніи, какъ и на Московскихъ печатяхъ. Для примѣра указываемъ на печать Бѣлозерскаго Князя Михаила Андреевича (табл. XI, рис. 6): на ней представлена богиня плодородія, голова ея въ сіяніи, въ лѣвой рукѣ держитъ она рогъ изобилія. Вокругъ надпись, полагать должно, показывала, чья печать (2). Типъ драппировки одежды свидѣтельствуетъ о Греческомъ происхожденіи камея, съ котораго изображеніе снято. Труднѣе разобрать печать, отъ XV также вѣка сохранившуюся и Вологодскому Князю Андрею Васильевичу принадлежавшую: орелъ держитъ въ клювѣ вѣнокъ, а по бокамъ его что-то въ родѣ арматуръ (3) (табл. XI, рис. 7.).

§ 47.

Обзоръ Княжескихъ печатей, во всемъ ихъ разнообразіи какъ по формѣ, такъ и по эмблеммамъ, доводитъ до убѣжденія, что онѣ были по большей части заимство-

(1) Тамъ же, стр. 432.

(2) Печать эту мы заимствуемъ съ рукописей Императорской Публичной Библіотеки (NN° 14. 18. 19. 20. 25 и др.): жалованныхъ грамотъ Кирилло-Бѣлозерскому Монастырю (съ 1448 по 1468 годъ).

(3) Неоднократно повторяется печать эта на жалованныхъ грамотахъ Князя Андрея Васильевича тому же монастырю отъ 1467 года. (Рукоп. Публ. Библ. N° 40. 41).

ванныя геммы или подражаніе имъ, сдѣланныя можетъ быть Греческими, Итальянскими зодчими и другими мастерами, пріѣзжавшими въ Россію. Всякій Князь выбиралъ то изображеніе, которое ему болѣе нравилось изъ имѣвшихся подъ рукою и которое ближе выражало его политическое положеніе и отношеніе къ Ордѣ или къ Великому Князю. Оттого наслѣдственныхъ печатей не было, и не рѣдко одинъ и тотъ же Князь въ разныя эпохи своего правленія, при неодинаковыхъ обстоятельствахъ и на разныхъ документахъ прилагалъ различныя печати [1]. Надпись вокругъ, чья печать, служила, при этой неопредѣленности изображенія, необходимою ея принадлежностью и ручательствомъ за ея неприкосновенность. Исключенія изъ этого правила рѣдки.

Печати эти носились въ видѣ привѣсковъ (судя по ушкамъ, которыя остались на нѣкоторыхъ печатяхъ), но чаще на кольцахъ и перстняхъ. Ихъ было очень много и у частныхъ людей, а Цари обращали на нихъ вниманіе и любили щеголять ихъ красивою отдѣлкою и большимъ числомъ.

Перстни въ старину отличались особенными названіями: *напалы*, *жиковины* или *жуковины*, *булатники*. Въ средину ихъ вставлялись камни, а кругомъ ихъ убирали или жемчугомъ или алмазными, яхонтовыми и изумруд-

---

(1) Я. Я. *Рейхель*, говоря объ удѣльныхъ Русскихъ деньгахъ, всегда старается показать, откуда типъ ихъ заимствованъ. Иногда такое объясненіе и можетъ удаваться, но по большей части оно оставляетъ поводъ сомнѣваться, не произвольно ли подобное толкованіе; говоря напр. о всадникѣ, поражающемъ дракона, онъ хочетъ видѣть заимствованіе его съ монетъ Владислава, Герцога Богемскаго (Зап. Арх. Общ. Т. I, стр. 25, 26), тогда какъ легенда о драконѣ была и въ Скандинавіи и въ Польшѣ и имѣетъ общечеловѣческое значеніе.

ными искрами. Изъ камней были въ употребленіи: алмазы, лалы, перелифты или ониксы, сердолики, изумруды, яхонты лазоревые и червчатые, и др.—Въ духовныхъ грамотахъ Князей нашихъ нерѣдко встрѣчаются особыя статьи съ подробнымъ описаніемъ перстней, переходившихъ въ наслѣдство. Въ духовной напр. грамотѣ Князя Дмитрія Ивановича 1509 года помѣщено: «двадцать и три жиковины женскихъ золоты съ яхонтцы и съ лальцы и съ изумруды и съ жемчужки и съ плохимъ камешейцомъ. А перстней моихъ золотыхъ у Андрея у Бѣлкина, да у Өедора у Малова и пр.» Не мудрено поэтому, что въ казнѣ Царя и В. Князя Алексѣя Михайловича сохранилось нѣсколько перстней древнихъ, перешедшихъ къ нему по наслѣдству отъ предковъ. Это описаніе такъ любопытно, что мы его приведемъ вполнѣ ([1]):

1) Перстень съ разными финифты, въ немъ изумрудъ четвероуголенъ, на немъ вырѣзано: *персона человѣческая на лошади съ саблею, подъ лошадью змій*, типъ, который мы такъ часто встрѣчали на монетахъ и печатяхъ Московскихъ и Тверскихъ Великихъ Князей.

2) Перстень съ чернымъ финифтомъ, въ немъ яхонтъ червчатъ продолговатъ, на немъ вырѣзанъ *песъ борзой*.

3) Перстень съ разными финифты, а на немъ лалъ осмиуголенъ, на немъ вырѣзанъ *орелъ двоеглавый съ короною и съ подписью*.

4) Перстень рѣзной, съ чернью, въ немъ въ срединѣ яхонтъ лазоревъ, на немъ вырѣзаны *двѣ персоны людскія: одна сидитъ на стулѣ съ посохомъ, а другая льву держитъ челюсти*, около его искорки яхонтовыя и изум-

---

[1]) Свѣдѣніями о перстняхъ мы обязаны И. П. Сахарову. Зап. Арх. Общ. Т. III. стр. 67. Ср. Собр. Гос. Гр. I. № 147.

рудныя, по сторонамъ два яхонта червчатыхъ. Перстень этотъ перешелъ въ казну Государя Московскаго отъ В. Князя Василія Васильевича, утвердившаго такою печатью договорную свою грамоту 1428 г., заключенную съ Князьями Андреемъ, Константиномъ и Юрьемъ Дмитріевичами (¹).

5) Перстень съ разными финифты, въ немъ яхонтъ лазоревъ четвероуголенъ, на немъ вырѣзано: *птица несыть съ дѣтьми.*

6) Перстень съ разными финифты, въ немъ изумрудъ четвероуголенъ, на немъ вырѣзано: *персона людская стрѣляетъ изъ лука*, типъ, такъ часто видимый на монетахъ Московскихъ и Тверскихъ, но не сохранившійся на печатяхъ.

7) Перстень съ разными финифты, въ немъ камень перелифть не великъ, на немъ вырѣзано *опахальцо*.

8) Перстень золотъ съ разными финифты, въ немъ яшма, въ яшмѣ вырѣзано клеймо, на клеймѣ *орелъ двоеглавый*, надъ клеймомъ коруна.

9) Перстень золотъ съ разными финифты, въ немъ яхонтъ лазоревъ граненый, къ верху островатъ, по сторонамъ по изумруду, въ немъ *часы*.

10) Перстень золотъ, въ немъ въ когтяхъ изумрудъ, на немъ на престолѣ вырѣзана персона, а около его подпись: Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца.

Мы убѣждены, что если бы время пощадило всѣ перстни, которые носили наши Великіе и удѣльные Князья и которыми они пользовались для печатанія своихъ гра-

---

(¹) Собр. Гос. Гр. и Дог. I, стр. 30.

мотъ и отписокъ, то уяснился бы не одинъ штемпель нашей монетной системы, до сихъ поръ считаемый произвольнымъ и потому незаслуживающимъ вниманія и подробнаго изученія. Если такой образъ воззрѣнія на древности наши и легокъ и избавляетъ отъ труда розысканія, то едва ли онъ правиленъ, и дѣло науки—показать его неосновательность. Только обнародованіе перстней и печатей, разсѣянныхъ въ нашихъ музеяхъ и хранилищахъ древностей, прольетъ яркій свѣтъ на многія неясныя стороны отечественной администраціи и всего быта русскаго человѣка въ древности: перстнямъ всегда придавалось въ отечествѣ нашемъ большое значеніе. Они были принадлежностью однихъ взрослыхъ людей и служили какъ бы знакомъ полнолѣтія и правоспособности. При обрученіи новобрачныхъ возлагались на руку жениха золотой перстень, а на руку невѣсты—желѣзный или серебреный (1). Такіе перстни носились нашими отцами, какъ обѣтные до самой смерти. Потеря ихъ считалась худымъ предвѣщаніемъ.

На выходахъ въ торжественныхъ случаяхъ Цари наши надѣвали по нѣскольку, по 7, 9 даже перстней (2) и потому старались объ увеличеніи числа ихъ. За недостаткомъ пока полныхъ свѣдѣній, какіе перстни и какія на нихъ изображенія были сдѣланы въ каждое правленіе, мы приведемъ нѣкоторые объ этомъ интересномъ предметѣ свѣдѣнія; такъ венеціянскій ювелиръ Асцентп выгранилъ въ Москвѣ для Царя Бориса Өедоровича Годунова изумрудъ для перстня. Въ 1597 г. посолъ Цесаря Рудольфа поднесъ Государю «перстень золотъ съ изум-

(1) Потребникъ мірской. М. 1639 г. Чинъ вѣнчанія.

(2) Выходы Государей, Царей и Великихъ Князей, стр. 166, 168, 172, 173 и др.

рудомъ, а въ изумрудѣ печать Его Царскаго Величества орелъ». Изумрудъ съ перстня Царя Ѳедора Алексѣевича съ вырѣзаннымъ нашемъ гербомъ и буквами: П. Ц. Ѳ. А. (т. е. печать Царя Ѳедора Алексѣевича) находится нынѣ въ звѣздѣ надъ дискосомъ и принесенъ въ даръ Чудову монастырю Царевною Маріею Алексѣевною въ 1710 году (1).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

§ 48.

2) Печати городовъ.

Въ наказахъ, которые давались воеводамъ при отправленіи ихъ въ области, для завѣдыванія ими, не рѣдко предписывалось вмѣстѣ съ городскими ключами, нарядомъ, пушками, деньгами, бумагами принять и печать городскую. (2) О изображеніи на ней, къ сожалѣнію, не упоминается, какъ о предметѣ обще-извѣстномъ, и потому свѣдѣнія о городскихъ печатяхъ скудны. Впрочемъ если сообразить, въ какой связи печать Князя находилась съ штемпелемъ на его деньгахъ, то можно догадываться, что и городское знамя во время существованія удѣловъ измѣнялось вмѣстѣ съ обладателемъ города и области, т. е. что Князь, избравъ для себя эмблемму, печатая ею бумаги, до управленія областью относившіяся, тѣмъ самымъ усвоивалъ ее городу и области. Если для доказательства справедливости этого предположенія, какъ общаго правила, недостаетъ у насъ матеріаловъ, тѣмъ не менѣе печати Кіева, Москвы и Литвы,

(1) Зап. Археолог. Общ. Т. III, стр. 68.
(2) Акты Историч. Т. V, № 66.

бывшія первоначально личными Великихъ Князей, и обратившіяся въ послѣдствіи времени въ печати и гербы городскіе, не только не противорѣчатъ нашей догадкѣ, но напротивъ подтверждаютъ ее.

Не смотря однако на всю скудость свѣдѣній объ этомъ въ высшей степени любопытномъ предметѣ, городскія печати заслуживаютъ полнаго вниманія Русскаго геральдика, потому что ими только объясняются эмблеммы, вошедшія въ гербы Княжескихъ и древнихъ дворянскихъ фамилій, которыя произошли отъ удѣльныхъ Князей Русскихъ. Такъ какъ при разсмотрѣніи Княжескихъ печатей были уже сдѣланы выводы о томъ, какимъ образомъ послѣ долгихъ колебаній установились *знамена* для Кіева и Москвы, то мы переходимъ къ другимъ городамъ, но при этомъ должны ограничиться тѣми изъ нихъ, у которыхъ образовалось постоянное изображеніе на печати, не смотря на перемѣны, которымъ она должна была подвергаться вмѣстѣ съ перемѣною Князей. Съ образованіемъ же Государственнаго и областныхъ гербовъ въ нихъ вошли тѣ *знамена* съ городскихъ печатей, которыя усвоены городамъ этимъ давностью, а для другихъ, неиспользовавшихся постояннымъ знаменемъ, были сочинены новыя эмблеммы (что всегда означалось въ самомъ указѣ объ утвержденіи городскаго герба), которыя и нашли себѣ мѣсто въ гербахъ Княжескихъ фамилій въ память обладанія ими областью или городомъ.

Если справедливо то, что городская печать была въ зависимости отъ печати Князя, то скорѣе всего должно было образоваться неизмѣнное знамя на печатяхъ тѣхъ городовъ, на которые обстоятельство это не могло имѣть вліянія. Мы говоримъ о Новгородѣ и Псковѣ. Для го-

родовъ этихъ печать была тѣмъ необходимѣе, что они, вступая въ сношенія съ разными областями, должны были утверждать свои коммерческія сдѣлки печатями, по обще принятому въ то время обыкновенію. Самыя же эти сношенія, знакомя Новгородъ и его пригородъ съ печатями другихъ странъ, произвели то, что Новгородскія и Псковскія печати отличаются правильностью геральдическихъ фигуръ: положеніе лапъ, хвоста, самая форма звѣрей и вооруженіе людей заставляютъ подозрѣвать въ составителѣ ихъ знакомство съ геральдикою того времени.

Новгородъ, заключая договоры съ Москвою и другими городами, равно какъ давая жалованныя и тому подобныя грамоты, всегда означалъ имена своихъ представителей, распоряженіе это дѣлавшихъ, какъ то посадниковъ, тысяцкихъ, которые и прилагали личныя свои печати (они будутъ изложены въ главѣ о печатяхъ должностныхъ лицъ); но тѣмъ не менѣе образовались и особыя для городовъ этихъ эмблеммы.

Изъ двухъ печатей Новгородскихъ, которыя сохранились на договорныхъ грамотахъ 1426 и 1461 годовъ Новгорода съ В. К. Тверскимъ Борисомъ Александровичемъ ([1]), изображены: на одной геральдическое животное, съ лошадиною головою, а задомъ и ногами львиными, бѣгущее влѣво съ поднятымъ хвостомъ, между головою и шеей видна веревка въ видѣ узды, а на оборотѣ надпись—*печать Новгорочкая,* (табл. XII, рис. 8), а на другой какое-то животное въ родѣ тигра, пантеры, или можетъ быть миѳическое, надъ нимъ двѣ звѣздочки, и на оборотѣ печати надпись: *печать Великаго Нова-города*

([1]) Собр. Гос. Гр. I, стр. 21.

(табл. XII, рис. 9). Между тѣмъ на Новгородскихъ деньгахъ всего чаще виденъ Князь въ коронѣ, судящій или милующій стоящаго предъ нимъ человѣка, а на оборотѣ надпись—*Великаго Новагорода* (съ небольшими измѣненіями). Впрочемъ сохранилась печать и съ подобнымъ штемпелемъ отъ XV, какъ думаютъ, вѣка (табл. XVI, рис. 6.) (¹). Вмѣсто Князя видна на ней женская фигура. Не Мареа ли это посадница?—Когда Новгородъ присоединенъ къ Москвѣ, на его деньгахъ стали писать: *печать Великаго Князя*, а еще позднѣе изображать двуглаваго орла (²).

Позднѣйшее изображеніе на печати Новгородской объясняется тѣмъ значеніемъ, которое имѣли въ древнемъ Новгородѣ вѣче и Архіепископъ, владыка города Св. Софіи. Какъ вѣчу была предоставлена высшая административная и судебная въ Новгородѣ власть, такъ съ другой стороны Архіепископъ его былъ совѣтникомъ Новгородцевъ, посредникомъ между Княземъ и жителями, ходатаемъ за нихъ предъ Великимъ Княземъ и Москвою. Договоры, Новгородомъ заключаемые, *по благословенію* Архіепископа, утверждались его печатью, которой и давалось почетное съ лѣваго края мѣсто. Такое же значеніе было оставлено владыкѣ и по присоединеніи Новгорода къ Москвѣ, а что это такъ было даже въ царствованіе Государя Михаила Өедоровича, достаточно привести слѣдующее свидѣтельство разрядной книги 1617 года. Въ этомъ году, былъ посланъ вѣдать государевы и земскія дѣла въ Новгородѣ бояринъ и воевода князь Иванъ Андреевичь Хованскій, да стольникъ Князь Өедоръ Андрее-

(¹) Mémoires de la Societé d'Acheologie T. I, p. 365. Koehne's Zeitschrift für Munz-Siegel und—Wappenkunde B. VI. Tf. VII. № 12.

²) *Чертковъ*, стр. 143 сл. *Reichel*, S. 355 ff.

вичь Елецкій. Наказъ былъ данъ имъ самый подробный, что условливалось неопредѣленностью въ то время отношеній Россіи къ Польшѣ и Швеціи; а въ концѣ этого наказа воеводѣ вмѣнено въ обязанность «въ большихъ дѣлахъ приходить къ Митрополиту Исидору [1] совѣтоватись съ нимъ, какъ которому дѣлу быти пригоже и какъ бы Государеву дѣлу быти лучше и прибыльнѣе; а Митрополиту о томъ отъ Государя писано». [2] Какъ бы то ни было, сохранившіяся отъ XVI вѣка и извѣстныя намъ Новгородскія печати носятъ на себѣ слѣды той важности, которая придавалась вѣчу и Архіепископу Новгородскимъ, и замѣчательны потому, что представляютъ начало того изображенія, которое потомъ перешло на печать Новгородскую и сохранилось въ гербѣ этой губерніи. Вѣчевыя ступени [3] (вѣче собиралось на возвышеніи, на *степеняхъ*, отсюда *степенные* посадники, тысячскіе) и положенный на нихъ посохъ Архіепископа служили выразительными эмблемами власти свѣтской и духовной, въ нераздѣльномъ соединеніи. Надпись вокругъ гласитъ, что это печать: *господина Великаго Новагорода.* (табл. XIV, рис. 5.). Въ послѣдствіи времени къ этому основному изображенію прибавлены дополнительные аттрибуты, напр. медвѣдь и собака, которыхъ видимъ на печати Грознаго, съ надписью вокругъ: *пе-*

---

(1) Митрополія въ Новгородѣ учреждена въ 1589 г. Первымъ Новгородскимъ Митрополитомъ былъ Александръ, (1589—1591), за нимъ Варлаамъ (1592 — 1601), а послѣ него Исидоръ (1603 — 1619). Исторія Росс. Іерархіи Т. I, стр. 78, 79.

(2) Оффиціальные разряды, изд. Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, С.-Пб. 1853 Т. I, стр. 333.

(3) Судя по изображенію на печати Новгородской, можно полагать, что она старше XVI столѣтія: она вѣроятно была вѣчевая и современна вѣчу, но сохранилась отъ XVI вѣка на отпискахъ воеводъ Новгородскихъ.

чать намѣстника Великаго Новагорода (табл. XV, рис. 6), или два медвѣдя на памятникахъ XVII вѣка, напр. на серебреномъ тронѣ, на тарелкѣ Царя Алексѣя Михайловича (таб. XV, рис. 3. 7). Не это ли *знамя* разумѣлось въ крѣпостной Новгородской книгѣ XVI вѣка, въ которой при запискѣ акта съ означеніемъ его содержанія и формы, упоминается: «у полные печать, писано въ кругу тамга Великаго Новагорода»? А что *тамгою* означали изображеніе, видно изъ того, что въ другихъ мѣстахъ той же любопытной книги для отличія отмѣчено: «у полные печать писана въ кругу *съ писью*». Не разумѣлась-ли здѣсь печать съ надписью: «*печать Новгородская?*»

Дальнѣйшія измѣненія Новгородской печати будутъ изложены въ исторіи городскихъ гербовъ.

Рано также образовалась печать Псковская; на ней встрѣчаемъ геральдически вѣрное изображеніе барса съ расправленными когтями, высунутымъ языкомъ и поднятымъ хвостомъ, бѣгущаго вправо, а вокругъ надпись: *печать господарьства Псковскаго* (таб. XIV, рис. 2). Источникъ, откуда заимствована эта геральдическая фигура, должно искать въ сношеніяхъ Пскова съ городами Западной Европы, съ Ганзою. Къ дошедшимъ до нашего времени серебренымъ Псковскимъ печатямъ придѣланы проушины, изъ чего можно заключить, что онѣ носились Псковскими посадниками на шеѣ и можетъ быть служили знакомъ ихъ достоинства. При покореніи Пскова Великимъ Княземъ Василіемъ Іоанновичемъ въ 1510 г., онѣ взяты были въ Москву и нынѣ хранятся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (¹).

(¹) Предисловіе покойнаго Малиновскаго ко 2-му Тому Собр. Гос. Грам. и Дог., стр. V. VI

А что барсъ дѣйствительно былъ знаменемъ, печатью Псковскою, тому лучшимъ доказательствомъ (кромѣ приведенной надписи) служитъ денежный штемпель на древнихъ Псковскихъ монетахъ: съ одной стороны человѣкъ впрямь, въ коронѣ (по мнѣнію Г. Рейхеля Епископской), держитъ въ правой рукѣ обнаженный мечъ (изображеніе крайне безобразно и выбито въ подражаніе монетамъ, которыя въ Дерптѣ чеканилъ Епископъ и которыя могли быть въ обращеніи между Псковитянами по сосѣдству съ Дерптомъ). На оборотѣ Псковскихъ денегъ представлено четвероногое со всѣми аттрибутами барса, видимаго на печати, но обращенное влѣво, какъ и на серебреномъ престолѣ (таб. XV, рис. 10), вокругъ надпись: *денга Псковская* (¹).

Отъ начала XV столѣтія (1414 года) сохранилась Полоцкая печать съ надписью: *печать Полоцькая и Святоіе Софьи* (²).

У другихъ городовъ, также старыхъ, печати, если только не состояли изъ надписей, должны были имѣть постоянныя изображенія, и что преданіе о нихъ существовало, видно изъ того даже, что при составленіи городамъ гербовъ многіе изъ нихъ называются *старыми;* а что мы ихъ не знаемъ, это могло произойти оттого, что городская печать замѣнялась первоначально печатью того Князя, который владѣлъ, въ послѣдствіи, личною печатью чиновника, областью управлявшаго. Любопытное въ этомъ отношеніи извѣстіе сохранилось въ Дворцовыхъ Разрядахъ 1626 года о томъ, какія дѣла въ Новгородѣ какою печатать печатью. Новгородскій вое-

---

(¹) *Чертковъ*, стр. 151. *Reichel* S. 358.

(²) Собр. Госуд. Грам. и Дог. Т. II, стр. 17.

вода Князь Одоевскій писалъ Царю Михаилу Өедоровичу, что до него Князь Ромодановскій, бывшій на Новгородскомъ воеводствѣ, кромѣ Новгородской печати, употреблялъ свою собственную, которую и взялъ съ собою, и этою печатью онъ печаталъ грамоты о великихъ пограничныхъ дѣлахъ, въ Шведскіе города къ горододержавцамъ и для купцевъ проѣзжія, а прочія бумаги печаталъ печатью Новгородскою, и что такъ поступали и прежніе Новгородскіе воеводы, которые, уѣзжая, увозили съ собою свои печати, какъ лично имъ принадлежавшія. Новгородская же печать употреблялась «до Новгородскаго разоренья и послѣ него» въ отпискахъ къ Государю о разныхъ дѣлахъ, наказныхъ памятахъ, въ приговорахъ по дѣламъ помѣстнымъ и суднымъ (т. е. по теперешнему выраженію вотчиннымъ и исковымъ) и *во всякихъ Государевыхъ дѣлахъ*. Не зная, чего держаться и какъ поступать на будущее время, Князь Одоевскій представлялъ объ этомъ Царю Михаилу Өедоровичу, который хотя разрѣшилъ поступать впредь, «примѣряясь къ прежнему, какъ было до сихъ мѣстъ», велѣлъ однако розыскать, давно ли воеводы печатаютъ бумаги своими печатями, «и по Государеву ли указу или собою то дѣлали или изстари такъ повелося» (¹). Отписку по этому предмету велѣно было отдать въ посольскомъ приказѣ, въ дѣлахъ котораго и должно искать отвѣта на этотъ важный вопросъ.

Города новые, выстроенные въ XVI и XVII столѣтіяхъ, равно какъ покоренные оружіемъ Русскимъ, по-

---

(¹) Дворцовые Разряды, по Высочайшему повелѣнію изданные II-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи. Т. I. С.-Пб. 1850, стр. 812—814.

лучили уже печати отъ Правительства Русскаго, напр. Астрахань, Казань, города Сибирскіе и съ этихъ-то печатей изображенія перешли въ областные и городскіе гербы или безъ измѣненій или съ небольшими перемѣнами, которыхъ требовала, быть можетъ, геральдика ([1]). Мы представляемъ двѣ печати, съ грамотъ XVI и XVII вѣковъ: изъ нихъ одна Царства Астраханскаго (такова надпись вокругъ) съ эмблеммою, перешедшею въ XVIII столѣтіи въ гербъ города: Астраханская Царская корона, а подъ нею обнаженный мечъ (табл. XIV, рис. 6), а другая представляетъ двухъ соболей, стоящихъ на заднихъ лапахъ, а въ переднихъ держащихъ щитъ съ надписью: «*Царства Сибирскаго*» (табл. XIV, рис. 3.).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

§ 49.

3) Печати духовенства.

По введеніи въ отечествѣ нашемъ Христіанства, первыми у насъ учителями, распространителями Православія, первыми помощниками В. Князей на этомъ поприщѣ были духовныя лица Греческаго происхожденія. Съ другой стороны значеніе у насъ духовенства по высокой степени образованности, которою оно такъ рѣзко отличалось отъ другихъ состояній, наконецъ довѣріе къ нему В. Князей, видѣвшихъ въ духовенствѣ лучшихъ себѣ помощниковъ къ распространенію въ народѣ про-

---

([1]) Акты Историч. Т. IV. № 104, 209. Т. V, № 259.

свѣщенія: все это условливало участіе духовенства нашего, особенно высшаго, въ совершеніи разнаго рода актовъ, договоровъ, трактатовъ. Подпись Митрополита Московскаго (не рѣдко на Греческомъ Языкѣ) скрѣпляетъ не одинъ государственный документъ даже XIV и XV столѣтій, какъ это уже было показано въ исторіи печатей Княжескихъ. Но по обычаю того времени, подписи было недостаточно: оттого печати духовныхъ лицъ встрѣчаются часто и сохранились въ большомъ количествѣ.

Штемпель на печатяхъ духовныхъ лицъ, не смотря на все ихъ разнообразіе и ничтожныя, по большей части несущественныя, видоизмѣненія, слѣдовалъ извѣстнымъ, разъ принятымъ началамъ и сообразовался съ саномъ и достоинствомъ лица, печать употреблявшаго, такъ что для этого рода печатей раньше другихъ образовались твердыя и неизмѣнныя правила. Не можетъ быть сомнѣнія, что духовенство наше обязано и идеею ихъ и изображеніемъ Византіи. Отсюда первыя лица духовенства Русскаго вывезли свои печати, съ которыхъ изображеніе преемственно переходило съ мѣстомъ и саномъ. О такомъ происхожденіи печатей изъ Византіи свидѣтельствуютъ лики Божіей Матери и Спасителя, сдѣланные правильно, изящно и совершенно сообразно Византійскому иконописному пошибу. Время не пощадило или до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, не открыто печатей съ Греческими надписями званія и имени духовнаго лица, и потому трудно поддержать догадку о существованіи такихъ печатей; но она вытекаетъ сама собою изъ строгаго соотвѣтствія между подписью лица и означеніемъ имени на его печати. Въ послѣдствіи, можетъ быть, откроются подобные экземпляры. Изъ сравненія же тѣхъ, которые

имѣемъ въ настоящее время, оказывается, что какъ существеннымъ въ древнихъ печатяхъ Княжескихъ было изображеніе Святаго, котораго имя носилъ Князь, и надпись, чья печать, такъ и духовенство считало необходимымъ изображать на печатяхъ своихъ съ одной стороны образъ Божіей Матери и Предвѣчнаго Младенца, или крестъ, или образъ инаго Святаго, а съ другой означать, кому печать та принадлежитъ, и притомъ означать это или буквами въ строку, или изобразивъ руку, надписать чья она. Послѣдующее исчисленіе покажетъ, какіе правило это принимало оттѣнки въ примѣненіи къ духовнымъ лицамъ разныхъ сановъ. Повторяемъ, что обычай присвоилъ каждому изъ нихъ аттрибуты, которые въ послѣдствіи утверждены за нимъ положительнымъ законодательствомъ; а потому привычный глазъ и безъ надписи узнаетъ, принадлежитъ ли печать Архіепископу, Митрополиту, Епископу или Священнику.

Въ исчисленіи печатей лицъ духовнаго званія, слѣдуя порядку хронологическому, мы начнемъ съ Великаго Новагорода, гдѣ значеніе владыки было совершенно исключительное и иное, чѣмъ въ другихъ областяхъ Россіи.

На древнихъ Новгородскихъ грамотахъ и на договорахъ Новгорода съ разными Князьями встрѣчаются слѣдующія свинцовыя печати Архіепископа Новгородскаго, а именно на грамотахъ 1305 и 1308 г. Архіепископа Ѳеоктиста: ликъ Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на персяхъ, съ боковъ надпись: М҃р.Ѳ҃Ѵ. (Матерь Божья), а на оборотѣ: *Фектистъ Архіепископъ Новгородскій* (табл. VIII, рис. 1.). [1] Такое же изображеніе, отличающееся впро-

[1] Собр. Гос. Гр. и Дог. I, стр. 7, 12, 15.

чемъ красотою отдѣлки, было у Архіепископа Новгородскаго Давида ([1]) (имя это означено на оборотѣ печати); но нѣтъ титлъ: МР. ОУ, которыя опять являются на печати Архіепископа Алексѣя ([2]). Позднѣе, а именно въ XVI в. у Новгородскаго Архіепископа въ печати видимъ благословляющую руку, съ лѣва, съ права и сверху ея по вѣткѣ ([3]), а вокругъ надпись; но что прежнее обычное изображеніе не было вовсе оставлено, тому служитъ доказательствомъ печать Архіепископа Новгородскаго Александра, приложенная къ приговорной грамотѣ всего духовенства о монастырскихъ вотчинахъ 1580 г.: на печати этой видимъ съ одной стороны Матерь Божію съ Предвѣчнымъ Младенцемъ и обычными надписями, а съ другой три деревца, въ видѣ виноградныхъ лозъ и вокругъ надпись: *Александръ Великаго Новаго* (рода) *Архіепископъ* ([4]). — Считаемъ также не лишнимъ отмѣтить при этомъ печать одного изъ Архіепископовъ Новгородскихъ Евфимія (ихъ было три отъ 1423 по 1451) ([5]), сохранившуюся на жалованной грамотѣ, данной, по его благословенію, посадниками Новгородскими Сергіевскому Монастырю *въ Маковцѣ* на разныя преимущества. первая по порядку съ лѣваго края печать, безъ сомнѣнія владыки Новгородскаго, хотя противъ обыкновенія, на ней нѣтъ надписи съ его именемъ. На печати этой изображенъ съ одной стороны восьмиконечный крестъ, у подножія его эмблемма побѣды, одержанной надъ смертью—мертвая голова, съ правой стороны кре-

---

([1]) Тамъ же, стр. 16.

([2]) Тамъ же, стр. 22.

([3]) Тамъ же, стр. 507, 596.

([4]) Тамъ же, стр. 586.

([5]) Исторія Росс. Іерархіи, Т. I, стр. 75.

ста копье, съ лѣвой дерево, а по бокамъ надпись: Іс. Хр. Ні-ка. На оборотѣ образъ Божіей Матери въ фелони, стоящей съ подъятыми руками и Младенецъ у ея сердца. Надписи: Мр. Өѵ. Іс. Хс. (табл. XIII, рис. 1).

Изображеніе Матери Божіей перешло и на печать Митрополитовъ Московскихъ; такъ на серебряной позолоченной печати Алексѣя Митрополита, привѣшенной въ духовной грамотѣ В. К. Дмитрія Іоанновича 1371 г., изображенъ съ одной стороны ликъ Богородицы, а съ другой стороны видна надпись: *Божіею* (пропущено: милостью) *печать Алексѣя Митрополита всея Русіи* (1). Внѣшняя форма этѣхъ печатей, пошибъ изображенія и почеркъ надписи совершенно тотъ же, какой видимъ на печати Велико-Княжеской: нельзя сомнѣваться въ томъ, что они принадлежатъ одному рѣзцу. Вообще на духовныхъ грамотахъ Великихъ и удѣльныхъ Князей Русскихъ должно искать печатей высшаго нашего духовенства, потому что завѣщанія всегда писались при духовномъ отцѣ, обыкновенно за его подписью, разбирались по законамъ духовнымъ, а не свѣтскимъ, и слѣд. для большей крѣпости утверждались подписью и печатью духовнаго лица, бывшаго при составленіи этого документа. Самое названіе его—духовная—показываетъ, какое вліяніе имѣло на составленіе его духовенство. Сообразно такому началу къ завѣщанію Великой Княгини Софіи, вдовствовавшей супруги Великаго Князя Василія Дмитріевича, привѣшена восковая печать: съ одной стороны то же изображеніе Божіей Матери, а съ другой надпись: *Божіею милостью смиренный Іона Митрополитъ всея Руси* (2). Далѣе къ духовнымъ грамотамъ В. К. Ва-

(1) Собр. Гос. Гр. и Дог. I, стр. 51

(2) Тамъ же, стр. 194.

силія Васильевича, писаннымъ около 1462 г., также привѣшена печать Митрополита, съ изображеніемъ, которое разнится отъ описанныхъ тѣмъ, что Божія Матерь представлена не въ поясномъ изображеніи и не съ Младенцемъ на персяхъ, а сидящею на престолѣ, и держащею І. Х. на рукахъ, съ боковъ надпись: М҃р. І҃с. Х҃с. Ѳ҃ѵ., а на оборотѣ: *Милостью Божьею смиренный Ѳеодосій Митрополитъ всея Руси* (¹). (табл. VIII, рис. 3). Точно такою же печатью съ перемѣною разумѣется имени: *смиренный Геронтій Митрополитъ всея Руси*—укрѣплена духовная 1486 г. Князя Михаила Андреевича Верейскаго (²). Эмблемма, разъ усвоенная этого рода печатямъ, осталась и на печати Митрополитовъ Симеона, Макарія (³) и др.

Означенное изображеніе было кореннымъ и основнымъ: отъ него по правилу не отступали ни Митрополиты, ни другіе Архіепископы; тѣмъ не менѣе съ XVI вѣка благословляющая рука становится эмблеммою, часто встрѣчающеюся на печатяхъ лицъ духовнаго званія. Первая извѣстная намъ печать съ этимъ типомъ принадлежитъ Митрополиту Даніилу (⁴). На одной ея сторонѣ кисть руки и персты сложены такъ, какъ слагаются для благословенія, а вокругъ надпись: *рука митрополита Даніила всея Русіи*, а на оборотѣ: *Божьею милостью смиренный Даніилъ митрополитъ всея Русіи* (табл. VIII, рис. 5). Тѣмъ не менѣе прежнее изображеніе Пресвятой Дѣвы Маріи встрѣчается на печатяхъ и позднѣе (⁵). Наконецъ оба

(¹) Тамъ же, стр. 473.
(²) Тамъ же, стр. 206, 208.
(³) Тамъ же, стр. 302.
(⁴) Тамъ же, стр. 333, 404, 473 и др.
(⁵) Тамъ же, стр. 415, 417, 422.

эти типа иногда соединялись; а именно къ записи Боярина Ивана Петровича Яковлева, данной въ 1565 г. за поручительствомъ Московскаго Митрополита Аѳанасія Царю Іоанну Васильевичу о вѣрной службѣ, привѣшена печать, на одной сторонѣ которой изображена Богородица съ Предвѣчнымъ Младенцемъ и обычными надписями, а на оборотной, въ срединѣ—благословляющая рука, осѣненная вѣтвями, а вокругъ ея надпись: *Божіею милостью смиренный Аѳонасій Митрополитъ всея Руси* (¹).

Приговорная грамота всего духовнаго чина 1584 года о монастырскихъ вотчинахъ была утверждена одиннадцатью печатями, изъ которыхъ Царская, Митрополичья и двѣ архіепископскихъ изъ краснаго воска на красныхъ же шелковыхъ снуркахъ, а семь остальныхъ изъ чернаго воска на черныхъ шелковыхъ снуркахъ; но изъ печатей этихъ сохранилось только девять. Изъ нихъ, стоящая рядомъ съ Царскою, митрополичья, носитъ изображеніе Божіей Матери, ликъ которой видимъ и на четырехъ епископскихъ печатяхъ, а изображеніе руки—на одной епископской и двухъ архіепископскихъ (²). Рѣдко и въ видѣ изъятія встрѣчаются на архіепископскихъ печатяхъ вмѣсто образа Божіей Матери образа другихъ Святыхъ, можетъ быть по имени владѣльца печати; такъ изъ 10 печатей духовныхъ лицъ, привѣшенныхъ къ грамотѣ о восшествіи на престолъ Царя Михаила Ѳеодоровича одна (неизвѣстно чья, ибо надпись стерлась) кромѣ руки, носитъ изображеніе Св. Архистратига Михаила (³).

(¹) Собр. Гос. Гр. I, 636.

(²) Тамъ же, стр. 596. 536.

(³) Тамъ же, стр. 596. Ср. стр. 586, 636. Т. II. стр. 101 Прод. древн. Росс Вивл. Т. VII, стр. 134. 158.

Подобныя изъятія впрочемъ нисколько не нарушали общаго правила, утвержденнаго обычаемъ, а въ послѣдствіи и закономъ; а именно: въ 1564 году Царь Іоаннъ Васильевичъ постановилъ, чтобы по примѣру прежнихъ вѣковъ Митрополиты и Архіепископы печатали свои грамоты на красномъ воску, на печати же имѣть имъ изображеніе съ одной стороны: ликъ Богоматери съ Младенцемъ, а съ другой руку *благословенную* съ именемъ Митрополита (¹).

Патріаршая печать почти всегда была краснаго воска на шнурахъ, двухсторонняя, величиною въ рубль серебромъ и даже болѣе, съ изображеніемъ на одной сторонѣ Богоматери, а на другой благословляющей руки съ подписью вокругъ: *Божіею милостію Святѣйшій Патріархъ Царствующаго Града Москвы и всея Русіи* (²). У Патріарха Никона изображеніе на печати осталось тоже, но надпись вокругъ благословляющей руки пространнѣе: *Божіею милостью Архіепископъ Царствующаго Града Москвы и всея Великія, Малыя и Бѣлыя Росіи Патріархъ Никонъ* (³). (табл. VIII, рис. 7). Но кромѣ этой большой печати у Патріарховъ была и малая, односторонная, съ благословляющею только рукою и надписью вокругъ: *Божіею милостью Великій Патріархъ Московскій и всея Русіи.* Извѣстно, что подобная печать была у Патріарха Филарета, родителя Царя Михаила Ѳедоровича.

Высшія степени духовной Іерархіи нашей были доступны и лицамъ не Русскаго происхожденія: образо-

---

(¹) *Карамзина* И. Г. Р. IX, стр. 20 и прим. 94.

(²) Труды Общ. Исторіи и древн. Россійскихъ Т. III, стр. 56, 57. Собр. Гос. Гр. и дог. II, стр. 101.

(³) Архимандрита Аполлоса. Начертаніе житія и дѣяній Никона. М. 1846 г. въ прилож.

ванность и заслуги всегда открывали у насъ всякому путь къ высшимъ почестямъ и достоинствамъ. Если лица эти происходили изъ такой фамиліи, которая имѣла право на гербъ, то они сохраняли его, и только для показанія своего званія прибавляли къ родовой эмблеммѣ извѣстные аттрибуты. Для примѣра мы укажемъ на гербъ Митрополита Кіевскаго Петра Могилы. Отецъ его былъ Княземъ Волошскимъ, а самъ Митрополитъ родился въ Молдавіи около 1597 г. Первая его молодость была посвящена военной службѣ, потомъ онъ, слѣдуя влеченію своему къ монастырской жизни, постригся въ Кіево-Печерской Лаврѣ и наконецъ въ 1633 году былъ посвященъ въ Митрополиты Кіевскіе ([1]). Портретъ его, вѣроятно современный самому Митрополиту, сохранился въ Голосіевской пустынѣ, отстоящей отъ Кіева въ четырехъ верстахъ и приписанной къ Кіево-Печерской Лаврѣ ([2]). На портретѣ этомъ ([3]) изображенъ гербъ рода Могилъ, составленный совершенно правильно изъ слѣдующихъ эмблеммъ: щитъ разбитъ на два, и разсѣченъ на три, такъ притомъ, что средній столбъ не доходитъ до верхняго края герба. Щитъ весь цвѣта краснаго, кромѣ средней полосы, золотой. Въ первой четверти видимъ обыкновенный аттрибутъ гербовъ фамилій Молдавскаго происхожденія—воловью голову съ кольцомъ во рту, надъ головою между рогами звѣзда, а повыше ея корона; во второй четверти двѣ на крестъ положенныя стрѣлы, а между ними копье, въ третьей бѣлая птица, летящая

---

[1]) Митрополита Евгенія, Словарь писателей духовнаго чина. Изд. 2, Т. 2, стр. 156, 157.

[2]) Ист. Росс. Іерархіи, Т. III, стр. 735.

([3]) Портретомъ мы обязаны извѣстному художнику-археологу Ѳ.Г. Солнцеву, снявшему изображеніе это на мѣстѣ.

влѣво, несетъ въ носикѣ крестъ, а надъ нею корона, и наконецъ въ четвертой Польская геральдическая фигура г. н. *novina*, или же чаша, въ которую поставленъ мечъ. Средняя полоса разбита также на двѣ части, изъ которыхъ въ верхнеѣй скрещены двѣ сабли, а въ нижнеѣй между двумя лунами, обращенными въ противуположныя стороны, крестъ. Щитъ увѣнчанъ Архіепископскою золотою митрою, съ правой стороны ея виденъ крестъ, а съ лѣвой святительскій жезлъ; по бокамъ же щита слѣдующія буквы: П. М. А. М. К. Г. Е. К. А. П., означающія: Петра Могилы Архіепископа Митрополита Кіевскаго, Галицкаго, Екзарха Константинопольскаго, Архимандрита Печерскаго печать (табл. IX, рис. 1). Для сравненія считаемъ не лишнимъ указать на другое также современное самому Петру Могилѣ изображеніе его герба ([1]), замѣчательное потому, что его внѣшняя форма еще болѣе носитъ признаковъ Молдавскаго происхожденія рода Могилъ (Молдавскою шапкою коронованъ гербъ), что внѣшніе аттрибуты могли съ этого рисунка перейти въ гербъ Патріарха Никона, и наконецъ потому, что есть нѣкоторое различіе въ раздѣленіи щита и въ эмблеммахъ; а именно: щитъ разбитъ на два, и разсѣченъ на три, въ первомъ полѣ въ кольцѣ у вола изображены двѣ скрещенныя шпаги, а по бокамъ воловьей головы представлены съ права солнце, съ лѣва—луна; въ третьемъ полѣ вмѣсто стрѣлъ копья, и въ четвертомъ—надъ птицею, несущею въ клювѣ крестъ, нѣтъ короны. Прочія эмблеммы и буквы, щитъ окружающія, сходны съ предъидущимъ (табл. IX, рис. 2).

([1]) Гербъ этотъ напечатанъ на Львовскомъ Апостолѣ, выпущенномъ въ 1639 г. изъ типографіи Михаила Сліоски.

Слѣдуя тому же началу, и Св. Дмитрій Ростовскій, происходившій изъ благородной Малороссійской фамиліи Туптало ([1]), наслѣдовалъ отъ предковъ своихъ родовой гербъ—треугольникъ въ красномъ полѣ, и прибавилъ къ нему Святительскія утвари ([2]).

По происхожденію своему Патріархъ Никонъ не имѣлъ права на гербъ; тѣмъ не менѣе онъ, какъ бы не довольствуясь измѣненіемъ надписи на обычной Патріаршей печати, сочинилъ себѣ гербъ. Возможность такого явленія становится совершенно понятною, когда вспомнимъ гербъ Петра Могилы, который могъ быть первообразомъ для герба Патріарха Никона и что именно въ царствованіе Алексѣя Михайловича родилась у насъ мысль о гербахъ. Въ это время сложился окончательно Государственный нашъ гербъ и упоминаются первые герольды въ Россіи.

Съ другой стороны сравненіе Патріаршаго герба съ гербомъ Папскимъ не оставляетъ сомнѣнія, что второй имѣлъ вліяніе на составленіе перваго (табл. X, рис. 7, 8.), Царская же корона украшаетъ гербъ этотъ, можетъ быть, случайно, а можетъ быть соотвѣтствуетъ титулу, который былъ усвоенъ Никону: *Божіею милостью Великій Государь и пр.*—Буквы по бокамъ щита, расположеніе, даже очертаніе ихъ напоминаютъ собою тѣ, которыя видимъ на портретахъ Царя Алексѣя Михайловича и другихъ современныхъ Никону гербахъ, напр. Богдана Хмѣльницкаго ([3]); слѣд. повторяемъ, всѣ эти

([1]) Словарь Митрополита Евгенія I, 116. Словарь достопамятныхъ людей Русской земли, соч. *Бантышъ-Каменскаго* Спб. 1847. Т. I, стр. 522.

([2]) *Тромонина* достопамятности Москвы стр. 33.

([3]) Гербъ этотъ сохранился на портретѣ Богдана Хмѣльницкаго и состоитъ изъ изображенія казака, имѣющаго на плечѣ ружье. Надъ щитомъ

аттрибуты говорятъ противъ мнѣнія тѣхъ, которые утверждаютъ, что будто гербъ этотъ несвоевременъ и не могъ принадлежать тому лицу, которому онъ приписывается. Пока не будутъ найдены доводы болѣе убѣдительные, мы признаемъ гербъ этотъ за подлинный и предлагаемъ его описаніе (табл. X, рис. 8).

Щитъ серебряный, раздѣленный на 4 части: въ верхнихъ изображены евангеліе и благословляющая рука, а въ нижнихъ—ключъ (въ подражаніе гербу Папскому) и пятисвѣщникъ. Надъщитомъ корона, усаженная драгоцѣнными камнями. Ее вѣнчаетъ крестъ, а съ нея на цѣпи спускается къ щиту образъ Спасителя (у Петра Могилы въ этомъ же положеніи видимъ крестъ). Корону на шнурахъ, обвивающихся вокругъ креста и архипастырскаго жезла (точно такъ, какъ у Могилы), на крестъ лежащихъ, поддерживаютъ два ангела. Въ рукахъ у нихъ по щитку съ надписями: Патріархъ и Никонъ. Наметъ, голубой съ серебромъ. Въ девизѣ заключается объясненіе составныхъ частей герба:

«Егда печать сію вѣрніи смотряемъ, Велика пастыря всемъ уподобляемъ. Десницу, свѣтильникъ, ключь, Евангеліе, образъ Спасовъ крестъ, жезлъ, вѣнецъ, началіе». По сторонамъ щита помѣщены начальныя буквы титула Патріарха: а именно Н. М. Б. В. Г. С. А. М. В. В. М. Б. Р. П; т. е. Никонъ милостью Божiею Великій Государь Святѣйшій Архіепископъ Москвы всея Великія Малыя Бѣлыя Россіи Патріархъ».

Составитель жизнеописанія Патріарха Никона, Архи-

возвышается три древка отъ знаменъ, а вокругъ буквы: Б. Х. В. Е. Ц. В. З. Г., т. е. Богданъ Хмѣльницкій войска Его Царства Величества Запорожскаго Гетманъ.—Чтенія въ Московс. Общ. исторіи и древн. Россійскихъ. Засѣд. 26 Апр. 1847 г. № 9. Приложеніе.

мандритъ Аполлосъ ([1]) заимствовалъ описанный гербъ изъ книги: Рай мысленный, 1659 г., хранящейся въ Иверскомъ Валдайскомъ Монастырѣ. Одна цифра, когда написана означенная книга, сохранившая намъ этотъ драгоцѣнный памятникъ, опровергаетъ мнѣніе тѣхъ, которые не вѣрятъ въ подлинность его: въ это время Никонъ достигъ высшаго предѣла силы и значенія. Во всякомъ случаѣ любопытно бы знать, кто составилъ этотъ гербъ, когда, на основаніи какихъ данныхъ и наконецъ употреблялъ ли его самъ Патріархъ. Свѣдѣнія эти могли бы во многомъ уяснить исторію нашихъ гербовъ.

Печатей лицъ духовнаго званія степеней низшихъ осталось немного. На нихъ изображалась благословляющая рука съ надписью—чья она. А если духовное лице занимало какую нибудь особенную должность, то на печати помѣщалась и ея эмблемма: такъ на печати ключаря былъ изображаемъ ключъ ([2]); или помѣщалась надпись, свидѣтельствовавшая о занимаемой должности, напр. у Келаря Троицкой Лавры—*печать Келарьская Сергіев(скаго мо) настыря* (табл. VIII, рис. 2), *печать старца Варлама Воронникова* (табл. VIII, рис. 6). и т. п. Такими печатями утверждались разныя отписки; но кромѣ того употреблялись духовенствомъ печати, которыя были назначены для извѣстной именно цѣли; такъ напр. сохранилась печать, которая замѣняла нынѣшнія исповѣдныя свидѣтельства, даваемыя въ одномъ приходѣ для допущенія къ причащенію Св.Таинъ; въ другомъ, въ Караба-

---

([1]) Жизнеописаніе Никона стр. 190. Ср. *Тромонина* Достопримѣчательности Москвы.

([2]) Временникъ Московскаго общества Исторіи и древн. Росс. Т. III Смѣсь. стр. 3

новскомъ собраніи, есть серебряная, круглая печать съ ушкомъ, съ одной ея стороны изображенъ ключъ съ надписью вокругъ: *печать попа Даніила Анисимова*, а съ другой стороны: *пожаловать причастить святыхъ Христовыхъ тайнъ* (1). Подобно тому была въ Успенскомъ Соборѣ въ Москвѣ особая печать для вѣнечныхъ памятей съ надписью вокругъ: *сія . . . . Пресвятыя*, а въ срединѣ *Богородицы* (табл. VIII, рис. 4) (2).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

§ 50.

4) Печати должностныхъ лицъ и приказовъ.

Въ разныхъ случаяхъ государственной дѣятельности должностныя лица обязаны были утверждать грамоты и всякія иныя отписки своею печатью, и знамени этому придавали значеніе, ему вѣрили. Въ слѣдствіе того подобныя печати должны были носить неопровержимые признаки принадлежности ихъ извѣстному лицу, и сообразно общимъ началамъ нашей древней сфрагистики печати должностныхъ лицъ были или съ изображеніемъ и надписью или только съ одною надписью. Изображеніе иногда соотвѣтствовало занятію лица и его обязанностямъ, нерѣдко представляло образъ того Святаго, по

---

(1) *Филимонова* Описаніе памятниковъ древности Церковнаго и Гражд. быта Русскаго Музея Коробанова, табл. XXXIX и XL, р. п. II.

(2) Буквы С и З, на печати сохранившіяся, не означаютъ ли годъ: 7206, т. е. 1698?

имени котораго назывался чиновникъ, или же въ самой надписи заключалось наименованіе должности и того, кто облеченъ властью. Характеръ печатей этого рода по большей части оффиціальный, строгій и отвлеченный отъ частной жизни человѣка. Въ слѣдствіе того они отличаются тѣмъ однообразіемъ, которое рѣдко въ другихъ видахъ печатей.

Въ Москвѣ большое развитіе выпало на долю Велико-Княжескихъ печатей—явленіе, совершенно понятное при томъ значеніи, которое постоянно и неизмѣнно имѣлъ Государь Московскій; совершенно иное встрѣчаемъ въ Новгородѣ, гдѣ отъ имени его договаривались и давали льготы посадники, тысячскія и т. п. лица. Такъ какъ печати эти были всегда свинцовыя, то ихъ сохранилось довольно много и изъ сравненія ихъ оказывается, что договоры града Св. Софіи съ Москвою, Тверью и другими городами утверждали своими печатями—тысячкіе, посадники, а дарованіе какихъ нибудь правъ и преимуществъ по торговлѣ, управленію, владѣнію землею и т. п., кромѣ означенныхъ лицъ и владыки, предоставлялось отъ имени всего Новгорода и утверждалось почти всегда печатями представителей отъ пяти концевъ Новгородскихъ. Какое значеніе придавали въ Новгородѣ печатямъ должностныхъ лицъ, замѣнявшимъ подпись, видно изъ того, что о приложеніи ихъ подробно означалось въ самомъ актѣ. Для примѣра указываемъ на грамоту, данную Новгородомъ Соловецкому Монастырю въ XV в. Она оканчивается слѣдующими удостовѣреніями: «къ сей грамотѣ приложилъ господинъ Преосвященный Архіепископъ Великаго Новаграда и Пскова владыка Іона свою печать; Степенный Иванъ Лукиничь и тысяцкій степенный Трифонъ Юрьевичь приложили свои печати. Повелѣніемъ всего госпо-

дина Государя Великаго Новагорода изо всѣхъ пяти концевъ приложиша по печати» (¹). И дѣйствительно, печати эти привѣшены, на нѣкоторыхъ грамотахъ сохранились и будутъ приведены ниже. Слѣдуя же хронологическому порядку, мы должны начать съ заключеннаго Новгородомъ съ В. Княземъ Тверскимъ Михаиломъ Ярославичемъ въ 1317 г. договора: на немъ сохранились печати Новгородскія, отличающіяся слѣдующими надписями и изображеніями: 1) На одной сторонѣ надпись — *Новгорочкая печать,* на оборотѣ — *и посаднича:* 2) *Печать Матьфѣя Фалелеевича,—тысячкого Новгорочкого;* 3) *Печать Сильвестрова* съ изображеніемъ вѣроятно Св. Сильвестра; 4) *Филипа тысячького* печать съ изображеніемъ Святаго, подлѣ котораго надпись-*Филипъ;* 5) *Яковля печать, посадника Новгорочкого,* также съ изображеніемъ Святаго на конѣ и со знаменемъ въ рукахъ; (можетъ быть Св. Георгія) (²); 6) *печать Ондрѣянова посадника Новгород.,* на оборотѣ также изображенъ Святой въ вѣнцѣ, облаченіи и съ Евангеліемъ; 7) *Юрьева печать Ивановича - посадника Новгорочкаго;* 8), *печать Олненіева—(т. е. Ананьева) тысячкого Новгорочкого;* 9) *печать Іевана Іеремиича,* на оборотѣ изображеніе воина со щитомъ и копьемъ; 10) *Семенова печать Онъдрѣивича* и 11) *Степанова печать*—на оборотѣ Святой со щитомъ (³).

Извѣстно, что въ управленіи Новгородомъ принимали участіе какъ посадники и тысячкіе *степенные,* такъ сказать правительственные, т. е. управлявшіе его дѣла-

---

(¹) Исторія Россійской Іерархіи Архимандрита Амвросія. М. 1810, часть 2 стр. 390, 391. Акты археогр. экспед. I, № 104.

(²) *Карамзинъ* V, прим. 36.

(³) Собр. Гос. Грам. и дог. Т. I. стр. 17.

ми, такъ и *старые*, бывшіе прежде посадниками и тысяцкими и вновь неизбранные, оттого число печатей этихъ лицъ такъ велико. Первыя двѣ печати съ лѣваго края принадлежатъ степеннымъ посаднику Михаилу и тысячскому Матвѣю Фалелѣевичу. Отъ этихъ двухъ лицъ, равно какъ «отъ бояръ, и отъ житыхъ людей и отъ чорныхъ людей и отъ всего Новгорода», какъ означено въ самой грамотѣ, «послаша Новъгородъ Юрья и Якима къ Князю къ Михайлѣ на Тверь и велѣлъ миръ имати на семъ».—Выборнымъ изъ означенныхъ въ трактатѣ сословій могли принадлежать оставленыя изъ описанныхъ тотчасъ печатей: послѣднее ихъ мѣсто служитъ тому подтвержденіемъ.

Большое число печатей доказываетъ важность акта, ими утвержденнаго, поэтому тогда какъ на означенномъ договорѣ съ Тверью о мирномъ постановленіи, объ уступкѣ земель и т. д. привѣшено одиннадцать печатей, свидѣтельствующихъ о твердости и ненарушимости этого документа; другой трактатъ Новгорода же съ В. Княземъ Тверскимъ Михаиломъ Александровичемъ отъ 1375 года объ обоюдномъ отпускѣ плѣнныхъ, утвержденъ двумя только печатями—архіепископскою и посадничьею съ надписью на одной сторонѣ: *Юрьева печать Ивановича*, а на другой *посадника Новгорочкаго* [1]. Чаще однако прилагались къ Новгородскимъ грамотамъ, кромѣ печати посадника, еще печать тысячскаго. Въ Румянцовскомъ Музеумѣ хранятся двѣ пергаментныхъ грамоты съ привѣшенными къ нимъ свинцовыми печатями. Одна изъ нихъ относится к концу XIII или началу XIV вѣка. Эта неопредѣленность времени написанія Новгородскихъ

---

[1] Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I, стр. 22.

грамотъ происходитъ отъ того, что въ нихъ безъ означенія года составленія акта, упоминается только о лицахъ, при которыхъ онъ утвержденъ. Зная въ какомъ году былъ посвященъ тотъ или другой владыка, когда избранъ и смѣненъ посадникъ, можно приблизительно, по крайней мѣрѣ, сдѣлать выводъ о вѣкѣ, къ которому документъ относится. Въ настоящемъ случаѣ грамота дана отъ В. Князя Андрея, отъ посадника Семена и отъ тысячскаго *Машка* (т. е. Матвѣя) (¹). Изъ Новгородскихъ же лѣтописей оказывается, что Великій Князь Андрей Александровичь прибылъ въ Новгородъ въ 1293 году при посадникѣ Семенѣ Климовичѣ, который былъ смѣненъ въ 1303 г., а въ слѣдующемъ году умеръ Великій Князь Андрей Александровичь (²); слѣд. грамота, о которой говоримъ, можетъ относиться къ пространству времени отъ 1293 по 1303 годъ и заключаетъ въ себѣ разрѣшеніе о проѣздѣ купцовъ Любскихъ и Рижскихъ чрезъ Новгородскія владѣнія. Изъ трехъ привѣшанныхъ къ этому акту печатей одна *тысяцкого*, что и означено на ней, а на оборотѣ образъ Святаго въ вѣнцѣ и съ правой стороны буквы М. Т. Ѳ., по которымъ можно заключить, что это образъ Св. Матѳѣя. Посадничья печать именная: на ней надписи съ одной стороны—*Сменова печать*, а съ другой—*Климовича*. Между ними третья печать, вѣроятно принадлежавшая Великому Князю, судя по изображеніямъ на ней: съ одной, стороны всадникъ на конѣ, а съ другой образъ Святаго. Мы ихъ перепечатываемъ у себя (на табл. XIII, рис. 9, 10, 11), чтобы

(¹) *Карамзина*, IV, прим. 221.

(²) Полнаго Собранія лѣтописей Т. III. Первая Новгородская лѣтопись, стр. 65, 68. *Карамзинъ*, IV, стр. 102 (по 5 изд.).

показать стиль, какимъ отличались отечественные художники отъ тѣхъ мастеровъ иностранныхъ, въ особенности Греческихъ, которымъ обязана своимъ существованіемъ большая часть печатей Московскихъ Великихъ Князей (1).

Другая изъ поименованныхъ грамотъ дана отъ архіепископа Новгородскаго Алексѣя, отъ посадника Юрья и тысячскаго Матфѣя о торговлѣ съ Любекомъ и съ Готскимъ берегомъ, и хотя на ней также не означено года, но судя по тому, что Алексѣй былъ посвященъ въ архіепископы въ 1360 и оставилъ епархіею въ 1387 г. (2), должно заключить, что она относится къ этому пространству времени (3). На свинцовыхъ печатяхъ, къ грамотѣ этой привѣшанныхъ, надписи на первой: *печать Матьфѣя Фалелѣевича*, съ другой стороны: *тысячкого Новгорочкого;* а на второй печати съ одной стороны—*Посадника Новгорочкого*, съ другой *Юрьева печать Иван(ов)нча* (4).

Для образца печатей, приложенныхъ отъ разныхъ концевъ Новгородскихъ, мы опишемъ грамоту, данную по благословенію Архіепископа Евфимія посадникамп Дмитріемъ Васильевичемъ, всѣми старыми посадниками и тысячскимъ Михаиломъ Андреевичемъ, равно какъ всѣми старыми тысячскими, боярами, житыми людьми, купцами и всѣмъ Господиномъ Великимъ Новымъ-городомъ на вѣчѣ, на Ярославовомъ дворѣ Сергіеву Мона-

(1) Вѣстникъ Европы; изд. *Каченовскимъ*, 1811 года часть LX стр. 201. Эмблемма средней печати такъ неясна, что при объясненіи печатей этихъ въ Вѣстникѣ Европы не знали, всадникъ ли это или плывущій корабль, при чемъ авторъ прибавляетъ предположеніе, не былъ ли корабль гербомъ Новгорода? Тамъ же, стр. 198.

(2) Исторія іерархіи Т. 1, стр. 74.

(3) Вѣстникъ Европы въ о. м., стр. 284, 285.

(4) Замѣчанія по поводу означенныхъ грамотъ напечатаны покойнымъ *Калайдовичемъ* въ LXI Т. Вѣстника Европы, стр. 204 и сл.

стырю въ Маковцѣ въ утвержденіе за нимъ разныхъ преимуществъ по уплатѣ повинностей и по торговлѣ. По времени, когда на архіепископскомъ престолѣ Новгородскомъ были Евфимій (отъ 1423 по 1458 г.), актъ этотъ должно отнести къ XV столѣтію. Вмѣсто подписей приложены слѣдующія свинцовыя двустороннія печати: 1) съ лѣваго края архіепископская, описанная выше (§ 49); 2) *Печать Дмитрія Васильевича*, съ одной стороны летящая въ лѣво птица и вокругъ означенная надпись, а на оборотѣ—*посадника Новгороцкого*, въ срединѣ же видимъ изображеніе, заимствованное вѣроятно съ запада: Государь въ коронѣ лѣвою рукою держитъ предъ собою щитъ, а правою онъ подвялъ мечь, вынутый изъ ноженъ, висящихъ у пояса; съ правой стороны этой фигуры кругъ, заключающій въ себѣ крестъ. (табл. XIII. рис. 2); 3) печать тысячскаго: съ одной стороны идущая въ лѣво птица съ головою, обращенною назадъ, вокругъ надпись: *печать тыс* (яцкого Новго) *роцкого*; на оборотѣ образъ Св. Михаила Архангела и вокругъ его надпись: *Михаила Оньдрѣевича* (табл. XIII. рис. 3); 4) *Печать Людина конца*, а на оборотѣ человѣкъ, держащій въ правой рукѣ копье, въ лѣвой щитъ, упирающійся въ землю (табл. XIII. рис. 4); 5) *печать Святого Николы*, а на оборотѣ: образъ Св. Николая, по бокамъ его надпись: *Нико.* (табл. XIII. рис. 5.). Какого конца эта печать не означено. 6) *Загородскаго конца:* съ одной стороны надпись *Святого Николы въ Загородьскомъ концѣ*, а съ другой образъ Св. Николая, вправо отъ него *Агіосъ*, а влѣво—*Никол.* (табл. XIII. рис. 6). 7) *Антоновскаго конца:* въ срединѣ шестиконечный крестъ, вокругъ надпись-*печать Онтоновская*, на оборотѣ ликъ Пресвятой Дѣвы, знаменующій, быть можетъ,

что въ этомъ концѣ былъ монастырь, во имя Успенія Божіей Матери [1], (табл. XIII рис. 7.) и 8.) *Словенскаго конца:* съ одной стороны крестъ, вокругъ надпись: *печать Славенскаго конча*, на оборотѣ Святой въ вѣнцѣ, и по сторонамъ надпись — *Павелъ исповѣдникъ* (табл. XIII, рис. 8).

Кромѣ того, что печати эти важны для археолога, они не меньшаго заслуживаютъ вниманія и со стороны изслѣдователя древностей Новгородскихъ. Споръ о его концахъ, о числѣ и мѣстоположеніи ихъ не конченъ, а здѣсь должно предположить, что актъ утвержденъ печатями отъ всѣхъ концовъ Новгородскихъ [2].

Печати низшихъ должностныхъ лицъ были, по большей части, именныя, съ означеніемъ, какое мѣсто занималъ ихъ владѣлецъ и какъ онъ назывался. Повторяемъ, что такая подробность была необходима при той важности, которая придавалась печати: она сообщала акту крѣпость и силу. Оттого въ крѣпостной книгѣ, при запискѣ въ ней разныхъ сдѣлокъ, при отмѣткѣ кѣмъ, кому и о чемъ выдавался актъ, прибавлялось напр: «а печать у кабалы, писано въ ней губново старосты Михѣево имя Млѣнецкаго.»

Въ другихъ областяхъ Русскихъ печати должностныхъ лицъ также или состояли изъ однихъ надписей, напр. *Стольника Князя Александра Михайловича Шаховскаго* [3]; или съ какимъ нибудь изображеніемъ и круговою надписью; напр. на одномъ перстнѣ представленъ

(1) *Красова* о мѣстоположеніи древняго Новгорода. 1851. Новгородъ. стр. 135.

(2) *Муравьева* Историческія изслѣдованія о древностяхъ Новгорода, Спб. 1828 стр. 25. *Красова* въ о. м. стр. 21 сл.

(3) *Филимонова* описаніе Карабановскаго Музеума табл. XXXIX рис. 9.

пѣтухъ, а вокругъ надпись: *П. добра человѣка* (1). Не можемъ однако не заявить при этомъ мысли, что изображеніе на печатяхъ должностныхъ лицъ могли имѣть соотношеніе съ ихъ обязанностями и занятіями, такъ напр. въ родѣ Головиныхъ сохранилась древняя печать, на которой вырѣзано избіеніе младенцевъ (2), а между тѣмъ на печати Головина-Ховрина, бывшаго казначеемъ при Великомъ Князѣ Василіи Ивановичѣ, на срединѣ ея представлены двѣ лошади, стоящія въ стойлѣ и вокругъ надпись: *Великаго Государя Казначея Петра Ивановича* (табл. XI. рис. 9.).—Не хотѣли ли выразить этимъ символомъ обязанность казначея управлять хозяйственною частью Государева двора?

§ 51.

Впрочемъ если подобное начало соотвѣтствія между обязанностью должностнаго лица и изображеніемъ на его печати нельзя считать за непреложное, то нѣтъ сомнѣнія, что оно находитъ себѣ примѣненіе въ большей части печатей приказовъ; такъ *земскій приказъ* существовавшій въ Москвѣ и другихъ главныхъ городахъ, завѣдывалъ полиціею, порядкомъ въ домахъ и одна изъ главныхъ обязанностей этого присутственнаго мѣста состояла *въ береженіи отъ огней*. На печати его видимъ передній фасадъ дома, а вокругъ надпись: *печать Великаго Государя земскаго приказу* (табл. XIV, рис. 1.). Печать *Московской большой таможни* имѣетъ приличную ей эмблемму—вѣсы (табл. XIV, рис. 10.), какъ позднѣйшая (1707 г.) таможенная печать-корабль, а по сторо-

(1) Сборникъ Князя М. А. Оболенскаго Кн. XI, стр. 49—51.

(2) *Казанскаго*. Село Новоспасское. Москва. 1848, стр. 54.

намъ буквы *т. п.* (таможеная печать) (табл. XIV, рис. 8).—*У питейнаго приказа* на печати была представлена бутылка.

Намъ извѣстны два исключенія изъ означеннаго правила; а именно на печати *приказа большаго Дворца* вырѣзанъ «инърогъ звѣрь» (табл. XIV. рис. 4.), по выраженію Котошихина ([1]); т. е. единорогъ. По сторонамъ этой эмблеммы надпись: *печать большаго дворца.* Далѣе у *Московскаго печатнаго двора* на печати было изображеніе льва и единорога: оба стоятъ на заднихъ лапахъ другъ къ другу лицемъ и подъ короною (табл. XIV. рисунокъ 9.). Эмблемма эта взята съ рисунка, бывшаго надъ входомъ въ старый печатный дворъ, рисунка, который виденъ теперь еще надъ воротами Синодальной типографіи ([2]). Дѣла приказовъ и присутственныхъ мѣстъ областныхъ печатались печатями мѣстными или личными, принадлежавшими воеводамъ, боярамъ, въ приказахъ сидѣвшимъ ([3]).

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

§ 52.

5) Печати частныхъ лицъ.

«Гдѣ рука, тамъ и голова», вотъ правило, котораго строго держалась наша древняя юридическая практика, и приложеніе руки считалось необходимымъ признакомъ выраженія воли и согласія лица на какую нибудь сдѣлку.

([1]) Котошихинъ, стр. 70.

([2]) Достопримѣчательности Москвы, стр. 36.

([3]) Дополненія къ Историческимъ Актамъ Т. II, стр. 23. А. Ист. Т. IV № 209. Т. V. № 259. Дворцов. Разр. I, стр. 813. 814.

Правило это буквально исполнялось въ древней Россіи, пока бóльшее и бóльшее распространеніе грамотности не дало полнаго значенія другой пословицѣ: «что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ.» Какъ на печатяхъ духовенства изображеніе руки съ означеніемъ, чья она, было существеннымъ, такъ и частныя лица считали актъ твердымъ, когда прилагали къ нему свою руку, т. е. намазавъ ее чернилами налагали на бумагу, на которой получался такимъ образомъ вѣрный ея оттискъ, или вмѣсто того рука обводилась чернилами. Такимъ образомъ видны были величина руки, ея складъ, покрой, и если съ теченіемъ времени необходимо было, въ случаѣ спора, сомнѣнія, повѣрить, есть ли это дѣйствительно рукоприкладство того лица, кому оно приписывалось, стоило только приложить руку къ ея изображенію, и истина открывалась сама собою. Не всегда конечно былъ этотъ способъ повѣрять рукоприкладство благонадеженъ, твердъ и удобенъ: малѣйшая перемѣна въ ростѣ, складѣ, сгибѣ руки давала поводъ къ сомнѣнію, та-ли изображена рука, за которую она выдавалась, тѣмъ болѣе, что точное очертаніе руки потребовало бы много времени и что малѣйшая въ томъ неточность или по злому умыслу или (что̀ могло встрѣчаться чаще) по неосмотрительности могла бы повлечь за собою затруднительное и не рѣдко долговременное разбирательство. А потому лица, которымъ необходимо было часто прикладывать свою руку къ разнаго рода бумагамъ, употребляли вмѣсто того печати, на которыхъ изображалась рука съ надписью, чья она [1], въ послѣдствіи съ означе-

[1] Bulletin de la classe des sciences historiques, philologiques et politiques de l'Academie Imperiale de St.-Petersbourg. 1844. T. II. № 4. 5. Ср. Въ Сынѣ Отечества за 1852 г. нашу статью: Общія основанія системы догово-

ніемъ имени того, кому она принадлежала и наконецъ съ извѣстными эмблеммами. Послѣднія до начала XVIII вѣка не были, по выраженію Котошихина, *породными* и каждый прикладывалъ такую печать, какая у него случалась, отъ чего у бумагъ, въ разное время писанныхъ, печати одного и того же лица были разныя. «И у тѣхъ новыхъ писемъ съ старыми письмами многія печати разнятся» (¹). И дѣйствительно мы встрѣчаемъ древніе документы, припечатанные тѣми или другими печатями совершенно случайно, потому быть можетъ только, что другихъ предметовъ, съ которыхъ могъ быть снятъ слѣпокъ, не случалось; такъ одну духовную грамоту 1473 г. Степана Лазарева запечатали священикъ «и мужи всѣ и дьякъ *деньгою* Новгородскою (²);» другое завѣщаніе 1482. г. запечатали «хресцемъ, тѣлникомъ поповымъ Ивановымъ (³),» иногда запечатывали крестомъ (⁴) и т. д. Подобная печать была неразпознаваема: для предупрежденія отпирательства отъ нея служили, быть можетъ, тѣ свидѣтели, которые *стояли у печати* и означались въ самомъ актѣ, печатью утвержденномъ (⁵). Съ этою же цѣлью къ частнымъ актамъ, грамотамъ, о твердости которыхъ особенно заботились, прикладывались печати Князя или должностнаго лица, котораго званіе было означаемо на самой печати (⁶). Правило это прямо выра-

ровъ и обязательствъ по началамъ Русскаго законодательства. Статья 1-я стр. 73, 74, 75.

(¹) *Котошихинъ*, стр. 22.

(²) Акты Юрид. № 411.

(³) Тамъ же, № 412.

(⁴) Тамъ же, № 413.

(⁵) Описаніе Государственнаго Архива старыхъ дѣлъ соч. П. И. *Иванова* М. 1850 стр. 208. Временникъ Московскаго Общества Исторіи и древностей Росс. Т. XVI. Смѣсь, стр. 14—21.

(⁶) *Иванова* опис. Госуд. Архива, стр. 219

жено въ Псковской судной грамотѣ: «вольно индѣ написати, а Князю запечатать; а не запечатаетъ Князь, ино у Святѣй Троицы запечатать, въ томъ измѣны нѣтъ ([1]).» Этимъ объясняется и изображеніе на печати, привѣшанной къ одной замѣчательной грамотѣ XIII вѣка, описаніемъ и истолкованіемъ которой наука обязана Гг. Срезневскому и Неволину. Печать эта свинцовая, темносиняго цвѣта и сплочена изъ двухъ пластинокъ, между которыми продѣтъ снурокъ. На одной сторонѣ печати изображенъ ликъ Св. Тимоѳея, какъ можно судить по надписи: слѣва видно А и, вѣроятно начало слова Ἄγιος (святый), а справа—ТИ МО ѲЕI на четырехъ строкахъ. На другой сторонѣ изображенъ шестиконечный крестъ и надъ нимъ буквы: слѣва IС, а справа ХС. Съ перваго взгляда очевидно, что печать эта не могла принадлежать частному лицу: она должна быть Княжеская, и безъ сомнѣнія принадлежитъ В. К. Довмонту (Тимоѳею), что вполнѣ соотвѣтствуетъ приведенному правилу изъ судной Псковской грамоты и объясняется самымъ текстомъ грамоты: се писалъ Довмонтовъ писецъ ([2]).

Недостатокъ грамотности въ народѣ заставилъ его рано обратить вниманіе на печати, которыя бы могли замѣнять подписи. При этомъ видимъ опять примѣненіе тѣхъ же началъ, по которымъ образовались другіе виды печатей: въ нихъ существенны съ одной стороны надпись, чья печать, а съ другой изображеніе, и чѣмъ печати древнѣе, тѣмъ эмблеммы на нихъ проще и незамысловатѣе; такъ на трехъ Двинскихъ грамотахъ (духовной и

([1]) Псковская Судн. Грам. Изд. *Мурзакевичемъ*. Одесса. 1847, стр. 9.

([2]) Записки Императорскаго Археологическаго Общества Т. III, стр 221 до 267.

двухъ купчихъ), отъ XIV вѣка сохранившихся, привѣшены двустороннія свинцовыя печати. Всѣ эти акты безъ подписей, и утверждены печатями, изъ которыхъ на одной надпись *Ивана Петровича*, на другой *печать Дементья Олекстъева*, на третьей *Печать Трифона (О)сипови(ча)*, а на оборотной ихъ сторонѣ изображены кресты разныхъ видовъ. (табл. XIII. рис. 12.) (1). Имя владѣльца печати, на ней изображенное, обезпечивало ея неприкосновенность. Для той же цѣли могъ служитъ и крестъ, символъ святости, а если вспомнимъ, что въ самой грамотѣ отмѣчалось, кто былъ свидѣтелемъ при приложеніи печати, *кто стоялъ у печати*, то нельзя не согласиться, что при этихъ условіяхъ печать имѣла вполнѣ твердость подписи. Удобнѣе впрочемъ были для частныхъ людей перстни съ надписями и изображеніями. Предпочтеніемъ, которое оказывалось подобнымъ перстнямъ и кольцамъ, объясняется ихъ множество; изъ описи напр. наслѣдству, выдѣленному Княжнѣ Лыковой послѣ дяди ея Стрѣшнева, открывается, что къ ней перешло тридцать восемь перстней, цѣною въ триста сорокъ одинъ рубль. Конечно большая часть изъ этихъ перстней отличалась богатствомъ камней, украшеніями финифтью и т. п; но въ числѣ ихъ есть и «пять перстней съ печатьми, цѣна тринадцать рублевъ (2).» Этимъ же объясняется и то, что въ разныхъ мѣстахъ Россіи откапывали и до сихъ поръ откапываютъ перстни разныхъ видовъ, изъ различныхъ металловъ, и съ самыми

---

(1) Путешествіе академика Ивана Лепехина часть IV. Спб. 1803. стр. 419 сл. Письмо Кореспондента Академіи Крестинина въ членуѣя Озерецковскому.

(2) Временникъ Московскаго Общества Исторіи и древностей Россійскихъ Т. V Отд. 3 стр. 23, 24.

разнообразными эмблеммами: но общимъ у нихъ признакомъ остается то, что въ срединѣ помѣщалось какое нибудь изображеніе: гемма или подражаніе ей и вообще какая нибудь фигура, а вокругъ на ободочкѣ имя владѣльца, съ прибавленіемъ слова *печать*, или же безъ надписи.

Что касается до изображеній на перстняхъ, то они распадаются на два разряда, существенно различныхъ, а именно: 1) печати безъ всякихъ геральдическихъ признаковъ въ эмблеммѣ и аттрибутахъ и 2) съ геральдическими аттрибутами. Послѣдніе по времени относятся къ эпохѣ къ намъ ближайшей; поэтому мы начинаемъ съ первыхъ.

Геммы, видѣли мы, были любимы нашими Князьями и большая часть печатей ихъ состояла изъ антиковъ, вставленныхъ въ именные ободочки. При незавидномъ состояніи въ древней Россіи искусствъ и художествъ, этотъ родъ печатей былъ выгоденъ и удобенъ. Предположить должно, что антиковъ у насъ было много, а страсть къ нимъ раздѣляли и частные люди. Въ печатяхъ ихъ видимъ иногда прелестные образцы древняго искусства. Именные ободочки тамъ, гдѣ буквы сохранились на слѣпкахъ, обличаютъ, кому печать принадлежала, а если владѣтель ея есть лице историческое, то становится извѣстнымъ, какого она вѣка. На другихъ не осталось этихъ слѣдовъ: надписи можетъ быть или совсѣмъ не было, или она стерлась, но тѣмъ не менѣе печать по своей фигурѣ заслуживаетъ вниманія, и мы приведемъ нѣкоторые изъ такихъ экземпляровъ, еще не изданныхъ. — Если актъ утвержденъ печатями нѣсколькихъ лицъ, что̀ и было означаемо въ самомъ документѣ, напр. «къ сей даной (1639 года) Василей Петровичъ Наумовъ, да Микита Наумовичъ Беглецовъ печати свои приложили», то не смотря на недостатокъ надписей, свидѣтельствующихъ

кому принадлежала какая печать, можно безъ ошибки заключать, что первая съ лѣваго края принадлежала тому, кто первый упомянутъ въ подписи, или даже въ началѣ акта, вторая тому, кто за нимъ слѣдовалъ и т. д. Средство это очень часто открываетъ истину въ разысканіяхъ при недостаткѣ другихъ данныхъ.

Въ исчисленіи Княжескихъ печатей не было помѣщено нами печатей тѣхъ лицъ, которыя, хотя и происходили отъ владѣтельныхъ Князей, во время написанія акта, низошли уже на степень частныхъ людей; такъ къ написанной въ 1498 г. духовной грамотѣ Князя Ивана Юрьевича Патрикѣевича о раздѣлѣ имѣнія его дѣтямъ Князьямъ Василію и Ивану, равно какъ Княгинѣ Авдотьѣ привѣшано семь восковыхъ печатей на шелковыхъ малиновыхъ снуркахъ. Первая съ лѣвой стороны *печать Княгини Авдотьи Ивановны* (такова надпись) имѣетъ изображеніе полуживотнаго и получеловѣка, держащаго въ одной рукѣ мечь, въ другой щитъ. На второй печати видно летящее чудовище, какъ бы летучая мышь, и по сторонамъ заглавныя буквы, означавшія владѣльца печати; за тѣмъ двѣ небольшія печати, состоявшія также изъ геммъ (надписи стерлись) съ изображеніемъ человѣка въ лѣво. Къ этой же духовной приложилъ свою печать зять завѣщателя Князь Семенъ Ивановичь (вѣроятно Ряполовскій): *персона* сидитъ на скамьѣ и держитъ въ рукахъ стрѣлы (не Геркулесъ ли это?). Свидѣтелями при написаніи этого акта были, какъ сказано въ самомъ завѣщаніи, Иванъ Голова, да Дмитрій Владимеровы дѣти Григорьевичи. На печати перваго видимъ человѣка вприямь: въ правой рукѣ онъ несетъ свѣточь, при видѣ котораго два животныя у ногъ его бѣгутъ въ противуположныя стороны; вокругъ надпись: *Печать Ивана Воло-*

диміровича. Наконецъ на послѣдней (не видно надписи, она вѣроятно другаго свидѣтеля) изображенъ Князь верхомъ, на правой рукѣ у него соколъ—эмблемма, которая часто встрѣчается на Московскихъ монетахъ. (табл. V, рис. 8).

Эмблеммы, которыя частными лицами избирались, для печатей были самыя разнообразныя, состояли изъ птицъ, рыбъ, и всѣхъ видовъ животныхъ, изъ травъ, кораблей, всего чаще изъ людей и коней, однихъ или въ сочетаніи съ другими фигурами. Для образца мы приведемъ нѣкоторыя изъ печатей намъ извѣстныхъ и еще неизданныхъ: 1) Константина Григорьевича *Заболоцкаго*, жившаго при В. К. Іоаннѣ III: на печати его видно изображеніе головы, обращенной въ право. Она въ повязкѣ, и оканчивается античною драпировкою. (табл. XI, рис. 10). 2.) Ко времени В. К. Василья Ивановича относится печать Угрина Ѳедоровича *Кутузова* съ изображеніемъ человѣка, обращеннаго въ лѣво: онъ держитъ въ правой рукѣ какое то оружіе, а лѣвою хватаетъ птицу (не Ивиковы-ли это журавли?) (табл. XI. рис. 11). 3) Василія Михайловича *Чертенка-Заболоцкаго* (XVI вѣка)—женская головка на полотнѣ, въ драпировкѣ (табл. XI, рис. 8); 4) *Печать Князя Юрья Васильевича* (надпись вокругъ): обращенная въ лѣво прелестная античная голова съ бородою. Убранство волосъ вѣнкомъ, ниспадающимъ до плечь, не оставляетъ сомнѣнія въ Византійскомъ происхожденіи этой геммы. (табл. XI, рис. 12); 5). На печати Кн. *Петра Васильевича* (?)—львиная голова (табл. XI, рис. 13); 6) У Кн. *Андрея Ивановича* (?)—женская голова, обращенная въ лѣво (табл. XI, рис. 14); 7) Семена Васильевича *Колтовскаго* печать, приложенная къ межевой выписи 1623 года, носитъ изображеніе оснащеннаго корабля; 8) сложнѣе эмблемма на печати стольника и воеводы Калины

Григорьевича *Благово*, утвердившаго сю выпись Сійскаго монастыря игумну объ освобожденіи монастырскихъ дворовъ отъ разныхъ сборовъ: Государь на престолѣ, съ короною на головѣ и съ державою въ лѣвой рукѣ, правою указываетъ на простертаго у ногъ его человѣка, надъ которымъ два другихъ человѣка держатъ поднятый мечь, какъ бы сбираясь отсѣчь ему голову. Печать эта сохранилась хорошо и есть вѣроятно издѣліе запада (табл. XI. рис. 15.); 9) У Романа Ѳедоровича *Кирѣевскаго* (отъ 1629 года) на печати видно дерево, покрытое листвою. Вокругъ него обвилась змѣя, какъ бы хранящая плоды, къ которымъ протягиваютъ руки два человѣка. (Не хотѣлъ ли художникъ изобразитъ здѣсь исторію грѣхопаденія праотцевъ?). Подобная же печать была у Василія Петровича *Наумова* (1639 года); но вышевсѣхъ исчисленныхъ покрасотѣ 10) *Печать князя Ивана Андреевича Булгакова:* въ срединѣ ея Леда ласкаетъ лебедя—прелестная гемма. (табл. XI. рис. 16); и 11) изображеніе Геркулеса, держащаго въ рукахъ змѣй (табл. XII. рис. 1).

Какъ у Князей не всегда были подлинныя геммы въ печатяхъ, а вмѣсто нихъ встрѣчаются изображенія, очевидно снятыя съ хорошихъ образцевъ, такъ и частныя лица пользовались печатями, сдѣланными въ Россіи. На нихъ изображались также звѣри, птицы, монограммы и иныя знамена. Выборъ ихъ въ каждомъ частномъ случаѣ зависѣлъ, разумѣется, отъ лица, ихъ выбиравшаго, но разъ усвоенное знамя становилось какъ бы непремѣннымъ спутникомъ человѣка въ его гражданской дѣятельности, сросталось съ нимъ, и нѣтъ ничего необыкновеннаго, если *знамя* это находило себѣ мѣсто и на печати.—Названіе знамени замѣняло не рѣдко наименованіе лица, которому оно принадлежало; напр. «ходили зна-

мя косы на чертѣ,» (изображеніе знамени слѣдуетъ послѣ каждаго названія), «да знамя калита съ поясомъ, да знамя калита же съ рубежемъ, да знамя лежая съ двумя рубежи, да знамя локотки и т. д. (1)», встрѣчаемъ мы въ межевыхъ, судебныхъ и другихъ актахъ. Всего чаще, разумѣется, употреблялось знамя креста, какъ самое уважаемое, твердое и до нынѣ самое обыкновенное между людьми неграмотными, для замѣны подписи.

Что употребленіе знамени было разрѣшено оффиціально, доказывается тѣмъ, что приложеніе его къ разнаго рода актамъ десятильникомъ, поповскимъ старостою и другими должностными лицами требовалось закономъ, а значеніе, которое ему придавалось, можетъ служить только доказательствомъ его разпознаваемости и общеизвѣстности. Цѣль, для которой знамена были установлены, во всякомъ случаѣ достигалась вполнѣ: подпись лица замѣнялась печатью, и способъ этотъ такъ удобенъ при маломъ распространеніи грамотности въ народѣ, что даже Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича и послѣдующее наше законодательство дозволяютъ употреблять знамена (2), точно такъ, какъ и теперь въ деревняхъ и обществахъ удѣльныхъ крестьянъ головы, старосты и т. п. должностныя лица, если они безграмотны, замѣняютъ подпись свою на бумагахъ по обязанностямъ службы приложеніемъ особой печати, съ означеніемъ на ней, чья она (3).

---

(1) А. Юридич. стр. 186, 212, 213, *Калачева* Русская Правда, стр. 131. ст. CXXIX.

(2) Улож. Гл. X. ст. 161. Указы 1665 года Марта 9. (№ 1111), 1698 г. Дек. 4. (№ 1387).

(3) Св. Учр. Губ. Т. II. (Изд. 1842 г.) ст. 5207, 5209. Ср. указъ 1822 г. Іюня 30 (№ 29092) Сенатскій.

Для образца мы приведемъ нѣсколько печатей, сдѣланныхъ въ Россіи и начнемъ съ важнѣйшей и бывшей до селѣ неизвѣстною: это печать боярина и дворецкаго Григорья Васильевича *Годунова*. Изображеніе всадника есть одна изъ примѣтъ гербовъ для родовъ Татарскаго происхожденія; но не имѣя достаточныхъ доводовъ для того, чтобы придавать такое значеніе эмблеммѣ, видимой на печати боярина Годунова, мы должны ее признать лично принадлежащею означенному боярину Григорію Васильевичу, тѣмъ болѣе, что точно такая же эмблемма видна и на печати Сергѣя Өедоровича *Аксакова*, приложенной къ межевой выписи 1668 года (табл. XII, рис. 2); печать же боярина Годунова сохранилась на правой грамотѣ, данной имъ Суздальскому Спасоефимьевскому монастырю 22 Апрѣля 1586 г., всадникъ ѣдетъ въ право, круговая надпись стерлась. Иногда къ всаднику прибавлялись и иныя еще фигуры; напр. на печати (1598 года) боярина *Волконскаго*, сколько можно заключать по сохранившейся надписи, обращенный въ лѣво всадникъ держитъ въ правой рукѣ мечь. Епанча на всадникѣ развѣвается подобно тому, какъ въ Московскомъ гербѣ, но подъ ногами лошади бѣжитъ собака (вмѣсто дракона) (табл. XII, рис. 3). Также изображеніе всадника въ бронѣ и съ мечемъ видно на печати Богдана Борисовича *Воейкова*, 1618 года (табл. XII, рис. 4).

Въ Лихвинскомъ уѣздѣ въ числѣ другихъ вещей было открыто въ недавнее время нѣсколько перстней, на одномъ изъ нихъ грубо изображенъ моржъ или другое какое то морское животное, на другомъ представлена птица съ распущенными крыльями и головою, обращенною въ право, на третьемъ монограмма изъ четырехъ

узловъ, крестообразно расположенныхъ, на четвертомъ вырѣзано два листа, расположенные другъ противъ друга въ клеймахъ, наведенныхъ чернью, самые же листья оставлены бѣлыми, и наконецъ на пятомъ представленъ въ кругломъ черномъ полѣ бѣлый цвѣтокъ или бѣлая пятилистная вѣтка.

Въ Карабановскомъ музеѣ сохранилось также нѣсколько перстней и печатей именныхъ: съ надписями—*печать Неметинова, перстень Бориса Богданова,* а въ срединѣ этой надписи видны очертанія фигуры рыцаря и дракона, *печать Князя Бориса Михайловича Лыкова.* (1) Во Владимірѣ на Клязьмѣ найденъ вмѣстѣ съ монетами перстень съ печатью (относимый къ XIV или XV столѣтію): на сердоликѣ въ срединѣ печати изображенъ звѣрь, бѣгущій влѣво, съ расправленными когтями, хвостомъ, склоненнымъ къ спинѣ и головою, обращенною назадъ, вокругъ надпись: «*печать Нестера Турова*».

§ 53.

Считаемъ лишнимъ прибавлять, что ни одна изъ приведенныхъ печатей не можетъ имѣть притязанія на то, чтобы считаться гербомъ: имъ недостаетъ какъ геральдическихъ аттрибутовъ, для герба необходимыхъ, такъ и той неизмѣняемости и наслѣдственности, безъ которыхъ гербъ не можетъ существовать. Если на нѣкоторыхъ печатяхъ, отъ XVII вѣка сохранившихся, видимъ первый признакъ, т. е. аттрибуты западныхъ гербовъ, какъ то корону, щитъ, щитодержателей итп., то недостатокъ втораго признака на печатяхъ этой эпохи отнимаетъ у нихъ характеръ гербовъ.—Что же касается до

(1) *Филимонова.* Описаніе Карабановскаго Музеума Таб. XXXIX и XL, рис. 5, 7, 14.

источника, изъ котораго могли быть заимствованы нами геральдическіе аттрибуты, то достаточно замѣтить что въ Польшѣ гербы употреблялись издавна. По присоединеніи къ ней древней области Русской—Литвы, этотъ признакъ благородства былъ сообщенъ и Литовскимъ родамъ: они примыкали къ фамиліямъ польскимъ, сообщавшимъ имъ свой гербъ. Стóитъ только просмотрѣть старопечатныя книги львовскія и острожскія XVI и XVII вѣковъ, чтобъ убѣдиться, какое значеніе имѣли здѣсь гербы. Почти на каждой книгѣ гербъ автора или того, кому было посвящено сочиненіе съ громкими по большей части виршами, восхвалявшими доблести фамиліи и достоинства лица. Не говоря о другихъ сношеніяхъ съ Литвою, этимъ путемъ должна была дойти къ намъ идея о гербахъ. Ихъ конечно продолжали употреблять Литовцы и Поляки, перешедшіе въ службу Русскаго Царя, а по образцу ихъ могли дѣлаться печати и для Русскихъ; но повторяемъ нельзя признавать ихъ за гербы, какъ потому, что одна и та же эмблемма не принадлежала всему роду и всѣмъ лицамъ, отъ одного родоначальника происшедшимъ, такъ съ другой стороны потому, что она была лишена той наслѣдственности, которая характеризуетъ гербъ. Оттого на нѣкоторыхъ изъ такихъ печатей съ геральдическими аттрибутами видна вокругъ надпись съ названіемъ лица, кому она принадлежала.

Мысль нашу всего лучше объяснитъ печать Князя Дмитрія Михайловича *Пожарскаго*. Князья Пожарскіе происходятъ отъ Князей Стародубскихъ и должны бы имѣть въ своей печати Стародубское знамя, т. е. старый дубъ. А между тѣмъ письмо свое, отправленное въ 1612 году къ Австрійскому Императору Князь Д. М.

Пожарскій запечаталъ совсѣмъ иною печатью. Въ щитѣ представленъ орелъ или коршунъ, клюющій мертвую голову (не Турка-ли, какъ въ гербѣ Шварценберговъ?) (¹). Щитъ держатъ два льва, геральдически вѣрно изображенные, надъ щитомъ корона, а внизу печати извивается драконъ. Вокругъ надпись: *стольникъ и воевода Князь Дмитрей Михайловичь Пожарской Стародубской.* (табл. XII рис. 6.) (²). При первомъ взглядѣ на эту и подобныя ей печати является мысль о сходствѣ ихъ съ печатями Княжескими, состоявшими изъ геммъ, въ именные ободочки вставленныхъ. Не бралось ли изображеніе въ печать изъ чужаго иностраннаго герба, безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій? На это наводятъ насъ и нѣкоторыя другія печати съ геральдическими признаками, относящіяся къ XVII вѣку, такъ напр. фигуры въ печати стольника Θедора Савича Нарбекова 1676 года Шотландскія (табл. XII. рис. 5.). Далѣе знамя на печати боярина Θедора Ивановича Мстиславскаго, сохранившееся на отпискѣ его 1611 года къ Королю Польскому Сигизмунду III и Владиславу Сигизмундовичу, составлено совершено по правиламъ геральдики. Это коронованный левъ, обращенный вправо: онъ стоитъ на заднихъ лапахъ съ когтями, расправленными на переднихъ. Иностранное происхожденіе этой печати обличается латинскими буквами, поставленными на верхнемъ краю щита: T. D. C. D. M., могшими означать: Theodor dux . . . Mstislawsky (³). Еще яснѣе иностранная надпись на пе-

---

(¹) *Spener* lib. II. p. 528.

(²) *Миклошича* Slavische Bibliothek. Bd. 1. Wien., 1851, стр. 19—42. Ср.. Памятники дипломатическихъ сношеній Т. II, стр. 1406, 1429.

(³) Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. II, стр. 489

чати Стольника Ивана Михайловича *Афросимова*, сохранившейся на межевыхъ выписяхъ 1675 года. Въ щитѣ, совершенно правильно обозначенномъ, изображенъ одноглавый коронованный орелъ (наподобіе Польскаго). Онъ повторяется въ нашлемникѣ. Корона и наметъ геральдически вѣрны. Печать эта оттиснута на воску и бывшая вокругъ нея надпись едва видна: буквы однако латинскія (табл. XII, рис. 7).

Какъ Литовцы и Поляки, переходя въ Московскую службу, приносили съ собою свои родовые гербы, такъ съ другой стороны и Русскіе, переселявшіеся въ Польшу, получали гербъ. Достаточно въ этомъ случаѣ указать на Князя Андрея Михайловича Курбскаго: предки его идутъ отъ прародителя Владиміра Мономаха, поколѣнія Князей Ярославскихъ. До 1563 года Князь Андрей Михайловичъ Курбскій служилъ вѣрно своему отечеству, а въ это время онъ измѣнилъ ему и перешелъ въ службу Короля Польскаго [1]. Въ Польшѣ ему данъ былъ гербъ, который подробно описанъ у Польскаго геральдика XVII вѣка Окольскаго съ объясненіемъ притомъ, почему этому лицу присвоена эмблемма—обращенный вправо левъ, стоящій на заднихъ лапахъ, съ поднятымъ хвостомъ и высунутымъ языкомъ. Вокругъ щита вѣнокъ изъ цвѣтовъ. «Левъ-царь звѣрей» говоритъ геральдикъ, «и если онъ украшаетъ гербъ какого либо благороднаго мужа, то служитъ признакомъ большой храбрости и особеннаго благоразумія. По преданію былъ онъ изображенъ на печати Агамемнона и Помпея. Курбскій, продолжаетъ тотъ же авторъ, былъ

---

[1] Сказанія Князя Курбскаго. Изд. *Устрялова*. Спб. 1842. Предисловіе.

замѣчателенъ по происхожденію, какъ родственникъ Царя Іоанна Васильевича Грознаго, по значенію своему, какъ предводитель войскъ Московскихъ, и по храбрости, какъ побѣдитель многихъ непріятелей. Не менѣе замѣчательно было его счастіе, если изгнанникъ и бѣглецъ онъ былъ принятъ съ почестями Королемъ Августомъ. Наконецъ обширны были его умственныя дарованія, если онъ на старости изучилъ въ короткое время Латинскій языкъ, бывшій ему прежде неизвѣстнымъ.» (1) Такъ объясняетъ этотъ гербъ Польскій авторъ, смотрѣвшій на измѣну Курбскаго съ своей точки зрѣнія. Мы съ своей стороны замѣтимъ, что левъ былъ извѣстенъ въ Россіи издавна, какъ символъ мужества и благородства. Онъ вмѣстѣ съ единорогомъ имѣлъ у предковъ нашихъ особенное значеніе, бывалъ знаменемъ на печатяхъ, украшеніемъ на зданіяхъ, кубкахъ и пр.

§ 54.

Общій выводъ о печатяхъ.

Потребность въ печатяхъ выработала и тѣ общія начала, по которымъ онѣ составлялись у насъ въ теченіе пяти, шести столѣтій. Замѣчательно единство, проявившееся въ печатяхъ самыхъ разнообразныхъ какъ по лицамъ, которымъ оніи принадлежали, такъ и по цѣлямъ, для которыхъ служили. Изученіе ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя считать чуждымъ нашей Геральдики, если смотрѣть на нее, какъ на науку и излагать съ правильной точки зрѣнія, т. е. исторической. Этимъ только путемъ можно найти въ ней смыслъ, въ которой ей такъ часто

(1) Orbis Polonus autore *Okolsky*. Cracoviae. 1641. T. I. p. 504, 505.

отказываютъ. Было бы конечно пристрастно и значило бы увлекаться своимъ предметомъ, если бы мы стали отвергать всякое влiянiе Западной Европы на отечественную Геральдику, но съ другой стороны послѣ всего вышесказаннаго можно ли сомнѣваться, что эмблеммы для гербовъ Государственнаго и Княжескихъ образовались у насъ самостоятельно, путемъ историческимъ, имѣютъ смыслъ, значенiе, а не заимствованы безсознательно. Не лишены также значенiя эмблеммы въ другихъ гербахъ, и дѣло науки есть, раздѣливъ ихъ на группы, найдти для каждой изъ нихъ особые примѣты и подчинить составленiе у насъ гербовъ правиламъ, выработаннымъ также непроизвольно, а долговременною практикою. Полное развитiе въ подробностяхъ и въ приложенiи къ дѣлу найдетъ себѣ эта мысль въ слѣдующей третьей части нашего труда, для котораго двѣ первыя служатъ только введенiемъ, какъ бы приготовленiемъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

О РУССКИХЪ ГЕРБАХЪ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Исторія Русскихъ гербовъ.

§ 55.

Печать тогда только можетъ стать гербомъ, когда пріобрѣтетъ характеръ наслѣдственности, т. е. будетъ переходить изъ рода въ родъ безъ измѣненія, и кромѣ того приметъ тѣ геральдическіе аттрибуты, безъ которыхъ нѣтъ понятія о гербѣ. Мы видѣли уже, какъ рыцарское вооруженіе со всѣми принадлежностями быта средневѣковаго рыцаря и турнировъ перешло въ гербъ. У насъ были также щиты, шлемы съ забралами, были военные плащи, епанчи, но тѣмъ не менѣе ни шапки мисюрки, ни іерихо̀нскія шапки, ни контари, ни другія части нашего древняго вооруженія не нашли себѣ мѣста въ нашихъ гербахъ. Хотя дошедшее до нашего времени вооруженіе древнихъ Русскихъ Князей, напр. шишакъ В. К. Ярослава Всеволодовича, или шлемъ В. К. Александра Невскаго, отличающіеся богатою насѣчкою и драгоцѣнными украшеніями (¹), хотя далѣе простые шлемы (²), точно

(¹) Древности Государства Россійскаго Отд. III, № 4, 5.

²) Тамъ же, № 23

такъ же, какъ и щиты Государственный ([1]), Царскіе и простыхъ воиновъ ([2]) могли бы послужить для полнаго образованія чисто Русскихъ гербовъ; тѣмъ не менѣе имъ усвоены рыцарскіе аттрибуты, ихъ окружаетъ обстановка точно такая, какая отличаетъ гербы Западные.

Это обстоятельство ясно доказываетъ, что форма герба заимствована нами извнѣ, и усвоена вмѣстѣ съ другими учрежденіями Западной Европы: трудно только опредѣлить, откуда и когда именно сдѣлано это заимствованіе, хотя наука по необходимости задаетъ себѣ этотъ вопросъ всякій разъ, когда встрѣчаетъ новое учрежденіе, намъ несродное и очевидно къ намъ перенесенное. Какъ бы ни хотѣлъ однако пытливый умъ разрѣшить вопросъ о мѣстѣ и времени заимствованія, онъ долженъ допустить постепенное введеніе чужеземнаго учрежденія. Слѣдя за исторіею печатей Государственной и частныхъ лицъ, мы шагъ за шагомъ приближались къ гербу, до тѣхъ поръ, пока онъ не усвоенъ былъ намъ окончательно. Событіе это обыкновенно относятъ ко времени Петра Великаго, и, судя по нѣкоторымъ дошедшимъ до насъ памятникамъ и свидѣтельствамъ, должно бы признать, что Петръ I былъ нововводителемъ и въ этомъ отношеніи. Но если взглянуть на исторію нашу поглубже, то окажется, что Онъ часто утверждалъ только то, чтò давно уже перешло къ намъ извнѣ и гораздо прежде было усвоено Россіею. Это-то и есть, по нашему мнѣнію, главная заслуга Петра Великаго: Онъ умѣлъ обнять мыслію то, въ чемъ заключалась потребность современныхъ Ему событій, къ чему они вели и какъ можно

([1]) Тамъ же, № 71, 72.

([2]) Тамъ же, №№ 65, 66, 67, 68, 72

было удовлетворить стремленію страны къ развитію и просвѣщенію. Мысль наша будетъ еще яснѣе изъ примѣра, имѣющаго впрочемъ прямое отношеніе къ исторіи гербовъ. Конечно, всякаго Русскаго историка занималъ вопросъ, откуда заимствована Табель о Рангахъ Петра Великаго. Легко отвѣтить: изъ Швеціи, Остзейскихъ провинцій, изъ Германіи и т. п.; но какъ помирить съ этимъ отвѣтомъ съ одной стороны то, что такого стройнаго зданія іерархіи служебной не находимъ ни въ одномъ изъ иностранныхъ законодательствъ, и съ другой, что Табель о Рангахъ, изданная 1722 г. Января 24 (№ 3890), освящена законодательною властью тогда уже, когда на практикѣ была она въ полномъ дѣйствіи? Въ Коллегіяхъ засѣдали иностранцы на половину съ Русскими членами; по регламентамъ этихъ учрежденій они носили извѣстные титулы, назывались различно и по самому учрежденію коллегій стояли въ извѣстномъ отношеніи къ председателю и къ товарищамъ своимъ. Иначе была бы не понятна для иностранца та степень правъ, какая придавалась ему въ Россіи по прибытіи его изъ-за границы, мѣра тѣхъ преимуществъ, которыя предоставлялись ему на Руси. Предшествовавшая служба не покидала его и въ новой отчизнѣ, которая принимала его въ прежнемъ рангѣ, чинѣ. Но предоставивъ иностранцу извѣстный объемъ правъ, должно было сравнять съ нимъ и Русскихъ членовъ Коллегіи, занимавшихъ съ нимъ равное мѣсто. Такъ родилась потребность въ отысканіи общихъ для службы гражданской началъ. Служба военная до Петра Великаго представляетъ еще болѣе разительныя доказательства тому, что задолго до табели о рангахъ была опредѣлена для чужеземныхъ служилыхъ людей, которые въ XVII вѣкѣ во множествѣ

пріѣзжали къ намъ, та постепенность, которой слѣдовало пожалованіе въ чины: были даже опредѣлены сроки, въ которые производилось повышеніе, конечно, если иностранецъ могъ доказать, что онъ былъ въ рядахъ войска иностраннаго Государя съ такимъ именно чиномъ, съ какимъ принятъ въ службу Русскую. Много памятниковъ царствованій Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича служитъ неопровержимымъ доказательствомъ тому, что служилые люди наши мало по малу готовились къ преобразованію въ чинахъ, и потому-то Табель о Рангахъ безъ всякаго объясненія и толкованія была ясна и удобоприменима: она опредѣлила то, что было извѣстно каждому, до кого это могло касаться, всякому служившему. Точно такъ, учреждая герольдію, Петръ Великій говоритъ о гербахъ, какъ о чемъ-то существующемъ, и тогда какъ въ отечествѣ нашемъ и Государи и города и частныя лица долго имѣли только однѣ печати, Государь считаетъ даже лишнимъ объяснять, что̀ такое гербъ, какія его принадлежности, какъ онъ составляется и пр. И дѣйствительно въ архивахъ нашихъ хранятся цѣлыя производства, возникшія, какъ увидимъ ниже, тотчасъ послѣ уничтоженія мѣстничества и сожженія разрядовъ, при представленіи выѣзжими родами доказательствъ о благородномъ ихъ происхожденіи, дававшемъ имъ право на внесеніе въ родословную книгу. Такимъ образомъ въ послѣдней четверти XVII столѣтія учрежденіе гербовъ было уже въ ходу, дѣленія герба и лучшія геральдическія сочиненія были извѣстны, а когда издавался указъ о томъ, чтобы каждый благородный имѣлъ гербъ, цѣль законодателя была, на оборотъ, ограничить излишнее число гербовъ и противозаконное употребленіе ихъ тѣми, которые не имѣли

права на это отличіе. Сравните то, что говоритъ Котошихинъ о гербахъ нашихъ, съ словами Петра Великаго о томъ же предметѣ: «Не токмо у Князей и бояръ и иныхъ чиновъ, но и у всякаго чину людей Московскаго Государства гербовъ не бываетъ, а прикладываютъ у кого какая печать прилучилась, а не породная», говоритъ Котошихинъ, и объясняетъ явленіе это тѣмъ, что гербовъ «никакому человѣку изложити не могутъ». А въ 1722 г. Петръ Великій прямо говоритъ, что возводить въ дворянство и жаловать гербомъ и печатью можетъ одинъ только Государь, а такъ какъ между тѣмъ оказалось, что нѣкоторыя лица сами себя называли дворянами, не имѣя этого званія, «иные же своевольно приняли гербъ, котораго предки ихъ не имѣли, ниже отъ предковъ нашихъ или отъ иностранныхъ коронованныхъ главъ имъ данъ, и притомъ смѣлость пріемлютъ, иногда такой гербъ избирать, который владѣющіе Государи и иныя знатнѣйшія фамиліи дѣйствительно имѣютъ», то и установлена должность Герольдмейстера. Обязанность его состояла съ одной стороны въ томъ, чтобы требовать отъ дворянъ доказательствъ ихъ благородства, а отъ тѣхъ, которые имѣютъ гербъ, отъ кого и когда онъ имъ пожалованъ, а съ другой въ томъ, чтобы лицамъ, дослужившимся до оберъ-офицерства (въ военной службѣ) Русскимъ и иноземцамъ, изъ дворянъ и не изъ дворянъ, равно какъ и не служившимъ, но могущимъ доказать свое дворянство за сто лѣтъ, давать гербы (¹).

Есть положительные факты, которые подтверждаютъ мысль, прямо впрочемъ вытекающую изъ словъ указа, что Петръ Великій засталъ уже гербы; но, оставляя пока

(¹) Имен. Указъ 1722 г. Января 26 (№ 3890)

доводы эти, мы приведемъ здѣсь еще другое свидѣтельство, также изъ законодательнаго памятника заимствованное — это манифестъ 1798 г. Января 1 (№ 18302), послѣдовавшій по случаю изданія первой части гербовника (¹).

«Во всѣхъ Европейскихъ Государствахъ въ древнія времена» читаемъ мы въ этомъ указѣ, «званіе дворянское и званіе рыцарское имѣли однѣ и тѣ же обязанности; честь и храбрость были главнымъ основаніемъ дѣяній дворянина и рыцаря. По разрушеніи древней Римской Имперіи, когда вся Европа покрыта была мракомъ невѣжества, и во время феодальнаго правленія раздираема была междоусобіями бароновъ и другихъ степеней дворянскихъ владѣльцевъ, когда грабительства и разбои свирѣпствовали во всѣхъ странахъ Европы и невинность угнетаема была насиліемъ: тогда нѣкоторые, озаренные свѣтомъ Евангелія и одушевленные вѣрою и любовью, составили общества рыцарскія и кавалерскія. Каждый дворянинъ вмѣнялъ себѣ въ честь и славу быть рыцаремъ и получить знаки и украшенія рыцарства. Щиты рыцарей украшаемы были гербами ихъ родовъ, составленными изъ разныхъ изображеній, внесенныхъ въ гербъ въ память или въ знакъ какихъ либо рыцарскихъ подвиговъ. Честь, храбрость, безпредѣльная вѣрность и любовь къ Государю и отечеству составляли главныя свойства дворянина и рыцаря. Всему свѣту извѣстно, что дворянство тѣхъ временъ, движимое такими началами, успѣло, подъ покровительствомъ Госу-

(¹) Манифестъ этотъ напечатанъ, какъ предисловіе, къ 1-му Тому Гербовника.

дарей, распространить повсюду христіанскія добродѣтели и основанное на нихъ благонравіе. Отъ такихъ-то предковъ нѣкоторые происшедшіе потомки, какъ то показываетъ исторія отечества нашего, выѣхали въ Россію въ древнѣйшія времена и, найдя въ отечествѣ нашемъ дворянъ, руководимыхъ тѣмъ же духомъ храбрости и чести, основали роды дворянъ выѣзжихъ, получивъ во владѣніе помѣстья наравнѣ съ другими служилыми людьми въ Россіи.

«Роды же княжескіе Русскіе произошли, по большей части, отъ сыновей Великаго Князя Владиміра Святославича, озарившаго Россію свѣтомъ Евангелія. Отъ родовъ княжескихъ ведутъ свое начало многіе роды дворянскіе, слѣдовательно всѣ они происходятъ отъ Рюрика и потому древностью своею не уступаютъ самымъ древнѣйшимъ родамъ княжескимъ и дворянскимъ другихъ Государствъ.

«Что Русское дворянство всегда руководилось духомъ храбрости и чести, то доказываютъ всему свѣту извѣстные труды и подвиги Россійскаго дворянства, на службу Государямъ своимъ и на пользу отечества подъятые. Самодержцы Всероссійскіе, находя всегда въ дворянствѣ ревностныхъ исполнителей Монаршей воли и храбрыхъ защитниковъ отечества, отличали ихъ почестями и изливали на нихъ отъ Престола своего милости. По примѣру предковъ своихъ и Государь Императоръ Павелъ Петровичъ, обращая вниманіе на все, что̀ можетъ способствовать къ славѣ и чести Россійскаго дворянства, повелѣлъ издать собраніе гербовъ дворянскихъ, яко знаковъ дворянскаго достоинства каждаго дворянскаго рода, ибо прежде сего, за неимѣніемъ такого собранія, многіе гербы или совсѣмъ утратились или же по временамъ

измѣнялись. Въ отвращеніе этихъ-то неудобствъ и велѣно было составить гербовникъ».

Свидѣтельство это о происхожденіи гербовъ нашихъ важно, какъ единственный отрывокъ изъ исторіи геральдики Россіи и какъ указаніе на то мнѣніе о нашихъ гербахъ, котораго держались у насъ въ XVIII вѣкѣ.

§ 56.

Происхожденіе слова «гербъ».

Мнѣніе объ иностранномъ происхожденіи нашихъ гербовъ обязано своимъ существованіемъ главнымъ образомъ тому обстоятельству, что Геральдика Русская усвоила себѣ аттрибуты, необъяснимые нашимъ бытомъ, хотя имѣвшіе историческое значеніе въ Западной Европѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ должно бы перейти къ намъ и самое слово, служившее для означенія понятія намъ чуждаго, подобно тому, какъ напр. архитектура, военное дѣло, заимствовали названія для частей зданія, для разныхъ видовъ вооруженія оттуда же, откуда и самыя учрежденія, бывшія намъ прежде неизвѣстными. Въ этомъ-то отношеніи филологія имѣетъ за собою большія права, и при содѣйствіи ея сдѣланъ уже не одинъ счастливый выводъ для исторіи движенія народовъ и перехода учрежденій и разнаго рода установленій изъ одной страны въ другую. Производство слова *гербъ* должно показать, какъ Славянскіе народы вообще и Русскіе въ особенности смотрѣли на гербы и гдѣ должно искать источника, изъ котораго мы почерпнули это установленіе.

Исторія геральдики рыцарской доводитъ до убѣжденія, что названіе герба—*Wappen, armes*—обязано своимъ

происхожденіемъ оружію, на которомъ прежде всего появился этотъ отличительный знакъ благороднаго рыцаря. Вооруженіе того времени, скрывавшее почти совершенно коня и всадника, породило потребность въ такихъ знакахъ, при взглядѣ на которые всякій зналъ, кто тотъ витязь, который скрывается подъ кольчугою и бронею. У Славянскихъ народовъ, непринадлежавшихъ къ западно-европейскому рыцарству, по недостатку военныхъ игръ, турнировъ, на которыхъ отличались рыцари Франціи, Англіи и Германіи, гербъ былъ вызванъ другою потребностью.

Во многихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ встрѣчаются слова: *herb*, *erb*, *irb*, гербъ ([1]), въ значеніи наслѣдникъ или наслѣдство, что и подало поводъ искать сродства его съ Нѣмецкимъ erbe, Французскимъ heritage. Не беремся рѣшать, коренной ли это Славянскій звукъ, случайно похожій на Германскій, или же Славянское слово обязано своимъ происхожденіемъ Германскому корню: для насъ важна та идея, которую Славяне связывали съ названіемъ герба. Это понятіе о наслѣдственности эмблеммы, о ея неизмѣняемости. Правда, что качество это считалось необходимою принадлежностью и герба рыцарскаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ были у него еще другія геральдическія примѣты, внѣшніе атрибуты. Хотя они прямо и безъ всякаго измѣненія

([1]) *Linde* Slownik подъ словомъ *Herb*, чешск. erb, znameni', wladyctwi', Сербо-Луж. herba, Карніольск. erb, irb, наслѣдникъ Виндск. (Хорут.) erbi, jerbi, потомство; по-Нѣмецки Erbe, по Франц. heritage, Англосакс. yrb, arf. Не думаетъ, чтобы можно было производить это общее почти всѣмъ Славянскимъ народамъ слово отъ средневѣковаго *herribannum*, знамени, которое предшествовало войску на войнѣ. Такому производству противится съ одной стороны различіе въ значеніи обоихъ словъ, а съ другой недостатокъ въ *гербѣ* коренныхъ въ *heribannum* буквъ.

перешли въ Русскій гербъ, по существенною всегда считалась твердость изображенія въ гербѣ, внѣшніе же его аттрибуты—шлемъ, наличникъ, мантія, наметъ и т. п.,—стали помѣщаться вокругъ щита позднѣе, и на нихъ не было обращено вниманія. Оттого такъ мало значенія имѣетъ у насъ напр. теорія шлемовъ, которые въ гербахъ Русскихъ имѣютъ почти постоянно одну и ту же форму, тогда какъ на Западѣ для каждаго рода и вида дворянства былъ свой шлемъ, съ наличникомъ, спущеннымъ болѣе или менѣе, обращеннымъ влѣво или вправо. Вообще намъ кажется, что если можетъ быть Русская Геральдика, то это только наука о тѣхъ изображеніяхъ, которыя видимъ на щитѣ,—изображеніяхъ, имѣющихъ, повторяемъ, свою исторію, свой смыслъ и свое значеніе.

Какимъ же путемъ дошла до насъ идея о гербахъ? Слово *гербъ*, обще Славянское названіе наслѣдственныхъ эмблеммъ, заставляетъ насъ, сказали мы, искать источника, откуда перешло къ намъ это учрежденіе, не въ Западной Европѣ, и обстоятельство это, по-видимому ничтожное, богато послѣдствіями. Во Франціи, Англіи, Германіи гербъ избирался лицемъ и утверждался за нимъ по его личнымъ качествамъ и доблестямъ. По гербу, какъ по книгѣ, читаетъ опытный глазъ, когда, въ чемъ, гдѣ отличился тотъ или другой рыцарь. Если подвиговъ, о которыхъ память желали увѣковѣчить, было нѣсколько, гербъ былъ сложный, поле щита разноцвѣтно, точно такъ, какъ различіемъ же подвиговъ объясняется и разнообразіе эмблеммъ въ Западныхъ гербахъ. Эта система Геральдики сродна всѣмъ странамъ, гдѣ существовали рыцари и турниры, всѣмъ народамъ, принимавшимъ участіе въ крестовыхъ походахъ; но въ

наукѣ извѣстна подъ именемъ *французской*, такъ какъ она развилась преимущественно во Франціи.

Но кромѣ этой геральдической школы есть еще другая съ совершенно иною основною мыслью и потому съ инымъ исходомъ. Это школа *Польская*. Начало ея восходитъ до древнѣйшихъ временъ существованія Польши, и такъ какъ рыцарство было въ ней мало извѣстно, жители же ея не принимали участія въ играхъ и подвигахъ, служившихъ въ Западной Европѣ примѣненіемъ геральдическихъ идей къ жизни; то и геральдика этой страны усвоила себѣ совсѣмъ иной характеръ. Простота, сохраненная Польскими гербами до сихъ поръ, изумительна. Это одинъ знакъ, одна примѣта, одно *знамя*, которое ставъ наслѣдственнымъ, приняло форму герба. За недостаткомъ историческихъ свѣдѣній, было бы слишкомъ смѣло находить сходство ихъ съ Татарскими тамгами, асаками, и изъ того заключать о происхожденіи Польскихъ родовъ отъ Татаръ [1]. Сравненіе ихъ съ Русскими *знаменами*, которыя мы уже видѣли на печатяхъ частныхъ и должностныхъ лицъ, можетъ довести до противуположнаго убѣжденія, т. е. что характеръ этотъ былъ не чуждъ славянскимъ племенамъ вообще, тѣмъ болѣе, что знаки и символы эти прямо заимствованы изъ ихъ земледѣльческаго быта, изъ окружавшей ихъ природы, и первоначально служили только знаками отличія, необходимыми въ жизни для многихъ случаевъ. Когда въ позднѣйшее уже время проникли въ Польшу понятія о западныхъ гербахъ, они были примѣнены къ объясненію Польскихъ гербовъ: имъ стали приписывать то зна-

[1] Таково мнѣніе автора статьи: *гербъ*, *гербовѣдѣніе* и *геральдика* въ XIV. Т. Энциклопед. Словаря стр. 118. *Татищева* Исторія Россійская. Книга 1-я, часть 1. М. 1768 г. стр. 552.

ченіе, котораго они первоначально не имѣли. Для этого стоитъ только сравнить напр. Длугоша, геральдика XV вѣка, съ Окольскимъ (XVII столѣтія) или Нецецкимъ, о которыхъ будетъ подробно сказано ниже при разсмотрѣніи Польскихъ гербовъ, въ Россію перешедшихъ.

Сколько въ древней Польшѣ было коренныхъ колѣнъ, столько же было и отличительныхъ для нихъ знаковъ, *клейнодовъ*, и всякій новый родъ, равно какъ и частный человѣкъ, который примыкалъ къ Польскому дворянству, не могъ выдумать свое знамя, или привесть свой клейнодъ, а его бралъ подъ свое покровительство какой нибудь коренной Польской родъ и приписывалъ къ своему знамени. Отъ того-то въ прежнія времена мало было назвать лице, должно было прибавить: дворянинъ такого то знамени, герба. На войнѣ одногербовцы имѣли общее знамя, которымъ отличались отъ соратниковъ.

Какая же изъ двухъ геральдическихъ системъ усвоена Россіи?

Не упоминая объ иностранцахъ, которые, пріѣзжая въ Россію, могли привозить свой гербъ и пользоваться имъ, мы думаемъ, что первыя свѣдѣнія о гербахъ перешли въ Россію изъ Литвы. Литовцы, не переставая почитать Россію за свое отечество, во множествѣ переходили на службу Русскаго Государя, оставались у насъ и образовали выѣзжія благородныя семейства, которыя конечно удержали древнее свое отличіе, гербъ, и позднѣе, въ концѣ XVII вѣка, только просили Царя объ утвержденіи его. А для убѣжденія себя въ томъ, что Поляки и Литовцы въ XV и XVI вѣкахъ пользовались гербами всегда, когда къ тому представлялся случай, достаточно взглянуть на акты и отписки того времени. Совершенно правильно составленные гербы на не-

чатяхъ, подъ кустодіею, скрѣпляютъ ихъ во множествѣ [1].

Немаловажное вліяніе на переходъ къ намъ гербовъ изъ Польши и Литвы должно было имѣть и то обстоятельство, что въ годину несчастій были отторгнуты отъ Россіи цѣлыя области, дворянству которыхъ усвоено Польшею право пользоваться гербомъ, что̀ и утверждалось за благороднымъ сословіемъ особою грамотою. Когда внутренніе раздоры въ отечествѣ нашемъ затихли и иго Татарское стало спадать, Россія вступилась за свое прежнее достояніе, и начиная отъ Іоанна III до Царя Алексѣя Михайловича она возстановлялась въ прежнихъ границахъ, намѣченныхъ для ея дѣятельности Рюрикомъ и его ближайшими родичами. При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, съ возвращеніемъ Россіею Малороссіи и Смоленска и съ переходомъ ихъ служилыхъ людей на службу Москвы, учрежденіе гербовъ не могло не отразиться въ жизни и обычаяхъ Русскихъ болѣе, чѣмъ когда нибудь прежде, и мы увидимъ, что именно къ этой эпохѣ относится у насъ забота о правильномъ составленіи гербовъ, что этому царствованію Русская Государственная печать обязана окончательною своею отдѣлкою и собраніемъ вокругъ нея приличныхъ ей аттрибутовъ.

Въ доказательство того, какое значеніе придавали гербамъ Польскіе Короли, сообщая преимущества городамъ, отъ Россіи отторгнутымъ, достаточно указать на свидѣтельство жалованной грамоты Короля Польскаго Сигизмунда Августа 1568 года. Даруя Вильнѣ за услуги, коронѣ Польской оказанныя, самыя существенныя преи-

---

[1] Подобныхъ печатей сохранилось много на Польскихъ рукописяхъ Императорской Публичной Библіотеки подъ №№ 222, 224, 235, 236 и др.

мущества, Король не забылъ предоставить благородному сословію этого города право употреблять на печатяхъ, въ рисункахъ и гравюрахъ гербы, но не иначе, какъ съ согласія того семейства, къ гербу котораго лица, получившія право на это отличіе, желаютъ приписаться. Затѣмъ только они, съ разрѣшенія этого семейства и утвержденія Государя, могутъ сами и потомки ихъ пользоваться извѣстнымъ знаменемъ [1].

§ 57.

Но если понятіе о гербахъ перешло къ намъ изъ Польши и Литвы, то идея, лежавшая въ основѣ Польской геральдической школы, не могла найти у насъ полнаго примѣненія уже и потому, что наша геральдика не осталась чуждою и для иныхъ вліяній, и самыя эмблемы заимствованы для Княжескихъ родовъ изъ источника Русскаго, изъ знаменъ, служившихъ для означенія родовыхъ владѣній, а для родовъ выѣзжихъ постепенно образовались для каждаго ихъ разряда свои особыя примѣты въ соотвѣтствіе съ корнемъ, отъ котораго роды эти пошли. Сообразно тому, Польскія эмблемы усвоены гербамъ фамилій, выѣзжихъ изъ Польши и Литвы.

Такимъ образомъ гербы наши, соединяя въ себѣ примѣты обѣихъ геральдическихъ системъ, не только могутъ

---

(1) Liceatque praedicto magistratui et eorum liberis nobilium stemmata seu insignia, si volent, sibi assumere, *de consensu tamen et voluntate alicujus familiae, ejus generis, quod ea arma gerit,* quae illi assumere optaverint, quibus insignibus in omnibus actis suis tam in annulis signatoriis, quam in sculpturis ac picturis privatis uti poterint perpetuo, requisito deinceps vel nostro, vel successorum nostrorum consensu aut alio privilegio novo et speciali». Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Вильно, Ковно и др. Вильно. 1843. Часть 1-я стр. 112

служить отличіемъ одного благороднаго семейства отъ другихъ и свидѣтельствовать о ихъ подвигахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ показываютъ происхожденіе лица. Въ этомъ отношеніи наши гербы—armes parlantes въ обширномъ значеніи слова, и опытный глазъ прочтетъ по эмблеммамъ герба всю исторію рода: гдѣ его корень и чѣмъ онъ отличился. Объяснить значеніе нашихъ гербовъ должна отечественная геральдика, при помощи которой всѣ части герба приходятъ въ стройный порядокъ и получаютъ тотъ смыслъ, который имъ должна придать наука.

Дойти до такихъ богатыхъ послѣдствіями результатовъ можно только при помощи исторіи, и такъ какъ во второй части нашего труда печати всѣхъ разрядовъ доведены до той эпохи, когда онѣ, окрѣпнувъ, приняли геральдическія формы, то здѣсь мы продолжимъ начатое выше, слѣдуя прежнему порядку; т. е. изложимъ исторію герба Государственной печати, за тѣмъ перейдемъ къ гербамъ городовъ, и наконецъ заключимъ свое изслѣдованіе гербами частныхъ лицъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Исторія Герба Государственной Печати.

§ 58.

Пока Москва была не болѣе, какъ удѣлъ Московскаго Великаго Князя, безъ всякаго особеннаго политическаго и нравственнаго значенія, пока первенство ея среди другихъ городовъ и областей Россіи не было утвержде-

по мирнымъ трактатамъ ея Великихъ Князей съ Новгородомъ, договорными грамотами съ другими Князьями, наконецъ введеніемъ повсюду Московской администраціи съ Великокняжескими намѣстниками, печать Московская такъ же измѣнялась, какъ и всякая другая личная, семейная печать. Тотъ кругъ, въ которомъ она должна была имѣть значеніе и пользоваться общеизвѣстностью, былъ такъ тѣсенъ, что не было необходимости усвоивать печати Москвы опредѣленныя, неизмѣнныя и наслѣдственныя формы. Но вмѣстѣ съ Государственными идеями установился и тотъ гербъ, который долженъ былъ перевести на символическій языкъ монархическія понятія, составившія силу и твердость нашего отечества. Изъ всѣхъ эмблеммъ, которыя въ разное время выражали ту же идею борьбы Москвы съ врагами и побѣды надъ ними, никакое другое знамя не могло быть такъ соотвѣтственно, какъ усвоенное ей окончательно, и вокругъ этого основнаго типа, какъ кореннаго, группируются постепенно другіе аттрибуты, долженствующіе служить вѣрнымъ и непреложнымъ свидѣтельствомъ убѣжденій Россіи и ея успѣховъ на полѣ брани.

Поэтому современный намъ Государственный Россійскій гербъ сложился не вдругъ: онъ слагался постепенно, и приращеніе его аттрибутовъ соотвѣтствуетъ увеличенію силы Россіи. Мы думаемъ, что исторія Государственной печати въ разныя царствованія должна быть тождественна съ повѣствованіемъ объ измѣненіи объема нашего отечества и отношеній его къ другимъ державамъ.

Этимъ же воззрѣніемъ на Государственную печать объясняется, почему всегда и всѣми придавалось ей у насъ такое значеніе: безъ нея, какъ символа Государственной власти, останавливалось отправленіе Государ-

ственныхъ дѣлъ. «За Государевою печатью многіе Государевы грамоты стали», читаемъ въ отпискѣ 17 Марта 1613 г., отправленной послами, ходившими просить на царство Михаила Ѳедоровича, къ Земскому Совѣту, который обѣщалъ прислать имъ «боярскій подлинный списокъ и Государеву печать (1)». Далѣе малѣйшая и несущественная по-видимому ошибка, допущенная въ приложеніи ея, влекла за собою продолжительные толки, не рѣдко ничтожность акта и наказаніе того, кто былъ виною погрѣшности: форма печати, утвержденная обычаемъ и закономъ, въ извѣстный моментъ была неприкосновенна. Если въ каждое царствованіе встрѣчаемъ по нѣскольку экземпляровъ Государственной печати, которые различались между собою объемомъ, полнотою аттрибутовъ и эмблеммъ, то при приложеніи ихъ въ точности соблюдалось соотвѣтствіе съ уваженіемъ, которое Россія питала къ другому государству: чѣмъ больше было это уваженіе, тѣмъ бо́льшая употреблялась печать и на оборотъ. Даже въ царствованіе Петра Великаго, при введеніи гербовой бумаги, достоинство ея различалось по величинѣ орла, и въ указѣ 1699 года (Января 23 № 1673) велѣно употреблять бумагу *подъ большимъ орломъ* для актовъ выше 50 рублей, *подъ гербомъ величиною противъ золотаго* для актовъ, недостигающихъ этой цифры, а для остальныхъ—*за печатью въ полузолотой*. На самой же бумагѣ было отмѣчено: «подъ сею мѣрою герба писать всякія крѣпости», за тѣмъ слѣдовало означеніе цѣны.

Существеннѣе были измѣненія въ титулѣ, который выставлялся на печати при имени Царя; но при этомъ

---

(1) Дворцов. Разряды Т. I. стр. 1050.

не должно выпускать изъ виду, что и титулъ былъ большой и краткій, и употребленіе того и другаго въ дипломатическихъ сношеніяхъ соотвѣтствовало также степени уваженія, которое Россія питала къ той или другой державѣ. Обстоятельство это отражалось и на бумагѣ даже, на которой писалась грамота: на ней выводилось золотомъ, красками болѣе или менѣе травъ и иныхъ украшеніи. Какъ къ «Цесарскому Величеству Римскому» грамоты писались на самой большой Александрійской бумагѣ, «а травы золотыя писались большія», такъ къ Королямъ Шведскому, Англійскому и другимъ «травы золотомъ были среднія», къ курфирстамъ «травы золотомъ на верху надъ письмомъ, а по сторонамъ не бываетъ», и наконецъ къ Татарскому хапу писались грамоты «безъ травъ».(1) Сообразно тому же началу большая Государственная печать прикладывалась къ грамотамъ въ важнѣйшія иностранныя государства. Въ другихъ случаяхъ употреблялась малая Государственная печать. Она была въ окружности меньше большой, что въ срединѣ ея подъ Московскимъ гербомъ и означалось иногда буквою М. Кромѣ того отписки къ ханамъ Крымскимъ и Грузинскимъ запечатывались печатью, на которой былъ изображенъ одинъ гербъ Московскій: «Царь на конѣ побѣдилъ змія, около подпись Царская, титла самая малая по «и иныхъ» (2).

Для написанія грамотъ и приложенія къ нимъ печати брали за образецъ примѣры прошлыхъ лѣтъ, и разъ установившаяся форма сношеній съ тою или другою державою не измѣнялась произвольно и безъ особенной

(1) *Котошихинъ*, стр. 28, 29.
(2) Тамъ же, стр. 29. 77. 90.

нужды. Потому въ древнѣйшіе *титулярники* съ величайшею точностью вносились случаи, по которымъ Россія отправляла грамоты въ ту или другую державу съ подробнымъ означеніемъ, въ какой формѣ они писались. Не была забыта и не упущена безъ вниманія ни малѣйшая подробность. Эти-то замѣтки и даютъ въ настоящее время средство опредѣлить, на какіе виды дѣлилась Государственная печать и какъ различалось ея приложеніе.

Самый древній (по крайней мѣрѣ мнѣ извѣстный) титулярникъ, т. е. собраніе образцевъ и правилъ сношеній Россіи съ другими державами, хранится въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и относится къ $\frac{6997}{1489}$ году, но гораздо полнѣе его другой, также оффиціальный, составленный при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ: дипломатія его времени представляла болѣе образцевъ и требовала большей точности въ опредѣленіи различій печати.

Для примѣра приводимъ изъ послѣдняго нѣкоторые отрывки, могущіе служить свидѣтельствомъ о томъ, въ какихъ случаяхъ акты утверждались Государственными печатями того или другаго вида и чѣмъ различалось самое ихъ приложеніе. «Къ Цесарскому Величеству (Германскому Императору) писана грамота на Александрійскомъ на большомъ листѣ, самая большая съ фигуры, богословіе и государево имянованье по *Московскаго*, а Цесарево по *Римскаго* писано золотомъ, подпись Думнаго дьяка на затылкѣ, печать Государственная большая *подъ кустодіею съ фигуры*, въ камкѣ кармазинѣ».—Къ Королю Французскому грамоты утверждались также большою печатью, но подъ *кустодіею большою*. [1] Къ

---

[1] Рукоп. Титулярникъ времени Царя Алексѣя Михайловича, стр. 108.

Бранденбургскому Курфирстру «писали на средней Александрійской бумагѣ, кайма безъ фигуръ. Божіе и Государево имя писано золотомъ, подпись дьячая безъ загибки, печать Государственная большая на красномъ воску, *подъ кустодіею гладкою»* (1). Къ владѣтелямъ Молдавской земли писали: на меньшей Александрійской бумагѣ, кайма безъ фигуръ, «Божіе и Государево именованье по *Владимірскою* золотомъ, печатаютъ Государевою большою печатью на красномъ воску подъ кустодіею, а кустодія безъ фигуръ, *гладкая.»* (2) Далѣе Крымскимъ и Грузинскимъ ханамъ писали «Татарскимъ письмомъ, печать *кормленая*, на красномъ воску, подъ кустодіею *гладкою*; а Нурадину писали даже, не закрывая печать кустодіею».—Наконецъ къ Калмыцкимъ тайшамъ объявленіе милостиваго слова посылалось «на Александрійской на меньшей бумагѣ, на ней подпись безъ загибки, печать *воротная на черномъ воску* (3).»

Вотъ въ какой постепенности представляется приложеніе Государственной печати въ разныхъ случаяхъ и къ владѣтельнымъ особамъ различныхъ странъ. Все, начиная отъ цвѣта воска до вида кустодіи, было твердо опредѣлено, а печатникъ съ печатнымъ приказомъ наблюдали за тѣмъ, чтобы правила, освященныя обычаемъ, не были нарушаемы.

Изъ вышеизложенныхъ примѣровъ оказывается, что Государственная печать раздѣлялась на слѣдующіе виды:

1) *большая* и *малая*, по величинѣ изображенія и объему Государева титула.

---

(1) Тамъ же, стр. 68.

(2) Тамъ же, стр. 250.

(3) Тамъ же, стр. 302, 306.

2) *печать воротная.* Она была одностороняя, малая, съ Московскимъ гербомъ по срединѣ двуглаваго орла, съ ушкомъ, придѣланнымъ для ношенія на шеѣ. Подлинники ея хранятся въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Не эта ли печать называлась и *походною,* о которой упоминается въ титулярникѣ 1489 года? (¹).

и 3). Печать *кормленая или кормчая*, состоявшая, по свидѣтельству титулярника, изъ изображенія: «человѣкъ на конѣ съ копьемъ колетъ змія, около подпись Царскаго Величества имянованье» (²). Представляя снимокъ этой печати (таб. XVI, рис. 5), мы останавливаемся на опредѣленіи ея: значеніе этого вида Государственной печати не понятно и не объяснено. Мы думаемъ, что первоначальное назначеніе этой печати состояло въ приложеніи ея къ грамотамъ, которыя давались воеводамъ и нѣкоторымъ другимъ чиновникамъ на кормленіе, т. е. на право содержанія себя изъ доходовъ ввѣреннаго имъ города или мѣста, и въ отличіе отъ печатей, которыми утверждались другія жалованныя грамоты на земли и разныя преимущества, этой печати придано названіе *кормленой.* Въ послѣдствіи сею стали утверждать отписки къ Крымскимъ и Татарскимъ Ханамъ.

§ 59.

Неизмѣнный символъ власти Государя и обладателя всея Руси, со времени Іоанна III, есть двуглавый орелъ.

Въ выборѣ знаковъ для гербовъ всегда руководствовались тѣмъ символическимъ значеніемъ, которое извѣстнымъ фигурамъ и животнымъ искони придавалось, и конечно всякій выбиралъ себѣ ту эмблемму, которая на-

---

(¹) Титулярникъ рукопис. $\frac{6997}{1489}$ года стр. 68.

(²) Титулярникъ времен Царя Алексѣя Михайловича, стр. 302, 327.

иболѣе могла говорить за его мужество, благородство, преданность и иныя добродѣтели. Этимъ объясняется общая любовь древнихъ и новыхъ народовъ къ изображеніямъ орла, дельфина и льва, царей птицъ, рыбъ и животныхъ, и такъ какъ необходимо было чѣмъ нибудь различить эти эмблеммы въ гербахъ разныхъ фамилій, то невольно удивляешься разнообразію аттрибутовъ, которые придавались этимъ типамъ.

Эмблемма льва была унасъ издавна употребляема: мы ее встрѣчаемъ на печатяхъ частныхъ лицъ и приказовъ. Въ гербѣ города Львова въ XVI вѣкѣ изображена крѣпостная стѣна съ башнями, а въ двери геральдическій левъ. На Львовской грамматикѣ, изданной въ 1591 г., на которой изображенъ этотъ гербъ ([1]), къ нему приложены слѣдующіе стихи:

«Левъ царствуетъ безсловеснымъ звѣремъ въ начало,
Словеснымъ же образъ Христова царства намъ ся показало.
Мужайся много-племенный Россій народе,
Да Христосъ начало крѣпости въ тебѣ буде.»

Не этимъ ли употребленіемъ символа льва въ львовской печати должно объяснять помѣщеніе его въ Государственной Польской печати, для означенія (какъ думаютъ Польскіе геральдики) Галиціи, носившей названіе Россіи, въ память ея неразрывнаго единства съ коренною Русью, съ Москвою ([2])?

Но аттрибутомъ собственно Московскаго, или правильнѣе Русскаго Государства былъ орелъ. Онъ пользовался у насъ также издавна почетомъ: фигуры его въ раз-

([1]) Адельфотисъ грамматика доброглаголиваго Еллино-Славянскаго языка. 1591 г. Львовъ. Въ друкарнѣ братской.

([2]) *Vossberg.* Siegeln; стр. 13, 14. Таблицы рис. 7, 8.

ныхъ видахъ и съ разными украшеніями встрѣчаются на древнихъ печатяхъ, на зданіяхъ, заголовкахъ книгъ и т. п. При В. Князѣ Іоаннѣ III эмблемма эта усвоена Государственному гербу.

Царь птицъ, за силу и зоркость, съ давнихъ временъ почитался символомъ проницательности и мужества (1). И въ какихъ формахъ, въ какихъ видахъ и цвѣтахъ не представляли его древняя и новая геральдика! Aquila Romana, Римскій орелъ, былъ знакомъ всему древнему міру, и какой другой символъ могъ бы болѣе приличествовать этому побѣдоносному народу?

Долго Римскій орелъ представлялся одноглавымъ и въ такомъ видѣ онъ является на древнихъ памятникахъ Рима, и никакъ не ранѣе временъ Цесаря ему придана и другая глава. Впрочемъ вопросъ о поводѣ, по которому, и о времени, съ котораго гербъ Рима начали изображать въ видѣ двуглаваго орла, до сихъ поръ не рѣшенъ еще окончательно.

Нѣкоторые утверждаютъ, что двуглавый орелъ установленъ Цесаремъ въ память предвѣщанія, которое было послано ему предъ побѣдою его надъ врагами и достиженіемъ верховной власти въ Римѣ; а именно: летѣвшій надъ главою его при въѣздѣ въ Римъ орелъ убилъ и бросилъ на землю двухъ коршуновъ. Такъ какъ предзнаменованіе это сбылось, то Цесарь хотѣлъ увѣковѣчить память о немъ, помѣстивъ двуглаваго орла въ гербѣ Рима (2). Но большая часть ученыхъ присоединяется къ мнѣнію тѣхъ, которые приписываютъ введеніе этого изображенія въ Римскомъ гербѣ эпохѣ образованія двухъ имперій Восточной и Западной. Та и другая имѣла пра-

(1) Spener pars I. p. 211—215.

(2) Petra Sancta Tesserae p. 398.

во на орла съ одною главою, а такъ какъ они были соединены подъ однимъ скипетромъ, слѣд. убѣжденія и интересы ихъ были нераздѣльны, то оба орла составили одно тѣло, а память о ихъ первоначальной раздѣльности сохранилась въ двухъ главахъ, въ противоположныя стороны обращенныхъ. Послѣднимъ признакомъ могла выражаться впрочемъ и другая еще идея: око Государя было обращено на Востокъ и на Западъ, а распоряженія обѣими странами исходили изъ одного источника. Нельзя не признаться, что едва ли Геральдика можетъ указать на другую эмблемму, въ такой мѣрѣ знаменательную.

Гербомъ этимъ пользовалась Восточная Римская Имперія до тѣхъ поръ, пока существовала, а затѣмъ по преемству символъ этотъ въ 1494 году [1] перешелъ къ Россіи, какъ странѣ православной, наслѣдовавшей убѣжденія Царяграда [2].

Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный впрочемъ объяснялъ принадлежность Россіи двуглаваго орла родствомъ своимъ съ Августомъ Кесаремъ, отъ котораго символъ этотъ по прямой линіи долженъ былъ, по мнѣнію Царя, перейти къ Москвѣ; а именно: во время раздоровъ съ Шведскимъ Королемъ Іоанномъ III, Грозный на упреки его отвѣчаетъ: «а что писалъ еси о Римского царства пе-

---

(1) *Карамзина* Исторія Госуд. Рос. Т. VI, прим. 98.

(2) Вообще почетную эмблемму—Императорскаго орла принимали въ гербъ Государства, считавшія себя преемниками Рима (напр. Австрія) и фамиліи, происшедшія отъ Греческихъ Императоровъ или соединенныя узами брака съ принцесами изъ дома Ангеловъ, Комненовъ, Ласкарисовъ и Палеологовъ. На этомъ основаніи и Цари Сербскіе, которые съ XII вѣка неоднократно вступали въ браки съ Греческими Царевнами, усвоивали себѣ двуглаваго орла. Для примѣра прилагаемъ (на табл. XVI. рис. 7) печать деспота Іоанна 1496 года. Ср. *Nicollis* Anacephalaeosis. 1722 p. 68. 69. *Stritteri* Memoriae Populorum. Petropoli. 1774. T. II. p. 195. 293.

чати и у насъ своя отъ прародителей нашихъ; а Римская печать намъ не дико. Мы отъ Августа Кесаря родствомъ ведемся (1)». Царь при этомъ прямо различалъ печать родовую, т. е. Московскую, отъ вновь заимствованнаго изъ Греціи двуглаваго орла.

Такимъ образомъ сложился нашъ Государственный гербъ, и хотя онъ измѣнялся въ частностяхъ и мелкихъ подробностяхъ, въ сущности однако былъ онъ неприкосновененъ и твердъ, измѣненія же дѣлались по причинамъ историческимъ. Такъ понимали у насъ всегда важность Государственнаго герба. Поэтому и было сочинено на него много стихотвореній, болѣе или менѣе удачныхъ, часто очень высокопарныхъ. Какъ на образецъ послѣднихъ указываемъ на стихи Леонтія Магницкаго, приложенные къ книгѣ его «*ариѳметика, сирѣчь наука числительная съ разныхъ діалектовъ на Славянскій языкъ переведенная, воедино собранная и на двѣ книги раздѣленная* (изд. 1703 г.)». Мы ихъ не выписываемъ, потому что они клонятся болѣе къ похвалѣ математики и только мимоходомъ касаются приложеннаго къ книгѣ государственнаго герба и его аттрибутовъ, но нѣкоторыя изъ стихотвореній на гербъ замѣчательны, потому что высказываютъ убѣжденіе о значеніи каждой части орла и входящихъ въ государственный гербъ эмблемъ. Вотъ одно изъ такихъ стихотвореній:

Тремя вѣнцами орелъ восточный сіяетъ,
Вѣру, надежду, любовь къ Богу являетъ.
Крилѣ простеръ, объемлетъ всего міра концы,
Сѣверъ, югъ, отъ востока ажъ до запада солнца
Простертыми крылами добрѣ покрываетъ,

---

(1) *Карамзина* Ист. Гос. Росс. Т. IX. прим. 414.

Скипетръ заступленія въ покровъ простираетъ.

Скипетръ въ царствіи крѣпость, являетъ честь, славу,

Свѣтъ содержитъ, Августа воспріиметъ державу (1).

Чтобы изложить подробно исторію Государственнаго герба, необходимо прослѣдить исторію каждой изъ составныхъ его частей: 1) орла, 2) коронъ на немъ, и 3) надписей вокругъ печати.

§ 60.

1) Орелъ.

Орелъ въ Русскомъ Государственномъ гербѣ съ конца XV вѣка былъ и до сихъ поръ есть двуглавый черный орелъ. Эмблемма эта остается неизмѣнною. Измѣнялось положеніе крыльевъ орла. Въ Римѣ, напр. на колоннѣ Антонина, онъ представлялся летящимъ (2), а въ печати Іоанна III видимъ его съ опущенными крыльями. (табл. VI. рис. 4.) (3). Такая форма ихъ оставалась безъ измѣненія до конца XVI вѣка, затѣмъ орелъ съ распущенными крыльями появляется на нѣкоторыхъ печатяхъ Лжедимитрія (табл. XVI, рис. 2) (4), но въ гербѣ времени Царя Михаила Ѳеодоровича они опять спущены (5). Наконецъ съ царствованія Алексѣя Михайловича до настоящаго времени орелъ остается съ расправленными крыльями, все равно притомъ представляется ли онъ парящимъ или на лету (табл. XVI. рис. 3) (6).

---

(1) Алфавитъ, собранный риѳмами, сложенный отъ Святыхъ писаній и изъ древнихъ реченій. 1705 г.

(2) Petra Sancta p. 398.

(3) Собр. Гос. Гр. и Дог. I, стр. 347

(4) Тамъ же, Т. II, стр. 162.

(5) Тамъ же, Т. III, стр. 277.

(6) Тамъ же, Т. IV, стр. 253.

Форма хвоста, головы и ногъ орла сколько зависѣла отъ отдѣлки печати, отъ большей или меньшей степени отчетливости чекана, столько и отъ того, въ какомъ положеніи представлялся орелъ, т. е. летѣлъ-ли онъ или парилъ.—На печати Іоанна III главы орла были съ закрытымъ клювомъ ([1]), но уже на печати В. К. Василія Іоанновича клювы отверзты и изъ нихъ выходитъ по язычку ([2]). Форма эта осталась въ гербѣ нашемъ до сихъ поръ; но въ изображеніяхъ на рисункахъ, сосудахъ и другихъ неоффиціальныхъ памятникахъ она измѣнялась до чрезвычайности. Вообще мы должны замѣтить, что двуглавый орелъ употреблялся какъ украшеніе очень часто на издѣліяхъ, и потому вкусъ художника рѣшалъ, какъ убрать любимую эмблемму и какіе придать ей аттрибуты.

Въ Государственномъ гербѣ орелъ изображался безъ скипетра и державы до временъ Царя Михаила Ѳедоровича ([3]). При немъ стали ихъ иногда придавать орлу, но прибавленіе это не считалось существеннымъ и необходимымъ ([4]). Потому оно иногда и опускалось, даже въ началѣ царствованія Царя Алексѣя Михайловича. При этомъ Государѣ окончательно сложился Государственный гербъ, и каждая изъ входящихъ въ него частей объяснена, а символы переведены на общепонятный языкъ. Скипетръ и держава должны были означать: «Милостивѣйшаго Государя, Самодержца и Обладателя» ([5]).

([1]) Тамъ же, стр. 347.

([2]) Тамъ же, стр. 417.

([3]) Описаніе Музея Коробанова, стр. 21, табл. XIV, рисунковъ.

([4]) Тамъ же, стр. 22.

([5]) Указъ 1667 г. № 421 (Имен.). Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. IV, стр. 209.

Что касается до изображеній, окружавшихъ орла, то на многихъ памятникахъ ваянія XVI и XVII вѣковъ онъ является не одинъ; напротивъ почти всегда онъ обставленъ фигурами: льва, единорога, дракона и грифа. Что̀ принадлежности эти нельзя считать однимъ простымъ и значенія неимѣющимъ украшеніемъ, плодомъ воображенія художника, это доказывается неизмѣнностью ея. Если и трудно найдти положительное объясненіе этѣхъ фигуръ, тѣмъ не менѣе можно съ нѣкотораго рода достовѣрностью утверждать, что значеніе ихъ апокалипсическое. Подъ Царскимъ напр. мѣстомъ Царя Іоанна Васильевича Грознаго изображены, говоря словами одного рукописнаго сборника XVI вѣка, «звѣри, а имъ три имени: *лютой*, *левъ*, *скиментъ* (молодой левъ, символъ племени іудина), второй звѣрь *уена* (гіена), третій *орелъ*, четвертый *оскроганъ*, пятый—*оскроганъ же*» (¹). — Съ другой стороны однако нельзя отказать означеннымъ звѣрямъ и въ историческомъ значеніи: къ намъ перешли они безъ сомнѣнія изъ Византіи, памятникамъ которой изображенія эти нечужды. На древностяхъ Византійскихъ слѣд. и должно искать разгадки этихъ эмблеммъ, которыя, повторяемъ, не могли быть ни случайны, ни произвольны. Достаточно въ этомъ случаѣ обратить вниманіе на хранящійся въ Московской Оружейной Палатѣ налучникъ отъ саадака Греческой работы. Стиль ея въ сравненіи съ памятниками того же происхожденія не оставляетъ сомнѣнія въ древности этого саадака. На немъ видимъ орла съ четырьмя фигурами, держащими символы Государственной власти, а именно: единорогъ держитъ

(¹) Древности Государства Росс. Отд. II, Москва, 1851, стр. 106, 107. Рисунки 67—73.

скипетръ, левъ—мечъ, драконъ—корону, и грифъ—державу. Число—четыре—въ связи съ означенными фигурами наводитъ на мысль, не представляли ли они четырехъ Римскихъ префектуръ, точно такъ какъ въ Государѣ, поражающемъ дракона, художникъ могъ изобразить побѣду Константина Святаго надъ Максентіемъ или Ликиніемъ. Ближайшее знакомство съ Византійскими памятниками какъ вообще, такъ въ этомъ случаѣ въ особенности, можетъ навести не на одно предположеніе и должно объяснить многое въ отечественныхъ древностяхъ.

Не смотря на то однако, что эмблеммы эти издавна окружали орла, мысль помѣстить на крыльяхъ его печати важнѣйшихъ областей Россіи, которыя прежде составляли отдѣльныя Великія Княжества и Царства, и слившись съ Россіею должны были имѣть представителей своихъ въ гербѣ Русскомъ, мысль эта не древняя. Нераздѣленъ съ Всероссійскимъ гербомъ былъ гербъ Москвы. Настоящее его мѣсто есть въ сердцѣ Русскаго орла, какъ средоточіе, изъ котораго выросло Государство; но долго Московскій гербъ составлялъ только оборотную сторону Всероссійскаго герба, а гдѣ нельзя было изобразить оборотную сторону, напр. на сосудахъ, тамъ изображался одинъ только орелъ, на приклеенныхъ же къ грамотамъ печатяхъ Московскій гербъ помѣщался и на персяхъ орла. Вообще только удобствомъ соединенія двухъ этѣхъ эмблеммъ и необходимостью ихъ раздѣленія можетъ быть объясненъ произволъ, который существовалъ въ этомъ случаѣ. Для примѣра достаточно указать на три грамоты, хранящіяся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, и утвержденныя Государственными печатями. Они относятся къ одному де-

сятилѣтію, и достойны вниманія, ибо показываютъ, какая разница въ печатяхъ существовала по различію содержанія актовъ и по тому, въ какомъ видѣ они приложены: 1606 г. Ноября 9 (по каталогу Публичн. Библ. № 275) дана Царемъ Василіемъ Ивановичемъ Иловой пустоши грамота на земли. Къ акту этому *привѣшена* красновосковая печать на малиновомъ снуркѣ, съ одной стороны всадникъ въ коронѣ—Московская печать, а съ другой: двуглавый орелъ съ надписью вокругъ—*Божіею милостью Великій Господарь Царь и Великій Князь Василій Ивановичь всея Руси Самодержецъ и многихъ Господарствъ господарь и обладатель.* А между тѣмъ къ грамотѣ 1608 года (№ 277) также Царя Василія Іоанновича Стряпчему сытнаго Дворца, на Бѣлоозеро, *приложена* печать, на которой изображенъ двуглавый орелъ, на персяхъ его Московскій гербъ; точно такъ, какъ 1617 г. Августа 28 (№ 289) возная грамота путному ключнику Афонасію Родіонову на имѣніе утверждена печатью на черномъ воску, въ срединѣ орла Московскій гербъ—всадникъ на конѣ.

Сообразно изложенному началу, Московскій гербъ долженъ былъ соединиться съ двуглавымъ орломъ прежде всего на большой Государственной печати, которая обыкновенно прикладывалась, а не привѣшивалась, тогда какъ малыя печати были по большей части двусторонніа, вислыя. И дѣйствительно, на большихъ Государственныхъ печатяхъ Царей Іоанна Васильевича Грознаго и Ѳеодора Іоанновича гербъ Московскій изображенъ на особомъ щитѣ по срединѣ герба Русскаго—всадникъ на конѣ въ лѣво, (табл. XV. рис. 6) (¹), тогда какъ на малыхъ

(¹) Собр. Гос. Грам. и Дог. Т. II, стр. 101, 228.

печатяхъ Царей Ѳеодора Іоанновича и Бориса Ѳедоровича Годунова они раздѣльны (1).

На малой печати Дмитрія Самозванца (табл. XVI. рис. 2) соединены два эти изображенія съ тѣмъ только различіемъ, что всадникъ ѣдетъ въ право. Это одно могло бы доказать, что печать Лжедимитрія сдѣлана за границею человѣкомъ, знавшимъ геральдику, по правиламъ которой всѣ живыя фигуры должны быть обращены въ право. О томъ же иностранномъ происхожденіи печати свидѣтельствуетъ корона надъ орломъ, нисколько не Велико-княжеская, и надпись вокругъ—*Дмитръ Ивановичь Божью Милостую Царевичь Московски*. Русскій не вырѣзалъ бы такъ надписи, тѣмъ болѣе, что надписи на печатяхъ у насъ всегда дѣлались Славянскимъ штрифтомъ, который тогда одинъ и употреблялся, а на печати Лжедимитрія подпись сдѣлана штрифтомъ, ближе подходящимъ къ теперешнему гражданскому письму. Большая впрочемъ печать Самозванца вполнѣ соотвѣтствуетъ типу, Русскими Царями принятому и давностью утвержденному. (2).

При этомъ считаемъ не лишнимъ замѣтить, что всадникъ на всѣхъ почти государственныхъ печатяхъ былъ обращенъ въ лѣво, на издѣліяхъ же, престолахъ, оружіи и т. п. мы его встрѣчаемъ иногда и въ право. Примѣта эта важна, ибо по ней можно издѣлія Русскія отличать отъ иностранныхъ. Мастера наши конечно далеки были отъ знанія западной геральдики, а случайность здѣсь допустить трудно. На предположеніе наше могутъ намъ возразить тѣмъ, что какъ печать носилась на шеѣ,

(1) Тамъ же, стр. 155.

(2) Тамъ же, стр. 162, 280.

то въ оригиналѣ всадникъ былъ обращенъ въ право и только въ оттискѣ выходилъ въ лѣво; но какъ *воротная* печать никогда не составляла главнаго вида государственныхъ печатей и употреблялась не часто, такъ другія государственныя печати не были назначены для ношенія печатникомъ на шеѣ, почему къ нимъ и не придѣлывалось ушка; слѣд. возраженіе это падаетъ само собою.—Намъ кажется непонятнымъ желаніе примѣнять къ нашему Государственному гербу, какъ и вообще къ эмблеммамъ въ Русскихъ гербахъ, начала западной, намъ чуждой геральдики. Съ XIV вѣка всадникъ въ Московскомъ гербѣ, какъ и въ Литовскихъ печатяхъ, былъ обращенъ въ лѣво и остается въ этомъ положеніи въ теченіи *шести* столѣтій. Если оно и не соотвѣтствуетъ правиламъ рыцарской геральдики, то давность стоитъ за твердость и неприкосновенность эмблеммы, на которой такъ ярко отразились убѣжденія Московскихъ Великихъ Князей и Государей всея Россіи. Замѣчаніе это направлено противъ мнѣнія тѣхъ иностранныхъ писателей, которые укоряютъ Русскихъ въ незнаніи геральдики и въ доказательство того ссылаются на положеніе всадника въ Государственномъ гербѣ.

§ 62.

Одежда всадника въ Московскомъ гербѣ измѣнялась, смотря потому, какъ на него смотрѣли: онъ былъ или въ шишакѣ, если въ немъ видѣли воина, который кололъ копьемъ змія, или въ Мономаховой коронѣ, какимъ онъ изображенъ на печатяхъ Царя Михаила Ѳеодоровича, ибо представлялъ самого Великаго Князя [1],

---

[1] Собр. Гос. Гр. III, стр. 277. На выходномъ листѣ Евангелія 1663 года, въ изображеніи Государственнаго герба помѣщенъ портретъ Царя Алексѣя Михайловича въ Мономаховой коронѣ (табл. VII рис. 3). Также въ коронѣ

или же въ коронѣ княжеской на печатяхъ Царя Алексѣя Михаіловича (табл. XVI, рис. 3): по объясненію этого Государя на персяхъ орла было изображеніе наслѣдника. (1) Иногда, хотя и рѣже, всадникъ въ Государственномъ гербѣ представлялся съ обнаженною головою (табл. VI, рис. 4). Неизмѣннымъ остается положеніе его: онъ поражаетъ дракона копьемъ. Художнику было предоставлено только изобразить большую или меньшую, такъ сказать, степень пораженія: то копье только вонзилось въ животное, то оно пронзило его, то змѣй какъ бы жалитъ коня въ ногу, то конь давитъ дракона въ самую грудь и т. д.

Епанча на всадникѣ всегда представляется развѣвающеюся по воздуху и спадающею съ плеча, ибо конь изображается на всемъ бѣгу. Грудь и ноги всадника въ латахъ. На панцырѣ обыкновенно нѣтъ никакого особеннаго знака, но въ печати Царя Михаила Өедоровича (не подъ вліяніемъ ли Литовскаго герба?) на груди всадника виденъ бѣлый крестъ (2). Впрочемъ онъ встрѣчается рѣдко.

§ 63.

Кромѣ Московскаго герба на персяхъ орла помѣщались и иныя эмблемы, а именно: 1) на малой печати Царя Іоанна Васильевича Грознаго видимъ съ одной стороны изображеніе единорога, а съ другой—двуглаваго орла, но безъ Московскаго герба (3) (табл. XV, рис. 1).

Царской помѣщенъ онъ на заглавномъ листѣ книги *Лазаря Барановича*, въ 1674 году изданной: Трубы на дни нарочитые праздниковъ господнихъ, Богородичныхъ и пр.

(1) Собр. Гос. Гр. и дог. Т. IV, стр. 209, 253.

(2) Тамъ же, Т. III, стр. 277.

(3) На золотыхъ монетахъ Іоанна Грознаго орелъ изображался съ обѣихъ сторонъ, и въ срединѣ его былъ съ одной стороны единорогъ, а съ другой ѣздецъ.

Хотя и Царь Іоаннъ Васильевичъ не считалъ единорога необходимою принадлежностью государственнаго герба, почему и не помѣстилъ его на большой своей печати (табл. XV, рис. 6), тѣмъ не менѣе фигура эта встрѣчается еще на нѣкоторыхъ печатяхъ Царей Бориса Ѳедоровича Годунова, Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича съ тѣмъ только различіемъ, что орелъ былъ съ обѣихъ сторонъ печати, а на персяхъ его изображался съ одной стороны всадникъ на конѣ, а съ другой единорогъ (1).

Татищевъ (2) утверждаетъ, что единорогъ былъ собственнымъ гербомъ Іоанна Грознаго. Если слово *гербъ* въ строгомъ смыслѣ употреблено здѣсь и не правильно, тѣмъ не менѣе справедливо, что Грозный частную свою переписку, равно какъ акты неофиціальные, печаталъ единорогомъ; напр. свои письма въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь (Грамоты, хранящіяся въ Публ. Биб. отд. рук. № 250, 253 и др.). — Значеніе единорога въ Царской печати, безъ сомнѣнія, было символическое, объясненія котораго должно искать въ Священномъ Писаніи. Доказательствомъ тому можетъ служить серебряный ковшъ, найденный въ 1730 году на монетномъ дворѣ при разборѣ серебра, взятаго отъ Архіепископа Ростовскаго. Кругомъ этого ковша была подпись—имя Лжедимитрія съ титуломъ, въ срединѣ на днѣ вмѣсто обыкновеннаго орла единорогъ, а вокругъ него подпись, взятая изъ псалма—«яко единорога святилище твое на земли» (3).

2) На малой Царской печати Петра Великаго на персяхъ

---

(1) Указъ 1682 г. Апр. 29 (№ 915) Имен.

(2) Россійская Исторія *Татищева* Кн. I, Часть 2-я, стр. 550.

(3) Тамъ же

орла былъ помѣщенъ Андреевскій крестъ, но и онъ удержался не долго на томъ мѣстѣ, которое, по всѣмъ правамъ принадлежало Московскому гербу. Въ послѣдствіи времени Андреевскій крестъ на цѣпи, этому ордену присвоенной, повѣшенъ вокругъ щита съ изображеніемъ Московскаго герба. На означенной печати Петра Великаго (табл. XVIII, рис. 3.) по бокамъ орла видимъ буквы: Ц. І. В. К. П. А. П. В. Р., что могло значить; Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича печать всея Россіи.

3) Императоръ Павелъ Петровичъ, ставъ Гросмейтеромъ Мальтійскихъ рыцарей ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, изволилъ повелѣть, чтобы Московскій гербъ былъ положенъ на крестъ, этому ордену усвоенный и въ такомъ видѣ изображенъ на персяхъ двуглаваго орла ([1]), но въ 1801 году прибавленіе это снова уничтожено ([2]).

и 4) Образъ Божіей Матери помѣщался на груди орла, но не на печатяхъ и не на оффиціальныхъ вообще изображеніяхъ государственнаго герба, а былъ аттрибутомъ произвольнымъ. Сколько намъ извѣстно, орелъ съ этимъ изображеніемъ на персяхъ встрѣчается въ первый разъ въ книгѣ, изданной въ 1705 году: «Алфавитъ, собранный рифмами, сложенный отъ святыхъ писаній и изъ древнихъ реченій». Послѣ заглавнаго листа въ началѣ книги изображенъ двуглавый орелъ, тремя коронами увѣнчанный и имѣющій на персяхъ образъ Божіей Матери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ; съ боковъ орла буквы: Б. М. В. Г. Ц. В. К. П. А. В. В. и М. и Б. Р. С. Значеніе ихъ понятно: это титулъ Царя Петра Алексѣе-

---

([1]) 1799 г. Авг. 10 (№ 19074). Авг. 19 (№ 19089) Имен.

([2]) 1801 г. Апр. 26 (№ 19850) Имен.

вича ([1]). Впрочемъ художники не стѣснялись выражать и иначе мысль о благословеніи и покровительствѣ свыше Русскому орлу. Для образца указываемъ на заглавный листъ въ книгѣ Лазаря Барановича (1674 г.): Трубы на дни нарочитые праздниковъ и пр. Матерь Божія положила руки свои на главы орла, какъ бы благословляя ихъ, а въ сердцѣ орла Духъ Святой, въ видѣ голубя. Надъ главою Богоматери надпись: «покрыла его, яко позна имя мое». Вмѣсто скипетра и державы орелъ держитъ въ когтяхъ два щита разныхъ видовъ, и подъ ними стихъ (изъ 4-й гл. Кн. пѣснь пѣсн.): «тысяща щитовъ висятъ на немъ».—Надписи, изъ Св. Писанія заимствованныя, вполнѣ объясняютъ, какую идею авторъ хотѣлъ осуществить въ рисункѣ.

§ 64.

Мысль помѣстить вокругъ орла, герба Всероссійскаго, печати прочихъ Царствъ и Великихъ Княжествъ, присоединенныхъ въ разное время къ Москвѣ, выразилась въ первый разъ въ большой государственной печати Царя Іоанна Васильевича Грознаго, которую видимъ приложенною къ грамотѣ Лжедимитрія 1605 г. Ноября 5, съ увѣдомленіемъ Юрія Мнишка о благоуспѣшности всѣхъ дѣлъ его ([2]) (табл. XV, рис. 6).—Идея эта могла родиться у насъ при видѣ тѣхъ фигуръ, которыхъ изображенія встрѣчаются на произведеніяхъ Греческаго искусства вокругъ всадника на конѣ (см. выше), но вѣроятнѣе, что нововведеніемъ этимъ была обязана Рос-

---

([1]) Еще съ большими украшеніями, но также съ образомъ Божіей Матери представленъ Государственный гербъ на Патерикѣ, напечатанномъ въ Кіевѣ въ 1806 году.

([2]) Собраніе Госуд. Грам. и Дог. Т. II, стр. 227.

сія знакомству съ печатями Польши и Западной Европы. Дѣйствительно, если сравнить печать Іоанна Грознаго съ современною сй печатью Польскою (1), то нельзя не удостовѣриться, что форма надписей и расположеніе областныхъ гербовъ представляютъ большое сходство. Какъ бы то ни было, печатями областей, помѣщенными вокругъ государственной печати, должно было объяснить титулъ Государя, здѣсь же написанный. Отъ того изображены вокругъ герба печати: Новгородскаго намѣстника, Царствъ Казанскаго и Астраханскаго, Псковская, Смоленская, Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская, Новагорода Низовскія земли и Черниговская. Подобно тому на Царскомъ серебряномъ тронѣ, на Царской посудѣ и другихъ вещахъ позднѣйшаго времени видимъ также вокругъ государственнаго герба изображенія областныхъ печатей (2). Но въ Государственной печати Царя Алексѣя Михайловича эти мелкія печати стянулись въ болѣе общія, и соотвѣтственно Государеву титулу были изображены съ правой стороны три крѣпости, каждая особой архитектуры, и надъ ними буквы В. М. Б.: это представительницы Великой, Малой и Бѣлой Россіи; а съ лѣвой также три крѣпости и надъ ними буквы В. З. и С., эмблемы восточныхъ, западныхъ и сѣверныхъ странъ. Въ дополненіе къ тому былъ изображенъ подъ орломъ знакъ отчича и дѣдича, который съ обѣихъ сторонъ охраняли вооруженные люди (3, Табл. XVI. рис. 3). По присоединеніи Малороссіи къ Царству Московскому на печати, назначенной

(1) Тамъ же, стр. 464.

(2) Древности Россійскаго Государства. Отд. II. № 79. Отд. V. № 42.

(3) Собр. Гос. Гр. Т. II, стр. 209.

для печатанія дѣлъ, до нея относившихся, подъ Государственнымъ орломъ, съ аттрибутами власти—скипетромъ и державою, положена на столѣ гетманская булава. Съ правой ея стороны стоитъ вѣроятно самъ гетманъ съ крестомъ въ рукѣ, съ другой стороны выступаетъ какое то важное лице, держащее знамя. За ними слѣдуетъ нѣсколько человѣкъ всѣ въ Малороссійскихъ парадныхъ костюмахъ. Нѣкоторые изъ спутниковъ гетмана и свидѣтелей возведенія его въ это званіе указываютъ на Царя, въ Московскомъ гербѣ, давая тѣмъ какъ будто знать, что онъ даруетъ гетману власть (¹).

Та же форма и тѣ же изображенія, какія мы видѣли на большой печати Царя Алексѣя Михайловича, сохранились на большихъ Государственныхъ печатяхъ Царя Θеодора Алексѣевича и первыхъ годовъ царствованія Петра Великаго. Гораздо полнѣе аттрибуты въ государственномъ гербѣ, приложенномъ къ дневнику иностранца Корба, бывшаго въ Россіи въ концѣ XVII вѣка: на персяхъ орла помѣщенъ Московскій гербъ, на правомъ крылѣ знамена Кіевское, Новгородское и Астраханское, а на лѣвомъ Владимірское, Казанское и Сибирское, а вокругъ всего герба на особыхъ щиткахъ двадцать шесть другихъ гербовъ областей и городовъ, упоминаемыхъ въ титулѣ Русскаго Царя, ему принадлежащихъ, равно какъ и тѣхъ областей, на которыя Россія имѣла притязаніе. (Табл. XVII).

Помѣщенные у Корба на крыльяхъ орла областные гербы, и въ томъ же порядкѣ перешли на Императорскую печать Петра Великаго: на однѣхъ печатяхъ въ особомъ ободочкѣ, въ другихъ на крыльяхъ орла помѣстились въ отдѣльныхъ щитахъ гербы главнѣйшихъ

(¹) Собр. Гос. Гр. IV, стр. 369.

городовъ, бывшихъ столицами Россіи, Кіева, Новагорода и Владиміра на Клязьмѣ, и трехъ Царствъ, присоединенныхъ къ Москвѣ—Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго. Какъ печати первыхъ, т. е. городовъ Русскихъ увѣнчаны коронами Императорскими, и Велико-Княжескими, такъ на гербахъ Царствъ стоятъ короны этихъ странъ (табл. XVIII, рис. 2 и 7).

Конечно, по мѣрѣ увеличенія предѣловъ Россіи должны были измѣняться и гербы, окружающіе двуглаваго орла: гербы городовъ, прежнихъ столицъ Княжествъ, уступили мѣсто гербамъ отдѣльныхъ Царствъ и Государствъ, присоединенныхъ къ Россіи, и хотя ихъ обыкновенное мѣсто было на крыльяхъ орла, какъ Московскаго на персяхъ его, тѣмъ не менѣе иногда дѣлались попытки размѣстить ихъ и иначе, но такія отступленія отъ обычнаго порядка удерживались недолго. Для примѣра указываемъ на монету Императрицы Екатерины II, 1769 года: на ней въ срединѣ представленъ государственный гербъ, безъ изображенія Московскаго знамени, а по сторонамъ, въ особыхъ щиткахъ, гербы Московскій, Сибирскій, Казанскій и Астраханскій (табл. XVI, рис. 7).

Въ настоящее время на правомъ крылѣ орла въ Государственномъ гербѣ помѣщаются три щита съ гербами Царствъ: Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго, и на лѣвомъ Царствъ Польскаго, Таврическаго и Великаго Княжества Финляндскаго. Въ большой же Государственной печати, сверхъ того, вокругъ щита гербы всѣхъ прочихъ губерній и областей ([1]).

Есть ли какая нибудь практическая польза для науки отъ такого подробнаго изученія исторіи Государственнаго герба? Имѣетъ ли оно какое нибудь отношеніе къ

([1]) Св. Зак. Основн. Т. I. (изд. 1842 г.) ст. 39.

археологіи и не есть ли это плодъ простаго любопытства? можетъ спросить насъ кто нибудь не близко знакомый съ дѣломъ. Оставляя въ сторонѣ, что все родное, пережившее вѣка, должно быть дорого и мило тому, кто любитъ свою родину, кто чтетъ ея святынею, мы думаемъ, что ошибки, такъ часто дѣлаемыя у насъ археологами при опредѣленіи времени, къ которому принадлежитъ тотъ или другой памятникъ, при отысканіи мѣста, которому онъ обязанъ своимъ существованіемъ, отчасти происходятъ отъ того, что археологія наша не постановила еще твердыхъ и непреложныхъ правилъ, когда гербъ изображался такъ или иначе, въ какихъ именно случаяхъ и когда Московская печать помѣщалась отдѣльно отъ двуглаваго орла и когда они слились, когда онъ сталъ держать въ назноктяхъ скипетръ и державу, съ какого времени начали его вѣнчать тремя коронами и т. д. А знать всѣ эти примѣты необходимо, потому, что Государи наши и даже частныя лица любили украшать домашнюю свою утварь, одежду, збрую, оружіе, пелены изображеніемъ орла. На вещахъ, особенно Государевой казны, не могъ не отразиться типъ, который преобладалъ на печати того или другаго правленія и составлялъ ея отличительную черту; напр. единорога въ Государственномъ гербѣ, видимъ на сѣкирахъ (въ Оружейной Палатѣ хранящихся), а на оборотной ихъ сторонѣ повторенъ двуглавый орелъ, на персяхъ его—ѣздецъ. Время, къ которому памятникъ этотъ принадлежитъ, можно опредѣлить по означенной примѣтѣ. Безусловно нельзя сѣкиръ этихъ приписывать царствованію Іоанна Грознаго, у котораго въ печати единорогъ былъ поставленъ одинъ, а оборотная сторона двуглаваго орла была безъ Московскаго *ѣздца*. Въ позднѣйшія только царствова-

нія единорогъ помѣщенъ на персяхъ орла въ печати. Потому за недостаткомъ другихъ данныхъ, которыя могли бы противиться этому предположенію, должно отнести сѣкиры къ концу XVI или началу XVII столѣтій. Это одинъ примѣръ, а подобные случаи могутъ встрѣчаться археологу часто, и за неимѣніемъ другихъ болѣе твердыхъ и положительныхъ свидѣтельствъ, форма орла и его аттрибуты даютъ вѣрное средство дойти до истины.

Любовь къ эмблеммѣ орла была такъ велика, что для украшенія ея ничего не жалѣли. Какъ часто на памятникахъ старины нашей вы видите вмѣсто коронъ драгоцѣнные камни, вмѣсто Московскаго герба чудное бурмицкое зерно, вмѣсто державы—огромный лалъ, имѣющій ея форму и т. д. Въ этомъ отношеніи конечно давалась полная воля воображенію художника, но основный типъ того времени, когда изготовлялся орелъ, былъ неприкосновененъ и всегда твердъ. Обстоятельство это, повторяемъ, важно для опредѣленія эпохи, къ которой должно отнести памятникъ; не менѣе важно другое обстоятельство, хотя кажущееся ничтожнымъ, но могущее въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказать немаловажную услугу при розысканіи мѣста, гдѣ сдѣлана вещь. Мы говоримъ о томъ, въ какую сторону обращенъ Московскій гербъ. По основному въ Геральдикѣ правилу, всякая живая фигура должна смотрѣть вправо, между тѣмъ у насъ въ гербѣ всадникъ на конѣ искони и всегда обращенъ въ лѣвую сторону, и конечно никакой Русскій художникъ безъ нужды не перемѣнилъ бы такого его положенія, а если на нѣкоторыхъ издѣліяхъ видепъ всадникъ, обращенный вправо, то можно навѣрное сказать, что это произведеніе не Русскаго мастера, а сдѣланное за границею, напр. на желѣзномъ кованномъ шишакѣ, вре-

менъ (какъ значится по описи) Царя Θеодора Іоанновича въ двуглавомъ орлѣ видимъ всадника на право и дѣйствительно онъ оказывается «Цесарскаго дѣла» (¹). Выше было уже замѣчено о печати Лжедимитрія съ такою же отличительною чертою. Подобныхъ примѣровъ много. Обращаемъ вниманіе на хранящійся въ Оружейной Палатѣ Царскій серебряный тронъ и на изображеніе рыцаря поверхъ сидѣнія: онъ въ латахъ, на конѣ, также поражаетъ дракона, и обращенъ вправо. Фигура его не оставляетъ никакого повода сомнѣваться въ иноземномъ происхожденіи этого замѣчательнаго памятника старины.

Не менѣе важна для науки исторія другихъ принадлежностей Русской Государственной печати. Мы переходимъ къ коронамъ.

§ 65.

Короны.

По общему правилу, въ Государственномъ гербѣ помѣщается та корона, которою Государь вѣнчается на Царство. Сообразно тому, корона Мономахова (табл. X, рис. 6), завѣщанная Византіею Русскому Царю,— корона, которой и по преданію и по значенію ея при Царскомъ вѣнчаніи оказывалось постоянное и особенное уваженіе, могла бы вѣнчать Русскаго орла. Но вмѣстѣ съ Византійскимъ гербомъ перешла въ намъ и корона, его вѣнчавшая, и въ первое время послѣ принятія этого символа она подвергалась небольшимъ лишь измѣненіямъ. Вообще на печатяхъ форма Велико-

---

(¹) Древн. Госуд. Росс. Отдѣл. III, № 18.

княжеской короны напоминаетъ собою вѣнцы, которые употребляются церковью нашею при совершеніи обряда бракосочетанія.

На каждой изъ главъ орла печати Іоанна III видимъ по такой зубчатой коронѣ сперва о семи, а потомъ о пяти шипахъ. (1) (табл. VI. рис. 4). Въ малыхъ печатяхъ Царя Іоанна Васильевича Грознаго и его ближайшихъ преемниковъ она состояла изъ трехъ листьевъ (2) (табл. XV. рис. 1), а на большой Государственной печати Грознаго, окруженной областными гербами, возвышается одна Великокняжеская корона, (табл. XV. рис. 6) въ которую вдѣланъ крестъ съ надписями по сторонамъ: Іс. Хс. (3). Корона эта такая же, какую видимъ на шлемѣ В. К. Александра Невскаго (4). (табл. X. рис. 1. 2.).

Три короны являются въ первый разъ на печати начала XVII столѣтія, правленія Лжедимитрія. Мы уже заявили свое убѣжденіе и доказательства, почему мы думаемъ, что печать эта сдѣлана за границею мастеромъ, не близко знакомымъ съ Россіею. Двѣ маленькія короны, покоющіяся на главахъ орла, совершенно такія же, какія на печати Іоанна IV Грознаго, но корона средняя, (табл. XVI. рис. 2) большая, есть королевская и прямо соотвѣтствуетъ тому титулу Imperator, который принялъ и употреблялъ мнимый сынъ Іоанна. — Но на другой, меньшей печати того же лица вмѣсто средней короны видимъ большой крестъ, который встрѣчается иногда на памятникахъ XVI и XVII столѣтій.

---

(1) Собр. Гос. Гр. I. стр. 347, 417, 453.
(2) Тамъ же, Т. II. стр. 65.
(3) Тамъ же, стр. 228.
(4) Древности Госуд. Росс. Отд. III. № 5.

Причина помѣщенія креста на коронѣ вполнѣ объясняется образомъ воззрѣнія Православнаго Государя на Св. Церковь. Высшее осѣненіе эмблеммы власти крестомъ есть идея не новая, и крестъ же возвышается на коронѣ Мономаховой, (табл. X. рис. 6). Еще яснѣе выразилась эта мысль на большой печати Іоанна Грознаго: кромѣ креста на его коронѣ въ особомъ щитѣ изображенъ еще другой крестъ, имѣющій съ боку копье и палицу съ надписью вокругъ: «древо даруетъ древнее достояніе». (Табл. XV. рис. 6). Выше была уже высказана нами и подтверждена фактами мысль, что въ Государственной печати ни одна черта небыла произвольна, и всякая въ ней эмблемма, всякая надпись была въ полномъ соотвѣтствіи съ титуломъ, который носилъ Государь и употреблялъ въ тѣхъ или другихъ случаяхъ по стародавнему обычаю. Мы полагаемъ поэтому, что и помѣщеніе креста въ гербѣ на печати Іоанна Грознаго не можетъ быть приписываемо ни случаю, ни произволу, а объясняется нововведеніемъ, сдѣланнымъ въ это царствованіе въ Государственномъ титулѣ; а именно вмѣсто прежняго выраженія: «*Божіею Милостью*», Іоаннъ IV начиналъ свое *Царское именованье* такъ: «Троіца пресущественная и пребожественная и преблагая, правовѣрующимъ въ Тя истиннымъ крестьяномъ дателю премудрости, преневѣдомый и пресвѣтлый и *крайній Верхъ* направи насъ на истину Твою и настави насъ на повелѣнія твоя, да возглаголемъ о людехъ твоихъ по волѣ твоей! Сего убо Бога нашего, въ Троицы славимаго, милостію и хотѣніемъ и благоволеніемъ удержахомъ скиѳетръ Россійскаго Царствія, мы Великій Государь и пр.» Другая формула была кратче: «Милосердія ради милости Бога нашего, въ нихъ же посѣти насъ востокъ свыше,

во еже направити ноги наша на путь миренъ, сего убо Бога нашего въ Троицѣ славимаго милостію, мы и пр. (1)».

Неразрывно съ тою же формою титула крестъ, вмѣсто средней короны, перешелъ на большія Государственныя печати Царей Өеодора Іоанновича (2), Лжедимитрія (3), у котораго кромѣ того по сторонамъ креста надписи: Царь славы Іс. Хр. ника, равно какъ на Государственную печать начала Царствованія Михаила Өедоровича (4) (табл. XVI. рис. 1), но съ 1625 г. велѣно было помѣстить вмѣсто креста среднюю корону, и съ этого года должно считать оффиціальное введеніе въ Государственномъ гербѣ трехъ коронъ (5).

Какъ при Царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ сложились и объяснены прочія части Государственнаго герба, такъ и три короны, которыя до нынѣ вѣнчаютъ Русскаго двуглаваго орла, продолжали постоянно употребляться въ царствованіе этого Государя, съ тѣмъ только, что форма ихъ стала подходить ближе къ шапкѣ Мономаха. (табл. XVI. рис. 3). Короны этѣ, по выраженію одного оффиціальнаго того времени памятника, знаменуютъ «три великія: Казанское, Астраханское и Сибирское славныя царства, покоряющіяся Богохранимой и высочайшей

(1) Наша статья: *«о титулѣ Русскихъ Государей»* въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. 1847 № 10. 11.

(2) Собр. Гос. Гр. и дог. Т. II стр. 101.

(3) Тамъ же, стр. 280.

(4) *Фридебура* Россійскій Царственный домъ Романовыхъ. 1852. Вып. 6.

(5) Собр. Гос. Гр. Т. III. стр. 277, отъ 1625 года, Апр. «что у прежней нашей печати были промежъ главъ орловыхъ слова, и нынѣ у новые нашіе печати словъ нѣтъ, а надъ главами у орла Коруна». (А. Арх. Экспед. III. № 162).

Его Царскаго Величества, Милостивѣйшаго нашего Государя, державѣ и повелѣнію (¹)».

Тѣ же короны остались безъ измѣненія и въ послѣдующія Царствованія до тѣхъ поръ, пока Петръ I не принялъ титула Императора (табл. XVI, рис. 3). Тогда Великокняжескія, Царскія короны замѣнены тремя, коронами Императорскими, которыя остаются въ Русскомъ Государственномъ гербѣ до настоящаго времени (табл. XVIII, рис. 2, 3, 7).

Судя строго, по коронамъ должно бы узнавать, къ какому времени относится тотъ или другой памятникъ, на которомъ осталось изображеніе этой любимой эмблемы, и иногда дѣйствительно можетъ быть полезнымъ знаніе, въ какое царствованіе начали изображать надъ двуглавымъ орломъ три короны, когда вмѣсто средней короны употреблялся крестъ, какую онъ имѣлъ форму и т. п. Знаніе всѣхъ этѣхъ примѣтъ важно даже для опредѣленія порядка, въ которомъ слѣдовали самыя печати, въ одно и тоже царствованіе употреблявшіяся; напр. печати Петра Великаго (табл. XVIII) отличаются одна короною Великокняжескою (табл. XVIII рис. 3), другая Королевскою (рис. 2) и третья Императорскою (рис. 7). Первыя двѣ должны быть старше послѣдней, которая исправила ошибку, допущенную во второй.

На издѣліяхъ и вообще памятникахъ не оффиціальныхъ короны имѣли форму самую разнообразную (табл. X, рис. 3, 4, 5), и такъ какъ въ нихъ не рѣдко отражался стиль короны чужеземной извѣстной эпохи, то мы думаемъ, что эта примѣта можетъ въ нѣкоторыхъ

(¹) Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. IV. стр. 209. Древн. Росс. Вивліоѳика. Т. XVI, стр. 118.

случаяхъ, за недостаткомъ другихъ болѣе положительныхъ свидѣтельствъ, заслуживать нѣкотораго вѣроятія и вести къ довольно правильнымъ предположеніямъ о времени, когда и о мѣстѣ, гдѣ издѣліе изготовлено.

§ 66.

3) Надписи вокругъ печати.

Въ этомъ отношеніи всего менѣе перемѣны произошло въ Государственномъ гербѣ въ сравненіи съ Велико-Княжескою печатью. Выше было уже замѣчено, что самая печать была въ сущности не иное что, какъ титулъ Государя въ эмблеммѣ, которая въ точности соотвѣтствовала пространству его власти и объему владѣній. Надпись вокругъ печати объясняла, какъ это было и прежде, чья она, какія области подчиняются Русскому Государю, и вообще соотвѣтствовала его титулу. Поэтому какъ титулъ бывалъ или полный и пространный, или краткій и малый, такъ и надпись вокругъ печати была или полная или сокращенная, и самыя печати сообразно тому носили названіе большой и малой. Конечно каждая изъ нихъ прикладывалась къ тѣмъ грамотамъ, гдѣ упоминался и соотвѣтственный царскій титулъ. Иначе нарушался бы законъ строгаго соотвѣтствія между титуломъ Государя въ грамотѣ и на печати.

Каждое правленіе должно было по необходимости имѣть свою печать, ибо измѣнялось имя Государя, и если у вновь вступившаго на престолъ Царя нѣсколько времени оставалась еще печать его предшественника, объ этомъ помѣщалось въ указѣ, который по тому случаю издавался. Но кромѣ того каждое увеличеніе титула

Государя не могло не повлечь за собою и передѣлки печати, о чемъ также извѣщалось во всеобщее свѣдѣніе; такъ въ 1625 г. Царь Михаилъ Ѳедоровичь, нашедши, «что на прежней печати Государьское титло описано было не полно», и потому на новой печати прибавлено: «*Самодержецъ*», равно какъ сдѣланы измѣненія въ изображеніи герба, предписываетъ, чтобы разныя грамоты, наказы, подорожнія печатались новою печатью и уважались не иначе, какъ въ такомъ видѣ (1).

Считая лишнимъ приводить всѣ надписи, или иначе говоря излагать исторію титула Русскихъ государей, (2) мы остановимся здѣсь только на тѣхъ, въ которыхъ выразилась какая нибудь отличительная черта.

На печати В. К. Іоанна Васильевича съ той стороны, на которой изображенъ Московскій гербъ, надпись: Іоаннъ Божіею Милостію Государь всея Русси Великій Князь, а съ другой, съ изображеніемъ Государственнаго Герба—Великій Князь Владимірскій, и Московскій, и Новгородскій и Псковской, Тверской, Югорской, Вятскій, Пермскій и Болгарскій (3) (табл. VI, рис. 4).

У В. К. Іоанна IV надпись на малой печати была кратче: съ одной стороны «Иванъ Божіею Милостію Господарь всея Руси», а съ другой «Великій Князь Володимерскій, Московскій, Новградьскій и иныхъ» (4); но за то большая печать, съ изображеніями гербовъ областей, къ Москвѣ присоединенныхъ, носитъ на себѣ дополненный въ слѣдствіе новыхъ завоеваній титулъ Царя Рус-

(1) А. Арх. Эксп. III. № 162.

(2) Ссылаемся на статью нашу *о Титулѣ Государей Русскихъ* въ Ж. М. Н. П. 1847 № 10 и 11.

(3) Собр. Гос. Гр. и Дог. I стр. 317. 448.

(4) Тамъ же, I стр. 453, 586. II, стр. 65.

скаго: «Бога въ Троицѣ славимаго милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всея Руси, Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій, и иныхъ Государствъ и Великій Князь Новагорода Низовскія земли, Черниговскій». (1) (Табл. XV, рис. 6).

На малой печати Царя Ѳеодора Іоанновича титулъ нѣсколько измѣнился: «Феодоръ Божіею милостію Царь Господарь всея Руси и Великій князь Владимерскій, Московскій и Новогородскій и Астраханскій (2)»; а въ большой его печати помѣщены всѣ безъ исключенія владѣнія, которыя не были даже упомянуты въ печати Іоанна Грознаго, ибо присоединены къ Москвѣ послѣ изготовленія Іоанновой печати. Чтобы не приводить весь этотъ огромный титулъ, обращаемъ вниманіе на конецъ надписи: . . . «и всея Сибирскіе земли и сѣверныя страны повелитель и многихъ земель Государь и обладатель (3)». Титулъ этотъ такъ обширенъ, что въ три строки едва умѣстился вокругъ обѣихъ сторонъ Государственной печати, носящей одно и тоже изображеніе—двуглаваго орла съ гербомъ Московскимъ на персяхъ.

Большая печать Лжедимитрія по надписи ничего замѣчательнаго не представляетъ (4); надпись же вокругъ малой кратка и должна значить: «*Дмитрій Ивановичъ Божьею милостью Царевичь Московскій.*»—(табл. XVI, рис. 2) (5).

(1) Тамъ же, II, стр. 228.

(2) Тамъ же, Т. I, стр. 596.

(3) Тамъ же, Т. II. стр. 101.

(4) Тамъ же, стр. 280.

(5) Тамъ же, стр. 162. На снимкѣ печати (таб. XVI, рис. 2) сохранена орѳографія подлинника.

Любопытно бы знать, какую надпись носила *земская печать*, замѣнявшая Государственную во время междуцарствія и упоминаемая въ грамотѣ, данной въ 1613 году боярину и воеводѣ Князю Дмитрію Тимоѳѣевичу Трубецкому на отчину Вагу отъ Россійскихъ архіереевъ и бояръ (1).

Государи благословеннаго дома Романовыхъ въ сущности не измѣнили надписи вокругъ своей печати. На малой печати Царя Михаила Ѳеодоровича, представляющей отдѣльно гербъ Московскій отъ двуглаваго орла, вокругъ перваго изображенія читаемъ: «Божією милостію Великій Государь Царь и Великій князь Михаилъ Ѳеодоровичь,» а вокругъ втораго: «всея Русіи Самодержецъ и многихъ Господарствъ Господарь и обладатель» (2).

Вокругъ печатей Царей Алексѣя Михайловича и Ѳеодора Алексѣевича надписи удерживаютъ тотъ же типъ, но титулъ обобщается и Государь называетъ себя: «Царемъ и Великимъ княземъ Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи, странъ Восточныхъ, Западныхъ и Сѣверныхъ отчичемъ и дѣдичемъ, Государемъ и обладателемъ (3)».

Впрочемъ эти общія выраженія, оставшіяся въ сущности безъ измѣненія какъ въ царствованіе Государя В. Князя Алексѣя Михайловича, такъ и въ послѣдующія

---

(1) Выписываемъ конецъ этой замѣчательной грамоты: «а на большее утвержденіе дали есмя сію грамоту въ Соборной и Апостольской церкви пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея успенія у чудотворнаго Ея образа Владимирскаго, еже написа Божественный Евангелистъ Лука и у многоцѣлебныхъ чудотворныхъ мощей Московскихъ чудотворецъ Петра и Іоны и руки свои есмя къ той грамотѣ приписали и *печать земскую привѣсили*, что быти крѣпко и стоятельно и непремѣнно на вѣки.» *Миллера* извѣстіе о дворянахъ Русскихъ. Спб. 1790. стр. 133.

(2) Тамъ же, Т. III, стр. 277.

(3) Тамъ же, Т. IV, стр. 253. 369.

правленія, въ подробностяхъ измѣнялись съ каждымъ новымъ пріобрѣтеніемъ, съ каждою побѣдою. Въ подтвержденіе приводимъ оффиціальное описаніе печатей Царя Алексѣя Михайловича съ подробнымъ означеніемъ того, въ чемъ заключалось различіе между ними.

Всѣхъ государственныхъ печатей, оставшихся въ Посольскомъ приказѣ отъ временъ Царя Алексѣя Михайловича, было девять. Большая государственная серебряная печать, сдѣланная по Андрусовскому перемирію «съ Государскимъ именованіемъ и съ короткими титлами.» Такая же точно оловянная печать, которая въ послѣдствіи передѣлана на имя Царя Ѳеодора Алексѣевича, пока новая печать не была сдѣлана. Далѣе печать большая съ стебелькомъ, серебряная, съ полнымъ титуломъ, но безъ выраженія *Бѣлой Россіи*, а прибавлено: «*Полоцкій, Витебскій, Мстиславскій*». Такая же печать, но съ прибавкою: «*Литовскій, Черниговскій, Полоцкій, Витебскій, Мстиславскій*». Еще печать, въ которой, въ сравненіи съ первою, нѣтъ: «*Бѣлой Россіи, Смоленскаго*,» а прибавлено: «*Черниговскій*».—На иной Государственной серебряной же печати, большой съ стебелькомъ, пропущено: *Великой, Малой, Бѣлой Россіи*, равно какъ: *Кіевскаго* и *Смоленскаго*, и кромѣ того въ началѣ поставлено *Владимірскій*, а *Московскій* послѣ. Наконецъ большая оловянная печать съ полнымъ титуломъ, въ которомъ прибавлено: *Литовскій, Волынскій, Подольскій, Полоцкій, Витебскій, Мстиславскій*» (1). Титулу, въ которомъ выражался объ-

---

(1) Указъ 1682 года Апр. 29 (№ 915) Имен. съ боярскимъ приговоромъ. Ср. въ XVI. Т. древн. Росс. Вивліоѳ. «Книгу, а въ ней собраніе, какъ въ прошлыхъ годѣхъ Великіе Государи, Цари и Великіе Князи Русскіе . . . . писали въ грамотахъ ко окрестнымъ Великимъ Государемъ Христіанскимъ и къ Мусульманскимъ и какими печатьми грамоты печатаны.» стр. 86—119. Рукописи Царскаго. М. 1848. стр. 652. 653.

емъ владѣній Русскаго Царя, измѣнявшихся въ XVI и XVII столѣтіяхъ такъ часто, въ слѣдствіе войнъ нашихъ съ Польшею, Швеціею, Ливоніею, въ слѣдствіе новыхъ пріобрѣтеній на Востокѣ: Царствъ Сибирскаго, Казанскаго и Астраханскаго, придавалось надлежащее значеніе, и въ указѣ Царя Алексѣя Михайловича 1667 г. (№ 421) *о титулѣ Царскомъ и о Государственной печати*, мысль о причинѣ измѣненій этихъ выразилась во всей полнотѣ. Въ этотъ (1667) годъ заключенъ Россіею Андрусовской договоръ, по которому къ ней возвратились *исконныя ея вотчины*—Малороссія и Смоленскъ, отторгнутыя отъ Русскаго скипетра въ дни внутреннихъ смутъ и войнъ съ Польшею. Такимъ образомъ плодомъ всѣхъ предыдущихъ завоеваній, всей предшествовавшей политики Московской представляется слѣдующая надпись на большой Государственной печати Царя Алексѣя Михайловича, равно какъ Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей: «Божіею милостію мы пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій Великій Государь и Великій Князь Петръ Алексѣевичь всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ: Московскій, Кіевскій, Владимерскій, Новгородскій, царь Казанскій, царь Астраханскій, и царь Сибирскій, Государь Псковскій, Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода низовскіе земли, Черниговскій, Рязанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій и всея Сѣверныя страны повелитель, и Государь Иверскія земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ Царей, и Кабардинскіе земли, Черкасскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ многихъ Государствъ и земель Восточныхъ и Западныхъ и Сѣверныхъ Отчичь и Дѣдичь и Наслѣдникъ и Государь и

Обладатель» (табл. XVI, рис. 3). На рисункѣ, Корбомъ въ его дневникѣ оставленномъ, всякое областное наименованіе олицетворено въ гербѣ. По этому вы находите здѣсь и armes de pretention, гербы Иверскій, Карталинскій, Черкасскій, Кабардинскій и Свейскій (табл. XVII).

Печати, сдѣланныя послѣ провозглашенія Петра 1-го Императоромъ, носятъ различныя надписи: «Петръ Алексѣевичь, Царь и Самодержецъ всероссійскій и всея сѣверныя страны повелитель», или: «Петръ первый Божіею Милостью царь и повелитель всероссійскій.» (Табл. XVIII, рис. 7) ([1]).

За тѣмъ въ каждое царствованіе измѣнялась печать въ той мѣрѣ, въ какой требовало того измѣненіе титула и имени Императора или Императрицы ([2]).

Но не раньше 1726 года опредѣлено въ какомъ полѣ быть какому изображенію въ Государственномъ гербѣ: указомъ этого года о приготовленіи золотой Государственной печати объяснено, чтобы орелъ съ распростертыми крыльями былъ въ желтомъ полѣ, а ѣздецъ въ красномъ ([3]).

§ 67.

Ненарушимость печати. Печатники, Оберегатели Государственной печати. Печатный приказъ.

Государственная печать, въ опредѣленной формѣ приложенная, свидѣтельствовала объ утвержденіи того или

([1]) Указъ 1721 г. Дек. 6 (№ 3864) Сенатскій.

([2]) 1725 г. Фев. 17 (№ 4657) Сенатск.; 1741 г. Ноября 25 (№ 8474) п. 12, 13. 1762 г. Іюня 28 (№ 11.583) Сен. Іюля 3 (№ 11.59) Сен. п. 4. 1799 г. Авг. 19 (№ 19.089) имен.

([3]) 1726 г. Марта 11 (№ 4850) Сенатскій.

другаго распоряженія Верховною властію, о дарованіи ею извѣстныхъ правъ, и потому какъ съ одной стороны форма печати, изображеніе и надписи на ней были тверды, какъ далѣе обычаемъ и закономъ было опредѣлено, къ какимъ актамъ, когда, какая печать прилагается, такъ съ другой стороны строгое наказаніе ждало каждаго, кто незаконно воспользовался бы довѣріемъ, соединеннымъ съ Государственною печатью и поддѣлалъ ее или приложилъ къ актамъ, мимо узаконенныхъ властей.

Уложеніе царя Алексѣя Михайловича установило смертную казнь для всякаго, кто или поддѣлаетъ Государственную печать или отнявъ печать отъ бумаги, къ которой она приложена, перенесетъ ее на «*воровскія и нарядныя*» грамоты (1). Съ одинаковою строгостью Петръ 1-й преслѣдовалъ поддѣлывателей Государственной печати: ихъ лишали живота и имѣнія (2). Послѣдующее законодательство наше видитъ въ поддѣлкѣ Государственной печати одно изъ тягчайшихъ преступленій и наказываетъ его самыми строгими мѣрами, соображаясь конечно съ степенью проявленія въ каждомъ частномъ случаѣ преступной воли лица и со вредомъ, Государству нанесеннымъ (3).

При такомъ уваженіи къ Государственной печати, которое ей по всѣмъ правамъ принадлежало, необходимо было лице или учрежденіе, которое бы наблюдало за правильнымъ приложеніемъ ея и вмѣстѣ съ тѣмъ охра-

---

(1) Уложеніе 1649 г. Гл. IV ст. 1, 2.

(2) Воинскіе артикулы 1716 г. Марта 30 (№ 3006) ст. 201. Морской Уст. 1720 г. Генв. 13 (№ 345) Кн. V. Гл. 18 ст. 136. Генер. Реглам. 1720 г. Февр. 28 (№ 3534) гл. 13.

(3) Св. Зак. Угол. Т XV (изд. 1842 г.) ст. 497, 498. Уголовн. Улож. 1845 г. ст. 323.

няло ея неприкосновенность, оберегало ее.—Для этой цѣли существовали въ древней Руси печатники, а въ послѣдствіи времени образовался печатный приказъ.

Первыя извѣстія о печатникѣ довольно древни и относятся къ половинѣ XIII столѣтія. Значеніе этого должностнаго лица объясняется тѣмъ, что въ древней Руси Великіе Князья сами не подписывали бумагъ: онѣ писались отъ имени Великаго Князя, а печатникъ утверждалъ ихъ печатью [1], надпись на которой ясно свидѣтельствовала, чья она. Приложеніе такой печати считалось достаточнымъ доказательствомъ согласія В. Князя на то или другое распоряженіе. Выраженіе: «а сесь списокъ велѣлъ есми подписати печатнику и печать свою приложилъ» [2], обыкновенно въ нашей древней оффиціальной перепискѣ. Очевидно, что къ лицу печатника Великій князь долженъ былъ питать неограниченное довѣріе, и потому тогда, когда должности на Руси еще не были строго разграничены, на печатника переносились нерѣдко обязанности, ему чуждыя, напр. Великій Князь поручалъ ему храненіе своихъ сокровищъ [3]. Вмѣстѣ съ другими государственными людьми и печатникъ призывался В. Княземъ къ совѣщанію въ особенно важныхъ случаяхъ, [4] далѣ онъ принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ [5] и т п. Тѣмъ не менѣе главною его обязанностью оставалось прикладывать къ разнымъ грамотамъ,

---

(1) *Успенскаго* Опытъ повѣствованія о древностяхъ Русскихъ Т. I стр. 162. Собр. лѣтоп. Т. II. стр. 179, 180.

(2) Собр. Гос. Грам. и дог. Т. I, стр. 304, 305, 416.

(3) Въ духовной грамотѣ В. Князя Іоанна Васильевича читаемъ: «а тѣ ларци стоятъ въ моей казнѣ у моего казначея . . . да у моего печатника.» Собр. Гос. Гр. 1 стр. 399 ср. 547.

(4) Тамъ же, стр. 549. Ср. Лѣтоп. Т. II, стр. 179.

(5) *Карамзинъ* И. Г. Р. Т. IV, стр. 15.

отпискамъ, судебнымъ актамъ и др. бумагамъ печати и сбирать за это установленныя пошлины (¹).

Въ печатники избирались лица *извѣданныя*, по выраженію знаменитаго печатника Ордына-Нащокина (²), *правотою и разумомъ:* личное довѣріе Государя опредѣляло выборъ этого приближеннаго къ нему лица. Поэтому въ запискѣ, составленной въ началѣ XVII столѣтія (1610—1613), о Царскомъ дворѣ, церковномъ чиноначаліи, придворныхъ чинахъ пр. и было упомянуто, что «печать большую держитъ, кому Государь пожалуетъ велитъ.» (³) И дѣйствительно въ правленіе Димитрія Іоанновича Донскаго былъ избранъ въ Велико-княжескіе духовники и печатники священникъ села коломенскаго Митяй, отличавшійся умомъ, познаніями, краснорѣчіемъ и другими качествами (⁴). Ему поручено было управленіе иностранными дѣлами, а высшія должности въ церковной іерархіи и наконецъ санъ Митрополита были наградою за дѣятельность Митяя на этомъ поприщѣ (⁵).

При В. Князѣ Іоаннѣ III печатникомъ былъ Юрій Траханіотъ, родомъ Грекъ, тотъ самый, который присланъ былъ къ нему отъ Кардинала Виссаріона съ предложеніемъ руки Софіи Ѳоминишны Палеологъ. Онъ, оставшись въ службѣ Велико-княжеской, неоднократно отправляемъ былъ съ важными порученіями, въ качествѣ посла, къ Цесарямъ Фридерику и Максимиліану 1-му (⁶).

(¹) А. Истор. Т. I № 153 ст. 42, 43, 44.

(²) *Терещенко.* Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностр. дѣлами въ Россіи. Т. I. Спб. 1837. стр. 60.

(³) А. Истор. Т. II, стр. 423.

(⁴) *Карамзинъ* V стр. 30.

(⁵) *Терещенко* въ о. м. стр. 3, 4.

(⁶) Тамъ же, стр. 5.

Случаи, въ которыхъ требовалось приложеніе Великокняжеской, царской, Государственной печати были такъ разнообразны, что для дѣятельности печатника трудно положить предѣлы. Его участіе было необходимо повсюду, но такъ какъ печатью же утверждались договоры съ иностранными Государями, то завѣдываніе посольскими дѣлами составляло одну изъ главныхъ обязанностей этого Государственнаго лица. Съ расширеніемъ дипломатическихъ сношеній Россіи являлась бо́льшая и бо́льшая потребность въ приготовленныхъ къ занятію этого мѣста лицахъ. Выборъ падалъ обыкновенно на дьяковъ, людей, вполнѣ преданныхъ Царю, бравшему ихъ по большей части изъ низшихъ классовъ общества, дьяковъ, отличавшихся своимъ образованіемъ и способностями. Сидя въ приказахъ, отправляясь въ посольства при боярахъ, присутствуя при пріемѣ иностранныхъ пословъ Русскимъ дворомъ, они пріобрѣтали практику, которая приготовляла ихъ къ званію думныхъ дьяковъ и печатниковъ. Царь и бояре не пренебрегали совѣтомъ этихъ опытныхъ и испытанныхъ людей. Исторія наша пока молчитъ объ Олмазѣ Ивановѣ, Грамотинѣ, о Лихачевѣ, о Щелкаловыхъ и др. думныхъ дьякахъ, которые тѣмъ не менѣе такъ успѣшно окончили не одну войну выгоднымъ для Россіи миромъ, сдѣлали не одно улучшеніе въ законодательствѣ и во внутреннемъ управленіи отечества нашего. Настанетъ время, когда Россія съ гордостью укажетъ на этихъ дѣльцевъ, на древнихъ дипломатовъ Московскаго двора.

При Іоаннѣ IV печатникомъ былъ Иванъ Михайловичь Висковатой, за нимъ слѣдовалъ Романъ Васильевичь Олферьевъ, но выше всѣхъ предыдущихъ были думные дьяки Андрей и Василій Яковлевичи Щелкаловы, которыхъ

встрѣчаем на дипломатическомъ, Государственномъ поприщѣ въ теченіе 60 лѣтъ при Іоаннѣ Грозномъ, Ѳеодорѣ Іоанновичѣ и Годуновѣ. Читая дипломатическія сношенія Россіи того времени убѣждаешься въ значеніи, которое имѣлъ у насъ въ этихъ случаяхъ печатникъ. Гонцы и послы прежде представленія своего Государю показывали грамоты печатнику, который опытнымъ своимъ взглядомъ рѣшалъ, въ какой степени они соотвѣтствуютъ достоинству Русскаго Царя, правильно-ли написанъ титулъ, «по пригожю ли и по-прежнему обычаю» привѣшена печать (а не приклеена) и т. п. (1). Его голосъ долженъ былъ рѣшить эти предварительные вопросы. Оффиціальныя свидѣтельства не оставляютъ никакого сомнѣнія, что печатникъ иногда и самъ велъ иностранную переписку конечно не по самымъ важнымъ дѣламъ и на его имя присылались отвѣты въ Посольскій приказъ (2). Кромѣ того иностранные торговые люди и промыслы ихъ были подвѣдомы тому же лицу, печатнику (3).

Думный дьякъ Андрей Щелкаловъ принималъ дѣятельное участіе въ переговорахъ, которые Царь Іоаннъ Васильевичь Грозный велъ съ Даніею и Литвою. — Самыя чувствительныя струны Московской дипломатіи были затронуты опроверженіями, которыя иностранные дворы представляли противъ притязаній Русскаго Царя, но печатникъ умѣлъ отстоять ихъ и внушить иностраннымъ посламъ уваженіе къ Русскому Государю. Англичане, которымъ Царь Іоаннъ Васильевичъ даровалъ ог-

(1) Памятники дипломатич. сношеній древн. Россіи Т. II, стр. 25—27, 284.

(2) Тамъ же, стр. 648.

(3) Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. II, стр. 151, 152.

ромныя торговыя привиллегіи въ Россіи, нашла себѣ въ Щелкаловѣ умнаго противника, понимавшаго всѣ невыгоды для Русскихъ торговыхъ людей, отъ такого предпочтенія проистекавшія. Не разъ пытались Англичане лишить царскаго довѣрія ненавистнаго для нихъ Щелкалова, но всѣ ихъ происки были безуспѣшны. Царь, уважая его способности и опытность, въ награду за его труды, даровалъ ему новый и лестный титулъ— *Ближняго Дьяка,* а по смерти Андрея Щелкалова (1595 г.) печатникомъ назначенъ братъ его Василій Щелкаловъ, и не было ни одного важнаго въ тогдашней Россіи событія, ни одного государственнаго предпріятія, которое бы обошлось безъ участія этого замѣчательнаго человѣка, а засѣдая въ Думѣ, Щелкаловъ своимъ значеніемъ и вліяніемъ на дѣла много содѣйствовалъ Борису Годунову въ возведеніи его на престолъ. Опасенія заставили Годунова удалить Щелкалова отъ дѣлъ; но Лжедимитрій, ссылаясь на Щелкаловыхъ, будто бы они спасли его отъ ярости Годунова и подмѣнили другимъ ребенкомъ, вызвалъ Андрея Щелкалова къ своему двору, возвратилъ ему прежній санъ и возвелъ въ окольничьи (¹).

По смерти Щелкалова посольскими дѣлами управляли дьяки: *Сутуновъ* и *Афонасій Власьевъ.* Послѣдній отличался гибкимъ умомъ, и за услуги, оказанныя Лжедимитрію при возведеніи его на Русскій престолъ, получилъ отъ него званіе *Великаго Секретаря и Надворнаго Подскарбія:* онъ принималъ постоянное участіе въ государственныхъ распоряженіяхъ Лжедимитрія.

По убіеніи Самозванца (1606 г.), Власьевъ былъ сосланъ на воеводство въ Уфу. При Царѣ Василіи Іоанно-

(¹) *Терещенко,* тамъ же, стр. 5—10.

вичѣ Шуйскомъ дѣлами посольскаго приказа занимались: посольскій дьякъ *Василій Телепневъ*, печатникъ и думный дьякъ *Федоръ Андросовъ*, потомъ въ товарищи къ нему поступилъ посольскій дьякъ Федоръ *Алексѣевичъ Третьяковъ*. Выше всѣхъ ихъ былъ печатникъ при Царѣ Михаилѣ Федоровичѣ, *Иванъ Тарасьевичъ Грамотинъ*. Онъ пользовался преимуществомъ (какъ извѣстно для происшедшихъ отъ лицъ небоярскаго званія важнымъ) писаться *вичемъ* (1) и принималъ участіе, какъ лице дѣйствующее, въ пріемѣ пословъ иностранныхъ державъ и переговорахъ съ ними (2). Но зависть очернила его въ глазахъ Государя: подкинуто было во дворецъ безъименное письмо, будто Грамотинъ носилъ волшебный перстень. Онъ былъ сосланъ въ Алатырь (1619 г.), откуда вызванъ обратно къ званію печатника въ 1634 году. По смерти его (1635 г.) вступилъ въ управленіе иностранными дѣлами думный дьякъ Михаилъ *Даниловъ*, а помощниками его были дьяки *Матюшкинъ* и *Лихачевъ*. Послѣдній, достигнувъ званія думнаго дьяка въ 1641 году, былъ утвержденъ въ должности печатника и начальника посольскаго приказа.

Федоръ Федоровичъ *Лихачевъ* (3), кромѣ участія въ дипломатическихъ сношеніяхъ Россіи съ другими государствами, встрѣчается въ качествѣ докладчика на соборѣ, бывшемъ при Царѣ Михаилѣ Федоровичѣ въ 1642 году, для разсужденія о томъ, должно ли удержать за Россіею Азовъ или отдать его обратно Туркамъ (4),

(1) А. Истор. III, стр. 329, № 185. Собр. Гос. Гр. II, стр. 480, 483.

(2) А. Истор. III, N 182, 185. А. Арх. Экспед. I, N 366.

(3) А. Истор. Т. III, № 219, 239.

(4) Собр. Гос. Гр. Т. III, стр. 378, 405. Ср. Древн. Россійская Вивл. Т. VI, стр. 247.

и кромѣ того председательствовалъ въ Новгородскомъ Приказѣ, гдѣ въ послѣдствіи времени ту же должность занималъ оберегатель Государственной печати Князь Василій Васильевичъ Голицынъ (¹).

Съ увольненіемъ Лихачева поступили на его мѣсто думный дьякъ *Григорій Львовъ*, за нимъ *Назаръ Ивановичъ Чистой*, подавшій поводъ преступнымъ своимъ корыстолюбіемъ къ мятежу въ Москвѣ, во время котораго онъ и былъ умерщвленъ (1648 года). Преемникомъ его былъ печатникъ *Олмазъ Ивановъ*, пользовавшійся за познанія и дѣятельность свою общимъ уваженіемъ (²).

Изъ списка лицъ, занимавшихъ у насъ должность печатниковъ, видно съ одной стороны, какъ разнообразны были ихъ занятія и какое важное вліяніе имѣли они на ходъ государственныхъ дѣлъ. При всемъ томъ непремѣнною обязанностью печатника оставалось приложеніе Государственной печати разной величины и въ разныхъ видахъ. Должность эта считалась необходимою и потому оставлена въ проектѣ устава, при Царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ составленномъ о служебномъ старшинствѣ бояръ. Въ замѣчательномъ этомъ памятникѣ печатникъ опредѣленъ такъ: «онъ всегда нашего Царскаго Величества имѣетъ на выѣ своей печать и дозирая печатаетъ наши Государскіе грамоты, чтобы въ нихъ не было ничего противно нашимъ Царскимъ законамъ» (³).

Съ расширеніемъ дипломатическихъ сношеній Россіи образовался *посольской приказъ*. Такъ какъ подъ надзо-

---

(¹) А. Арх. Экспед. Т. III, № 312, 314, 318. Т. IV, № 292. А. Истор. V, № 151 стр. 254.

(²) *Терещенко*. I, стр. 11—14.

(³) *Калачева* Архивъ историкоюридич. свѣдѣній, относящихся до Россіи. Т. I, М. 1850. Отд. II, стр. 34.

ромъ и вѣдѣніемъ его прилагалась Государственная печать къ разнаго рода трактатамъ и вообще дипломатическимъ бумагамъ, то въ этомъ же присутственномъ мѣстѣ были вѣдомы большая и малая Государственныя печати (1). Но кромѣ того посольскій же думный дьякъ вѣдалъ *печатный приказъ:* въ немъ собственно прикладывалась Государева печать къ разнаго рода грамотамъ и отпискамъ, которыя посылались въ города Московскаго Государства по Царскому указу или по челобитью частныхъ лицъ. Естественно, что этому же мѣсту былъ подвѣдомъ и сборъ пошлинъ за прикладываніе печати по положенію, подробно опредѣленному закономъ. По выраженію Котошихина, «бываетъ та печать у думнаго дьяка безпрестанно повѣшена на вороту и въ дому; а вырѣзано на той печати орелъ двоеглавой, въ середи Царь на конѣ побѣдилъ змія, около подпись Царская титла самая короткая, а величиною та печать будетъ немного больши ефимка Любскаго кругомъ» (2).

Со второй половины XVII столѣтія дипломатическія сношенія отечества нашего постоянно расширяются и касаются вопросовъ самыхъ живыхъ и важныхъ. Можетъ быть для того, чтобы придать большее значеніе лицу, стоявшему во главѣ управленія посольскими дѣлами, или чтобы сравнять его съ лицами, занимавшими ту же должность въ иностранныхъ государствахъ, Русскій Царь ставитъ подлѣ себя оберегателя Царственныя большія печати и Государственныхъ посольскихъ дѣлъ. Такой человѣкъ, какъ *Аѳонасій Лаврентьевичь Ордынъ-*

(1) *Котошихинъ*, стр. 69.

(2) *Катошихинъ*, стр. 90. *Карамзинъ* V, прим. 54: «того ради Митяй избравъ бысть изволеніемъ Великаго Князя во отъчество и въ печатники, иже на себѣ ношаше печать Князя Великаго».

Нащокинъ, не могъ не оправдать Царскаго выбора, пототъ геніальный дипломатъ охранялъ выгоды Россіи и политику двора Московскаго много лѣтъ.

Переговоры его съ Даніею и Швеціею о предѣлахъ Россійскихъ владѣній и о титулѣ, который долженъ принадлежать Русскому Царю: «Литовскій и Бѣлыя Россіи и Повелитель Востока, Запада и Сѣвера» обнаруживаютъ въ немъ тонкаго и вмѣстѣ съ тѣмъ твердаго Государственнаго человѣка, неотступавшаго до послѣдней крайности отъ притязаній, на законномъ правѣ основанныхъ. Но незабвенны для каждаго Русскаго должны быть заслуги Ордына-Нащокина при заключеніи имъ Андрусовскаго съ Польшею мира (1667 г.): Русской Державѣ возвращены были владѣнія, принадлежавшія ей со временъ Владиміра Святаго,—владѣнія, безъ которыхъ Россія не могла считать сердца своего Москвы обезпеченнымъ отъ непріятельскихъ нападеній и за которыя было пролито столько крови. Смоленское Княжество, Сѣверія, вся Украйна на восточной сторонѣ Днѣпра, Кіевъ съ окрестностями и вся Малороссія округлили Россію и придали ей то могущество, которымъ она до тѣхъ поръ не пользовалась. Самъ Царь Алексѣй Михайловичъ, успокоившись отъ внѣшней борьбы, началъ заботиться о направленіи огромныхъ силъ Россіи къ благой цѣли. Петръ Великій довершилъ начатое мудрымъ Его родителемъ.

Чинъ *ближняго боярина* и *дворецкаго* былъ наградою для Ордына-Нащокина за его государственную дѣятельность, но клевета не пощадила и его. Нащокинъ удалился въ *Крыпецкій* (близъ Пскова) монастырь, откуда онъ, инокъ, еще разъ былъ вызываемъ по случаю переговоровъ съ Польшею о продолженіи Андрусовскаго мира.

Счастливый успѣхъ увѣнчалъ и это послѣднее дѣло его, по окончаніи котораго онъ снова удалился въ монастырь, гдѣ и предался своимъ обязанностямъ къ Богу и Церкви. Но и здѣсь Царь совѣтовался съ нимъ нерѣдко о политическихъ дѣлахъ.

Въ 1680 году скончался этотъ замѣчательный человѣкъ, и бюстъ его, поставленный на фронтонѣ Оружейной Палаты, свидѣтельствуетъ объ уваженіи, которымъ почтили его соотечественники (1).

Когда Ордынъ-Нащокинъ уклонился отъ службы, въ преемники ему избранъ *Артамонъ Сергѣевичь Матвѣевъ* съ тѣмъ же титуломъ, который былъ пожалованъ его предшественнику. Молодость свою Матвѣевъ провелъ при дворѣ и въ военной службѣ. Особенно отличился онъ при переговорахъ съ Запорожскимъ Гетманомъ Хмѣльницкимъ (1653 г.), и по изъявленіи Малороссіею желанія присоединиться къ державѣ великаго Царя Русскаго, Матвѣевъ былъ отправленъ въ Чигиринъ, столицу Малороссійскихъ казаковъ, съ объявленіемъ, что Царь соизволяетъ на просьбу Малороссіи и ея гетмана. Это, можно сказать, было началомъ дипломатическаго поприща Матвѣева, но не менѣе удачно дѣйствовалъ онъ и мечемъ противъ Поляковъ, нежелавшихъ безъ боя уступить намъ Украйну. По ближайшему знакомству его съ дѣлами Малороссіи, ему порученъ въ управленіе Малороссійскій приказъ. Быстрое возвышеніе его въ 1671 г. въ думные дворяне доказываетъ, въ какой мѣрѣ Царь былъ доволенъ его дѣятельностью. Въ это то время онъ назначенъ въ должность оберегателя Царскія большія печати съ порученіемъ управлять Посольскимъ прика-

(1) *Терещенко*, Т. 1, стр. 27—68

зомъ, который при немъ переименованъ *въ Государственный приказъ посольской печати.* Тогда открылось для Матвѣева широкое поприще государственной дѣятельности, на которомъ онъ неоднократно имѣлъ случай оправдать довѣріе къ нему Царя и отстоять честь и достоинство Русскаго имени. Дипломатическія сношенія съ Польшею и Швеціею укрѣпили прежде заключенные съ ними договоры и упрочили неприкосновенность отечества нашего съ этой стороны, а договоръ съ Черкесскимъ Княземъ Касбулатомъ Муцаловичемъ послужилъ къ охраненію южныхъ предѣловъ Россіи отъ грабежей Крымскихъ Татаръ. Кромѣ того Матвѣевъ съ пользою управлялъ обширнѣйшимъ Новгородскимъ приказомъ и во всѣхъ подвѣдомственныхъ этому учрежденію областяхъ и городахъ возбуждалъ промышленость и торговлю.

Заслуги Матвѣева были награждены въ 1672 году званіемъ окольничаго, а въ 1674 году онъ почтенъ чиномъ боярина и дворецкаго съ титуломъ Серпуховскаго намѣстника; но съ кончиною Царя Алексѣя Михайловича измѣнилось положеніе и Матвѣева: его обвинили въ любостяжаніи, волшебствѣ и чернокнижничествѣ. Въ слѣдствіе того онъ удаленъ отъ двора и посланъ на воеводство въ Верхотурье, но на дорогѣ остановленъ и отправленъ въ ссылку въ Пустозерскъ. Здѣсь онъ подвергался безчисленнымъ лишеніямъ и оскорбленіямъ, и хотя ему суждено было услышать о своемъ возвращеніи въ Москву въ послѣдніе дни правленія Царя Ѳеодора, но и возвращеніе его было, какъ будто, необходимо только для того, чтобы смертью запечатлѣть свою преданность Россіи и ея Государямъ.—Въ 1682 году онъ убитъ во время мятежа стрѣльцовъ, защищая Царицу отъ бунтовщиковъ. Та-

кимъ образомъ всю жизнь до послѣдней минуты Матвѣева одушевляло исполненіе священнаго долга ([1]).

Преемникомъ его былъ ближній бояринъ и намѣстникъ Обдорскій *Василій Семеновичъ Волынскій;* но во время стрѣлецкаго бунта онъ отказался отъ управленія Посольскимъ Приказомъ. Уѣзжая, онъ тогда же возвратилъ носимую имъ на шеѣ царскую серебряную печать. Она доднесь хранится въ Главномъ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. На лицевой сторонѣ ея изображенъ воинъ на конѣ, пронзающій копіемъ дракона и вокругъ подпись: «Божіею милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Өеодоръ Алексѣевичь, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ и многихъ господарствъ Государь и обладатель». Оборотная сторона печати гладкая ([2]).

Въ 1682 г. Ближній бояринъ Князь Василій Васильевичь Голицынъ пожалованъ въ санъ: «Царственныя большія печати и Государственныхъ великихъ дѣлъ оберегателя» ([3]). Молодость свою онъ провелъ, подобно Матвѣеву, на военномъ поприщѣ въ дѣйствіяхъ противъ Запорожцевъ и Поляковъ. Ему же было поручено Царемъ Өеодоромъ Алексѣевичемъ войти въ подробное разсмотрѣніе состоянія Русскаго войска и найти средства для того, чтобы оно въ нуждѣ могло дѣйствовать

([1]) Біографія Матвѣева, довольно подробная, но, къ сожалѣнію, безъ должной оцѣнки его дипломатическаго поприща, написана покойнымъ Малиновскимъ и напечатана въ 7-мъ Томѣ Трудовъ и Лѣтописей Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. 1837 стр. 57. Полнѣе у *Терещенко* Т. I, стр. 71—120. Ср. Павла *Львова* — Бояринъ Матвѣевъ. Спб. 1815 г.

([2]) Лѣтоп. и труды Московскаго Общества Исторіи и древн. Росс. Т. VII, стр. 67. *Терещенко* Т. I, стр. 123—130.

Собр. Госуд. Грам. и Дог. IV. 164.

успѣшнѣе. Князь Василій Васильевичъ донесъ, что этого усовершенствованія можно достигнуть не иначе, какъ съ уничтоженіемъ мѣстничества. Высшій совѣтъ духовенства и бояръ, убѣдясь, согласно волѣ Царя, во вредѣ, отъ мѣстничества проистекавшемъ, рѣшилъ сжечь «*случаи съ мѣсты, чтобы у всякихъ дѣлъ быть всѣмъ межъ себя безъ мѣстъ*». Событіе это важно въ исторіи геральдики нашей, какъ начало, когда выѣзжіе роды, вмѣстѣ съ своими родословными, стали представлять и доказательства о томъ, что имъ издавна принадлежатъ извѣстные гербы: въ наведеніи справокъ, описаніи и утвержденіи гербовъ видно особенное участіе Князя Василія Васильевича Голицына.

По смерти Царя Ѳеодора Алексѣевича, Правительница Россіи Софія Алексѣевна пожаловала князя Голицына, какъ ближайшаго къ ней человѣка, въ оберегатели Государственной печати, и въ теченіе семи лѣтъ онъ былъ высшимъ сановникомъ въ Государствѣ. Не обинуясь можно сказать, что всѣ распоряженія, усовершенствованья и нововведенія, сдѣланныя у насъ въ эту эпоху, или задуманы или исполнены имъ (¹). Рядъ трактатовъ съ сосѣдними державами служитъ доказательствомъ политическихъ свѣдѣній Голицына, но, къ сожалѣнію, имя его помрачается съ одной стороны отзывомъ современниковъ о приверженности, оказанной имъ къ Швеціи, которая въ бѣдственныя времена отторгла отъ Россіи Лифляндію, Ингрію и Карелію со всѣми городами

(¹) Біографія Кн. В. В. Голицына написана покойнымъ Малиновскимъ въ VII. Т. Лѣтописей и Трудовъ Московск. Общ. Исторіи и Древн. Росс. стр. 68—85. Собр. Госуд. Грам. и Дог. Т. IV. стр. 519. Временникъ Моск. Общ. Ист. и древн. Росс. Т. V. Смѣсь стр. 1—10. Древн. Росс. Вивліоѳ. Т. XVII. стр. 208, 209. Терещенко Т. I. стр. 131—178.

и портами въ Балтійскомъ морѣ, съ другой дѣйствіями его вмѣстѣ съ Великою Княжною Софьею Алексѣевною противъ Петра, равно какъ походомъ князя Голицына на Поляковъ, походомъ, за который такъ щедро награжденъ самъ оберегатель Государственной печати и его сподвижники. Неудачный походъ на Крымъ и подозрѣніе въ участіи въ заговорѣ Шакловитаго совершенно уронили Князя Василія Васильевича Голицына въ глазахъ Царя Петра Алексѣевича. Онъ былъ лишенъ «чести боярства», сосланъ въ ссылку, а «помѣстья и вотчины и дворы Московскіе и животы описаны и розданы въ раздачу».

На этомъ оберегателѣ Государственной печати должна остановиться исторія печатниковъ, какъ людей, соединявшихъ въ своемъ лицѣ съ большимъ знаніемъ дѣла и извѣданною опытностью огромное вліяніе на внѣшнія и на внутреннія дѣла Россіи. При Петрѣ Великомъ прежній порядокъ вещей измѣненъ и въ этомъ отношеніи. Древній посольскій приказъ переименованъ въ Посольскую Канцелярію, президентомъ которой назначенъ Графъ Ѳеодоръ Алексѣевичь Головинъ (1), печатному же приказу было вѣрено съ одной стороны печатаніе грамотъ, указовъ и разнаго рода отписокъ, а съ другой сборъ за приложеніе печати опредѣленныхъ пошлинъ. Обязанность эта оставалась за печатнымъ приказомъ, не смотря на всѣ измѣненія въ лицахъ и значеніи печатниковъ, и въ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича, съ особенною подробностью, обозначены случаи, когда приложеніе печати необходимо и какіе за это назначены сборы (2). Если въ разное время и по различнымъ случаи-

(1) *Терещенко*, тамъ же, стр. 182 сл.

(2) Улож. Гл. XVIII. ст. 6. 8. 9. 16. 54. 70. 71.

нымъ обстоятельствамъ были дѣлаемы изъятія въ пользу грамотъ, исходившихъ изъ приказовъ земскаго [1], изъ приказной избы города Ярослава [2], для которой велѣно было изготовить особую печать съ гербомъ Ярославскимъ, изъ приказовъ Сибирскихъ и вообще по дѣламъ, до Сибирскаго царства касавшимся [3], если далѣе было разрѣшено бурмистрамъ и ратушѣ имѣть особыя печати, и прикладывать ихъ къ бумагамъ, а именно: первымъ съ изображеніемъ вѣсовъ [4], а второй, т. е. Ратушѣ «вѣсовъ изъ облака въ держащей рукѣ, да зрительнаго ока, а кругомъ надписи: правда на нюже око державствующаго зритъ» [5]: то это не болѣе, какъ случайныя изъятія, нисколько неизмѣнявшія общаго правила, котораго сила и возстановлена Петромъ Великимъ. Въ 1699 г. Царь повелѣлъ отобрать печати изъ приказовъ, а всякія крѣпости, акты и другія бумаги, выдаваемыя изъ присутственныхъ мѣстъ частнымъ лицамъ не печатать ни въ какомъ приказѣ, кромѣ печатнаго. Такимъ образомъ весь сборъ печатныхъ пошлинъ сосредоточивался въ одномъ печатномъ приказѣ, а онъ-то именно и представлялъ Государю о недоборѣ печатныхъ пошлинъ противъ прежняго и объ ущербѣ, вслѣдствіе того для Государства происшедшемъ [6].

Изъ городовъ пошлины этого рода также присылаемы были въ печатный приказъ и онъ представлялъ отъ себя отчетъ по установленному порядку [7].

---

(1) Указъ 1676 г. Окт. 22 (№ 665) имен.

(2) 1692 г. Іюля 18 (№ 1444) имен.

(3) 1696 г. Декаб. 9 (№ 1559) имен.

(4) 1699 г. Сент. 1 (№ 1696) имен.

(5) 1699 г. Ноября 17 (№ 1719) имен.

(6) 1699 г. Декабря 5 (№) 1727) имен.

(7) 1699 г. Дек. 5 (№ 1728) имен.

По учрежденіи Петромъ Великимъ Коллегіи и Сената, Государственную печать повелѣно хранить въ Сенатѣ «у особаго человѣка», а пошлины за приложеніе ея сбирать въ тѣхъ же мѣстахъ и тѣмъ же лицамъ, которыя сбираютъ ихъ съ другихъ дѣлъ (1). Затѣмъ велѣно, по Генеральному Регламенту, имѣть въ Коллегіяхъ особыя печати съ изображеніемъ царскаго герба и съ надписаніемъ званія каждой Коллегіи. Въ послѣдствіи времени то же правило распространено на другія правительственныя и судебныя мѣста губернскія, съ тѣмъ только различіемъ, что на послѣднихъ печатяхъ долженъ быть изображаемъ не Государственный, а городской гербъ (2). Такими печатями печатались дѣла каждой Коллегіи и о храненіи печати предписаны Регламентомъ особыя твердыя правила (3); но указы и промеморіи, которыя исходили изъ Коллегіи, могли быть отправляемы не иначе, какъ за печатью, которая хранилась въ печатномъ приказѣ (4), а съ 1723 г. въ печатной конторѣ. Сюда же, по прежнему, (5) стекались изъ провинціи всѣ счеты о печатныхъ пошлинахъ (6). Печать эта была золотая (7) съ Государственнымъ гербомъ и вокругъ титулъ краткій (при Императрицѣ Екатеринѣ 1-й—«Божіею милостію Екатерина Императрица и Самодержица Всероссійская) (8)».

---

(1) 1718 г. Дек. 10 (№ 3252).

(2) 1724 г. Августа 10 (№ 4552)

(3) 1720 г. Февр. 28 (№ 3534) гл. 13. 1724 г. Авг. 10 (№ 4552) Сенатскій.

(4) 1821 г, Мая 22 (№ 3789) Сен. Ср. 1747 г. Апр. 2 (№ 9388) Сен.

(5) 1723 г. Ноября 12 (№ 4359) Сенатск. Ср. 1730 г. Нояб. 26 (№ 5649) Сен.

(6) 1734 г. Окт. 4 (№ 6633). 1735 г. Іюля 11 (№ 6769) Сенатскіе.

(7) Печать была золотая, ибо стальная отъ мокроты ржавѣла. 1732 г. Февр. 28 (№ 5967).

(8) 1726 г. Марта 11 (№ 4850) Сенатск. Ср. 1732 г. Іюня 21 (№ 6101) Сенатск. 1732 Февр. 28 (№ 5967) Сен.

Въ Царствованіе Императрицы Екатерины II печатныя конторы одна въ Москвѣ, а другая при Сенатѣ въ С.-Петербургѣ уничтожены, ибо усмотрѣно, что приложеніе печати не самими присутственными мѣстами, гдѣ дѣло производится, причиняло только напрасную проволочку. Сдѣлать эту перемѣну было тѣмъ возможнѣе, что въ другихъ городахъ, гдѣ не было печатныхъ конторъ, тѣмъ не менѣе прикладывались печати и сбирались за то пошлины. По этимъ уваженіямъ велѣно было каждому присутственному мѣсту посылать указы, выдавать копіи и т. п. за своими печатями и сбирать за то пошлины, дѣла же печатныхъ конторъ, для храненія и для справокъ, велѣно слать въ Государственный Архивъ (¹).

Введенный такимъ образомъ порядокъ, т. е. что государственныя учрежденія и всѣ присутственныя мѣста имѣютъ свои особыя печати, и что въ печатяхъ первыхъ изображается государственный гербъ, а вторыхъ губернскіе гербы тѣхъ губерній, въ которыхъ они учреждены, остается безъ измѣненія до настоящаго времени; Государственная же печать хранится нынѣ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ.

§ 68.

Частныя печати Государей и гербы въ печатяхъ членовъ Государева семейства.

Сравнивая печати на различныхъ памятникахъ древней нашей письменности, изслѣдователь доходитъ до убѣжденія, что Государственная печать прикладывалась только къ бумагамъ государственнымъ и вообще оффиціальнымъ, другія же отписки, разнаго рода письма, на-

(¹) 1763 г. Декабря 15 (№ 11989) Маниф. п. 18.

ставленія и иныя бумаги, отъ лица Государя исходившія, утверждались его частною перстневою печатью. Такое различіе было существеннымъ. Въ доказательство считаемъ достаточнымъ привести слѣдующіе примѣры изъ времень царскихъ, когда слѣд. Государственный гербъ сталъ принимать твердую геральдическую форму. Примѣры эти мы заимствуемъ изъ неизданныхъ грамотъ, въ Императорской Публичной Библіотекѣ хранящихся.—На грамотѣ Іоанна IV-го (1581 г. № рукописей 250) въ Ростовъ о сборѣ податей съ сельца Юрцова приклеена печать чернаго воска, съ изображеніемъ обращеннаго въ лѣво единорога съ поднятымъ хвостомъ. Другая, также частная, печать Царя съ изображеніемъ, которое трудно разобрать, сохранилась на грамотѣ того же государя въ Кирилловъ монастырь о богослуженіи 1584 г. (№ 253).

Обстоятельство это, т. е. что къ грамотѣ приложена не Государственная печать, означалось иногда въ самой отпискѣ; такъ два посланія Царя Іоанна Васильевича 1584 г. въ КириллоБѣлозерскій монастырь, въ которыхъ Государь проситъ, чтобы братія «соборне и по кельямъ» молилась Богу о прощеніи его грѣховъ и «объ избавленіи отъ недуга смертнаго», оканчиваются выраженіемъ: «а сю есмя грамоту печаталъ своимъ перстьнемъ (¹)».

Далѣе на сохранившейся отъ 1636 г. Іюня 23 подлинной грамотѣ Царя Михаила Θеодоровича строителю Павловскаго монастыря о безпорядкахъ въ монастырѣ видна черновосковая печать, также съ изображеніемъ единорога и надписью. Послѣдняя къ сожалѣнію оттиснулась не вся, но по оставшимся буквамъ, можно

(¹) А. Истор. I № 214 Исторія Россійской іерархіи Т. IV стр. 479—481.

догадываться, что на ней было написано: *Господарь*, вѣроятно краткій титулъ Царя.

Чѣмъ объяснить такое предпочтеніе, единорогу оказываемое? Изображеніе его замѣняло у насъ иногда (какъ мы это уже видѣли выше) Московскій гербъ въ Государственной печати временъ Грознаго (на печати 1571 года), на печати большаго дворца при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, на золотыхъ монетахъ Іоанна IV и Ѳеодора Іоанновича, равно какъ на золотой и серебряныхъ монетахъ Дмитрія Самозванца, и даже на печати и монетахъ Царя Алексѣя Михайловича, хотя на оборотной сторонѣ повторялся нерѣдко тотъ же орелъ съ гербомъ Московскимъ (¹). Единорогъ былъ вообще однимъ изъ любимыхъ звѣрей, которыхъ избирали художники для украшеній, для эмблеммъ. Нерѣдко изображался онъ вмѣстѣ со львомъ. Они встрѣчаются на державѣ Мономаховой, на древнихъ Царскихъ саадакахъ и топорахъ, на тронахъ, сѣдлахъ, оконныхъ наличникахъ и т. п. (²). Цари наши, проникнутые идеями библейскими, не хотѣли ли представить въ символическомъ образѣ своихъ побѣдъ, руководствуясь изреченіями псалма 91: «и вознесется яко единорога рогъ мой», и апокал. (V. 5): «се побѣдилъ есть левъ (³)»?

У Петра Великаго было также нѣсколько частныхъ печатей, для личной, кабинетной переписки назначенныхъ. Первою по времени печатью этого рода считается

(¹) Указъ 1682 г. Апр. 20 (№ 915). Записки Археол. Общества Т. III. Статья Князя Долгорукова: Описаніе неизданныхъ Русскихъ монетъ, стр. 46, 47, 48.

(²) Достопамятности Москвы. М. 1815 стр. 36. Древности Россійскаго Государства Отд. IV стр. 114.

(³) *Снегирева* статья въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1853 г. № 69 стр. 707.

хранившаяся прежде въ Императорской Академіи Наукъ, и нынѣ находящаяся въ Эрмитажѣ. Эго перстень, сдѣланный изъ золота, украшенный черною эмалью и превосходнымъ четыреугольнымъ смарагдомъ, на которомъ изображенъ Петръ Великій въ полномъ царскомъ одѣяніи: въ коронѣ, съ скипетромъ и державою, а вокругъ надпись *Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичь всея Россіи* (табл XVIII, рис. 5) (1). Царь представленъ сидящимъ на невысокомъ креслѣ и ногою упирается на скамеечку. Судя по лицу, видно, что онъ изображенъ въ юношескомъ возрастѣ, и потому должно полагать, что печать эта сдѣлана вскорѣ послѣ восшествія Петра на престолъ.

Печать съ этимъ изображеніемъ во всякомъ случаѣ старше другой также частной, кабинетной печати Петра Великаго, которою Онъ печаталъ письма къ членамъ Царской фамиліи и другимъ знатнымъ лицамъ. Не знаешь, что въ ней выше: красота ли изображенія, или та идея, которую художникъ (2) хотѣлъ осуществить. Россія—Имперія, представленная въ видѣ благообразной жены съ ниспадающими на плеча волосами, стоитъ въ порфирѣ, подбитой горностаемъ и закована въ латы. На главѣ у нея корона, въ правой рукѣ скипетръ, въ лѣвой держава. Всѣ части этого прелестнаго бюста окончательно отдѣланы; остается въ грубомъ видѣ одна только

---

(1) Черта подъ печатью на рисункѣ означаетъ ея величину въ подлинникѣ.

(2) По изустному преданію, печать эта была вырѣзана самимъ Петромъ Великимъ. Между тѣмъ въ Московской Оружейной Палатѣ сохранились попоны, которыми были покрыты лошади, подведенныя Государю въ подарокъ отъ Меньшикова, и на попонахъ этихъ вышита таже эмблемма, какъ и на описываемой печати. Кому принадлежитъ идея, такъ вѣрно выполненная?

нога, которую вѣнценосный художникъ и работникъ, самъ Царь, въ порфирѣ и коронѣ, отдѣлываетъ молотомъ съ большимъ усиліемъ. Все это дѣйствіе происходитъ на берегу Невы, по которой плыветъ заморскій корабль, а съ правой стороны возвышается храмъ славы, на которомъ сидитъ сова,—символъ прозорливости и мудрости. При помощи Бога (Adjuvante Jehova) густыя облака невѣжества разсѣеваются отъ лучей просвѣщенія, и заботы Царственнаго труженика увѣнчаны успѣхомъ (табл. XVIII, рис. 6) (1).

То же начало, т. е. что печатью съ Государственнымъ гербомъ запечатывались однѣ оффиціальныя бумаги, должно было опредѣлить: кто изъ членовъ Государева дома могъ имѣть право на Государственный гербъ? Сынъ его, наслѣдникъ престола, и супруга Царя. Какъ первый, обыкновенно въ юности еще, начиналъ принимать участіе въ государственныхъ распоряженіяхъ своего родителя, какъ имя его не рѣдко помѣщалось въ указахъ рядомъ съ именемъ Царя, такъ и супруга Государя необходимо раздѣляла права Царя на гербъ. Сравните для образца печати сыновей В. Князя Іоанна III, Василія Ивановича, преемника своего родителя, и брата его Юрія Ивановича на договорной ихъ грамотѣ 1504 года. У перваго изъ нихъ точно такая же печать, какъ у В. К. Іоанна III, т. е. съ одной стороны орелъ, а съ другой всадникъ на конѣ, и вокругъ надпись: «*Князь Великій Василій Ивановичь*», а у втораго видимъ изображеніе воина, который колетъ копьемъ львиную голову, между тѣмъ какъ собака бросается на нее. Вокругъ этого эмблемма-

(1) *Тромонина*. Очерки лучшихъ произведеній живописи, гравированія, ваянія и зодчества. М. Т. I, 1839, стр. 74.

тическаго изображенія надпись: «*Князь Юрій Ивановичь сынъ Великаго Князя* (1)».

Что касается до печатей Царицъ и Великихъ Княгинь, то достаточно указать на сохранившуюся въ Оружейной Палатѣ печать: она неправильно продолговатой формы, имѣетъ изображеніе двуглаваго орла, двумя коронами вѣнчаннаго (безъ Московскаго герба), и вокругъ надпись: «*Царицы и Великія Княгини Марьи печать*» (табл. XVIII, рис. 4). Она приписывается второй супругѣ Царя Іоанна Васильевича Грознаго Маріи Темрюковнѣ. На печати Марины Мнишекъ, жены Лжедимитрія (какъ можно заключить изъ того, что печать эта находится подъ ея отпискою), двуглавый орелъ коронованъ двумя коронами, а на персяхъ его, вмѣсто Московскаго герба, изображеніе цвѣтка, въ родѣ лиліи (2) (XVI, табл. рис. 4).

У прочихъ лицъ Государева дома печати были именныя или съ изображеніями Святыхъ, по имени которыхъ они назывались, или, наконецъ, съ избранными эмблеммами и камеями.

По учрежденію объ Императорской Фамиліи Государя Императора Павла Петровича, Наслѣдникъ Престола и всѣ пользующіеся титуломъ Императорскихъ Высочествъ имѣютъ Государственный гербъ, принадлежащій Императорской Фамиліи со всѣми его знаками; а пользующіеся титуломъ Князей и Княженъ крови Императорской не имѣютъ на персяхъ орла,—знака Московскаго герба. Наконецъ Великія Княжны и Княжны крови Императорской, вступившія въ замужство за иностранныхъ

(1) Собр. Гос. Гр. и Договор. Т. I, стр. 347.

(2) Тамъ же, Т. II, стр. 270

принцевъ, могутъ присоединять къ гербу своихъ супруговъ принадлежащій имъ по праву рожденія гербъ Россійскій, чѣмъ самымъ пользуются и потомки ихъ невозбранно (1).

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

§ 69.

Гербы городовъ.

Часто изслѣдователь напрасно ищетъ причины и основанія того или другаго установленія, древностью завѣщаннаго, и нерѣдко приходится ему отказаться отъ объясненія необъяснимаго. Нельзя скрыть, что затрудненія подобнаго рода нечужды отечественной археологіи и древней сфрагистики при вопросѣ, почему тотъ или другой Государь выбивалъ на своихъ монетахъ и медаляхъ такое или иное *знамя?* по какимъ основательнымъ причинамъ онъ его мѣнялъ? что̀ означало такое или иное изображеніе на печати? Вопросы эти ни въ какомъ случаѣ впрочемъ не могутъ почитаться плодомъ празднаго любопытства, тѣмъ не менѣе они не разгаданы и не объяснимы, и самая наука объ отечественныхъ древностяхъ еще такъ нова, что и попытки для разрѣшенія этихъ любопытныхъ вопросовъ у насъ не сдѣлано. Должно признаться, что и фактовъ, которыхъ собраніе могло бы способствовать ихъ уясненію, слишкомъ недостаточно. Оттого приходится не рѣдко довольствоваться одними догадками,

---

(1) 1797 г. Апрѣля 5 (№ 17906) § 41, 42.

хотя наука вообще ихъ мало уважаетъ по ихъ нетвердости и шаткости: какъ часто одна догадка смѣняетъ другую, и умъ не знаетъ на чемъ остановиться! Впрочемъ такое явленіе не есть исключительная принадлежность нашей археологіи вообще и нашей геральдики въ особенности. На Западѣ видимъ то же: рыцарь выбиралъ себѣ или принималъ отъ своей дамы ту или другую эмблемму; самъ онъ почти всегда зналъ, что̀ означаетъ каждая часть его герба, всякая фигура на его щитѣ, но вмѣстѣ съ личностью умирало часто сознаніе это, и послѣдующія поколѣнія, принимая отъ своего славнаго предка аттрибуты его достохвальныхъ подвиговъ, можетъ быть, гордясь ими, не заботились разгадать, какой именно подвигъ, какая именно характеристическая черта прошедшей жизни ихъ рода ввели тотъ или другой знакъ въ фамильный гербъ.

Такое же затрудненіе представляютъ изображенія на нашихъ древнихъ городскихъ печатяхъ и гербахъ. Отчего у Пскова напр. барсъ? Конечно не оттого, что здѣсь когда нибудь могъ водиться этотъ звѣрь. Отчего Смоленскъ выбралъ себѣ райскую птицу? Дать положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ невозможно, хотя присутствіе въ Смоленскомъ гербѣ пушки можетъ быть объяснено положеніемъ этого города на границѣ Литвы и Россіи, частыми вслѣдствіе того осадами, которыя городъ этотъ претерпѣвалъ цѣлыя столѣтія и сильнымъ вооруженіемъ его крѣпости. Не смотря однако на такую необъяснимость эмблеммъ во многихъ городскихъ гербахъ, возможна ихъ исторія: она не рѣдко начинается съ глубокой древности (напр. для Кіева), знамя постепенно измѣнялось подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ, и слѣдя за такими измѣненіями, можно дойти

до того вида, въ которомъ гербы городовъ представляют-ся въ настоящее время. Вообще легче разъяснять эмблем-мы, вошедшія въ гербы новые, особенно тѣ, объ установленіи которыхъ остались свидѣтельства (напр. эмблемы гербовъ для областей и городовъ Царства Сибирскаго), чѣмъ разгадать смыслъ и значеніе гербовъ старыхъ. Въ этомъ случаѣ можетъ помочь та же метода, которую мы употребляли для разъясненія Московскаго герба и Государственной печати.

Со времени утвержденія въ Россіи Государственнаго герба, изображеніе его постоянно видится на монетахъ и на печатяхъ, и если бывали въ этомъ случаѣ какія ни-будь различія, то они, будучи несущественными, свидѣтельствуютъ объ одномъ, что всякое учрежденіе совершенствуется, и что общіе успѣхи въ развитіи искусствъ не могли не отразиться на печатяхъ и въ чеканѣ денегъ. Тѣмъ не менѣе сравненіе печатей, отъ временъ Іоанна III-го и послѣдующихъ правленій оставшихся, съ штемпелями на деньгахъ Московскаго Государства, доводитъ до убѣжденія о ихъ сходствѣ и даже о тождествѣ. Не одинъ выводъ старались мы сдѣлать изъ такого сравненія: въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно одно можетъ довесть если не до положительныхъ и непреложенныхъ фактовъ, то, по крайней мѣрѣ, послужить основаніемъ для относительно вѣрныхъ догадокъ и предположеній. Пусть будутъ они не болѣе, какъ началомъ, попыткою, которую усовершенствовать, докончить суждено другимъ, болѣе счастливымъ, изслѣдователямъ.

Но можно ли ту же методу сравненія штемпеля на монетахъ съ эмблеммами на печатяхъ примѣнять къ печатямъ и гербамъ княжескимъ и городскимъ, когда изображенія на нихъ безпрестанно и по-видимому произволь-

не измѣнялись? То же явленіе видѣли мы въ исторіи печати и герба Москвы, и остаемся при убѣжденіи, что если разбирать эмблеммы съ знаніемъ дѣла, а главное исторіи княжества или города въ данную эпоху, то откроется рядъ событій въ лицахъ. Эта система толкованія памятниковъ древности давно принята на Западѣ. Отечественная археологія, чтобы усвоить себѣ характеръ науки, не можетъ обойтись безъ примѣненія того же начала и къ нашимъ древностямъ: при помощи его только, наша нумизматика можетъ изъ простаго описанія непонятныхъ изображеній на деньгахъ обратиться въ систематическое цѣлое. Если съ этой точки зрѣнія смотрѣть на монеты удѣльныхъ княжествъ, то тѣ эмблеммы, которыя теперь кажутся произвольными, которыхъ у насъ не перестаютъ считать обязанными своимъ происхожденіемъ воображенію денежника, окажутся соотвѣтствующими исторіи. Но при этомъ является одно препятствіе, котораго не представляла Москва. Удѣльныхъ денегъ отъ XV и XVI вѣковъ осталось немного: Москва вмѣстѣ съ своею администраціею вводила свою денежную систему съ Московскимъ штемпелемъ во всѣ области, къ ней присоединяемыя. Но съ другой стороны древность завѣщала намъ другіе памятники, на которыхъ сохранились областныя и городскія печати, и ими-то мы воспользуемся для исторіи городскихъ гербовъ.

§ 70.

Русскій орелъ на Государственной печати, Царскихъ тронахъ, Государевой утвари былъ обыкновенно окружаемъ гербами областей, къ Москвѣ присоединенныхъ и имѣвшихъ уже прежде свои печати. Выше мы имѣли уже случай замѣтить то соотвѣтствіе, которое существовало

между титуломъ Государя и аттрибутами его гербовъ. Въ доказательство того, какъ строго соблюдалось это начало, достаточно двухъ примѣровъ. Великое Княжество Кіевское, исконная вотчина Россіи, говоря языкомъ древнихъ нашихъ грамотъ, отторгнуто отъ Россіи и потому не упоминается въ титулѣ Государей Русскихъ XV и XVI вѣковъ: напрасно стали бы мы искать печати Кіевской въ ряду другихъ старыхъ печатей, окружающихъ государственный гербъ временъ Іоанна Грознаго (табл. XV, рис. 6), а между тѣмъ знамя это образовалось еще въ XII вѣкѣ. Съ другой стороны на печати Грознаго видѣнъ еще Смоленскій гербъ (хотя не такой, какимъ онъ изображался позднѣе), котораго нѣтъ на тронѣ Царя Михаила Ѳедоровича, ибо Смоленскъ въ то время принадлежалъ Польшѣ. На памятникахъ же позднѣйшаго времени, напр. на тарелкѣ Царя Алексѣя Михайловича, Государственнымъ и областными гербами украшенной, Смоленская печать занимаетъ принадлежащее ей по порядку мѣсто (табл. XV, рис. 2); изъ чего заключить должно, что она изготовлена послѣ Андрусовскаго съ Польшею мира, по которому Россіи возвращенъ между прочимъ и Смоленскъ.

Памятники, о которыхъ мы не разъ имѣли уже случай упоминать и на которыхъ сохранились изображенія старыхъ нашихъ городскихъ гербовъ, суть: 1) Государственная печать Царя Іоанна Васильевича IV (табл. XV, рис. 6), 2) серебряный золоченный тронъ Царя Михаила Ѳедоровича, передѣланный въ послѣдствіи въ двойной тронъ для Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей. На задней стѣнкѣ или прислонѣ трона повѣшена пелена, шитая пряденымъ серебромъ и унизанная жемчугомъ. На ней по срединѣ изображенъ двуглавый орелъ съ Москов-

скимъ гербомъ (вправо) на персяхъ, а по каймамъ, между золотыми травами, видны двѣнадцать гербовъ царствъ и областей Россійскихъ (табл. XV, рис. 7, 8, 9, 10). За завѣсой, съ лѣвой стороны прислона, находится отверзтіе, въ родѣ слуховаго окна, за которымъ вѣроятно сидѣлъ наставникъ десятилѣтняго Царя Петра [1]; 3) Тарелка Царя Алексѣя Михайловича, въ срединѣ которой вычеканенъ Государственный гербъ: двуглавый, тремя коронами вѣнчанный орелъ, держащій скипетръ и державу. Крылья и главы орла зеленыя, а клевъ и лапы розовые. Вокругъ этого изображенія по краямъ тарелки между травъ, плодовъ, птицъ, видно 16 гербовъ, каждый въ особенномъ щитѣ (табл. XV, рис. 2, 3, 4, 5), и притомъ такъ, что гербы главныхъ Княжествъ изображены въ большихъ щитахъ подъ особыми коронами (рис. 2), а гербы второстепенные въ щитахъ малыхъ. Кромѣ того, что на тарелкѣ этой сохранились изображенія гербовъ, она важна и потому еще, что здѣсь видна уже попытка отличить ихъ красками, чего прежде не было [2]; и 4) огромнаго размѣра изображеніе Государственной печати въ дневникѣ Корба, сопровождавшаго въ 1698 и 1699 годахъ Австрійскаго посланника, отправленнаго Императоромъ Австрійскимъ къ Русскому Двору для переговоровъ о войнѣ съ Турціею [3]. Корбъ оставилъ подробное описаніе своего пребыванія у Московскаго Двора. Въ настоящее время оно очень рѣдко. Въ немъ пред-

---

(1) Древности Государства Россійскаго. М. 1851. Отдѣленіе IV, стр. 113, 114. Рисунковъ Отд. 2, № 78—83. Для образца прилагаемъ у себя нѣсколько съ этого памятника изображеній (табл. XV рис. 7, 8, 9, 10).

(2) Древн. Госуд. Россійскаго Отд. V. № 42.

(3) *Adelung* Kritisch-litterärische Uebersicht der Reisenden in Russland bis. 1700, Bd. II. S. 397—399.

ставленъ Государственный двуглавый орелъ, имѣющій въ сердцѣ Московскаго *ѣздца*, на крыльяхъ несущій гербы Великихъ Княжествъ Кіевскаго, Новгородскаго, Владимірскаго и Царствъ Астраханскаго, Сибирскаго и Казанскаго, и наконецъ окруженный гербами: Смоленскимъ, Псковскимъ, Тверскимъ, Подольскимъ, Пермскимъ, Болгарскимъ, Черниговскимъ, Полоцкимъ, Ярославскимъ, Удорскимъ, Кондійскимъ, Мстиславскимъ, Иверскимъ, Кабардинскимъ, Черкаскимъ, и горскихъ земель, Карталинскимъ, Свейскимъ, Витебскимъ, Обдорскимъ, Бѣлозерскимъ, Ростовскимъ, Рязанскимъ, Новгородъ-Низовскія земли, Вятскимъ, Югорскимъ и Волынскимъ (табл. XVII). Сравненіе этихъ гербовъ съ полнымъ титуломъ Петра Великаго и надписью на Его Государственной печати доказываетъ строгое соотвѣтствіе между титуломъ Государя и аттрибутами его герба (1).

Для геральдики Россіи печать эта замѣчательна во многихъ отношеніяхъ: она даетъ основаніе утверждать, что всѣ главныя области Россіи, принадлежавшія нѣкогда роду Мономахову и изъ которыхъ многія по разнымъ случайнымъ обстоятельствамъ были отторгнуты отъ Россіи и наконецъ опять стеклись подъ крылья нашего могучаго орла, имѣли уже въ XVII вѣкѣ свои гербы, такъ что Петру Великому оставалось только придать эмблеммамъ этимъ геральдическія формы, постоянные цвѣта и т. д. Города же, менѣе значительные, и главнымъ образомъ небывшіе столицами въ удѣльныхъ княжествахъ, получили гербы въ позднѣйшее время.

---

(1) Подъ орломъ подписано обращеніе къ Петру: «Moscos Petre doces, data crescere regna per arma, arcesbella domant, te modo facta zaro».

§ 71.

Изъ областныхъ гербовъ нашихъ самый твердый и ранѣе другихъ установившійся есть гербъ *Московскій*. Неразрывное его сопложеніе съ двуглавымъ орломъ въ Государственномъ гербѣ, частое употребленіе, наконецъ та идея, которая ему придавалась Московскимъ Великимъ Княземъ и Царемъ, должны были охранять изображеніе это отъ всякихъ произвольныхъ перемѣнъ и нововведеній. Въ отечествѣ нашемъ уваженіе къ этому гербу было постоянно, и потому въ сущности былъ онъ неприкосновененъ. Иностранцы же, въ Россіи бывшіе, позволяли себѣ дѣлать въ этой эмблеммѣ произвольныя измѣненія; такъ напр. Герберштейнъ, оставившій потомству два изображенія Московскаго герба въ двухъ своихъ сочиненіяхъ, кромѣ того, что обратилъ *ѣздца* вправо, измѣнилъ и самую его фигуру. На портретѣ Московскаго Государя, приложенномъ къ древнѣйшимъ изданіямъ Герберштейна [1], всадникъ представленъ нагимъ и какъ ему, такъ и коню даны положеніе и видъ неестественные (табл. VII, рис. 2), а между тѣмъ въ изданной въ 1560 г. самимъ Герберштейномъ автобіографіи [2] всадникъ представленъ въ развѣвающейся епанчѣ, но онъ безъ латъ, конь имѣетъ форму такую, какую придавали ему на печатяхъ Московскихъ, но драконъ съ волчьею головою (табл. VII, рис. 1).

Что касается до другихъ областныхъ и городскихъ

---

(1) Moscowiter vunderbare Historien von Herberstein zu Basel. 1563.

(2) Gratae posteritati Sigismundus liber baro in Herberstein, Neypirg et Guettentag, primarius ducatus Carinthiae haereditariusque et camerarius et dapifer etc immunitate meritorum erga donatus, actiones suas a puero ad annum usque aetatis suae septuagesimum quartum brevi commentario notatas reliquit. Viennae. 1560.

гербовъ, то мы, излагая ихъ единственно съ цѣлью объяснить эмблеммы, входящія въ гербы княжескихъ родовъ, отъ Мономаха происшедшихъ, не будемъ останавливаться на описаніи гербовъ всѣхъ областей и городовъ, тѣмъ болѣе, что представимъ подробное ихъ описаніе, отъ начала XVIII столѣтія сохранившееся. Для нашей цѣли важны гербы: Кіевскій, Новгородскій, Черниговскій, Смоленскій, Ярославскій, Ростовскій, Бѣлозерскій и Стародубскій. *Погони* же, герба Литовскаго, такъ часто повторяющагося въ гербахъ нашихъ княжескихъ и дворянскихъ фамилій, отъ Гедимина происшедшихъ, мы здѣсь не коснемся, такъ какъ объ исторіи его было уже упомянуто выше. Объ означенныхъ гербахъ мы замѣтимъ слѣдующее:

1) *Кіевскій гербъ* сохранилъ то же изображеніе, которое видѣли и на древнихъ Кіевскихъ печатяхъ: это Архангелъ Михаилъ въ бѣломъ одѣяніи съ мечемъ въ правой и копьемъ въ лѣвой рукѣ [1].

2) *Новгородскій.* Подъ вліяніемъ ли западныхъ своихъ сосѣдей, съ которыми Новгородъ и Псковъ приходили такъ часто въ торговыя и политическія соотношенія, или по другимъ причинамъ, какъ бы то ни было, на печатяхъ двухъ этихъ городовъ рано образовались и правильно сохранились геральдическія фигуры. Печатей Новгородскихъ было нѣсколько съ *тамгою* и съ *писью* (т. е. подписью), но употреблялась долѣе другихъ и перешла въ Новгородскій гербъ собственно печать вечевая, описанная выше (табл. XIV, рис. 5). Степени веча и посохъ Архіепископа служили представителями свѣтской и духовной властей града Св. Софіи. По присоединеніи Нов-

---

[1] Указъ 1782 г. Іюня 4 (№ 15422).

города къ Москвѣ, тѣ же эмблеммы перешли въ печать воеводскую и встрѣчаются на отпискахъ воеводъ Новгородскихъ XVI и XVII вѣковъ. Въ послѣдствіи времени по бокамъ степеней веча поставлены медвѣди (табл. XV, рис. 3, 6, 7) (1); а когда въ концѣ XVII или началѣ XVIII столѣтія вечевыя степени замѣнены Велико-Княжескимъ Царскимъ престоломъ, съ накрестъ положенными скипетромъ и крестомъ, то вмѣсто архіепископскаго посоха и въ память того вліянія, которое владыка Новгородскій имѣлъ на дѣла, поставленъ за престоломъ трисвѣщникъ. Такимъ образомъ сложился нынѣшній Новгородскій гербъ (2).

3) Если на печати Царя Іоанна Васильевича (табл. XV, рис. 6) *гербъ Смоленскій* изображенъ въ видѣ Велико-Княжескаго престола, на которомъ положена Мономахова шапка, то это или по общепринятому для всѣхъ бывшихъ Великихъ Княжествъ символу (табл. XV, рис. 5, 9) или по ошибкѣ мастера, потому что Тверскому Великому Княжеству присвоена эмблемма герба Ярославскаго—медвѣдь. Обыкновенно же Смоленскій гербъ состоялъ изъ изображенія лафета, на которомъ сидѣла райская птица безъ ногъ. Послѣдній признакъ, т. е. что райская птица подстрѣлена (табл. XV, рис. 2) можетъ навесть на догадку, что Смоленскъ, пограничная и всегда исправно вооруженная крѣпость (3), не разъ служила къ тому, что Поляки и Ли-

---

(1) На серебряномъ тронѣ Царя Михаила Ѳеодоровича въ нижней половинѣ щита представлены плавающими двѣ рыбки (таб. XV, рис. 7): эмблемма, могущая означать мѣстоположеніе Новгорода на берегу Волхова. Прибавленіе это впрочемъ никогда не считалось непремѣннымъ и неизбѣжнымъ.

(2) 1781 г. Августа 16 (№ 15209) Высоч. утвержденный докл. Сената.

(3) Дополненій къ Историч. Актамъ Т. V, № 51 и 26 примѣчаніе къ этому тому актовъ.

товцы бывали отражаемы и побѣждаемы; а всѣ былины о райской птицѣ свидѣтельствуютъ, что ею обозначались самые вожделѣнные и недосягаемые предметы. Не такимъ ли для Поляковъ и Русскихъ бывалъ и Смоленскъ? (1)

4) Пока *Черниговское* Княжество принадлежало Литвѣ и Польшѣ, Черниговскій гербъ былъ двуглавый орелъ съ распущенными крыльями, увѣнчанный одною короною (2); а на рисункѣ, который оставилъ Корбъ въ своемъ дневникѣ, Черниговскій гербъ состоитъ изъ изображенія одноглаваго коронованнаго орла, держащаго въ лѣвой лапѣ длинный крестъ, конецъ котораго видѣнъ надъ правымъ его плечомъ (табл. XVII).

5) *Гербъ Ярославскій* не измѣнялся въ существенныхъ своихъ аттрибутахъ: это медвѣдь, держащій въ лапѣ посохъ. Различіе состояло въ томъ, что на упомянутой тарелкѣ Царя Алексѣя Михайловича онъ представленъ идущимъ вправо и какъ бы упирающимся на палку, а въ рисункѣ Корба медвѣдь идетъ на заднихъ же ногахъ влѣво и несетъ на плечѣ знамя или чеканъ (3). Это очевидно произволъ художника,—произволъ, который не могъ измѣнить главнаго, и только вносилъ свой вкусъ во второстепенные аттрибуты.

6) Гербъ *Ростовскій* изображенъ на престолѣ Царя Михаила Өедоровича, и у Корба въ такомъ же видѣ, въ какомъ онъ остается до настоящаго времени: въ чер-

---

(1) Подъ Польскимъ владычествомъ Смоленскій гербъ былъ: «на красной хоругви золотой посохъ.» *Niesieckiego* Herbarz Polski. I, 182.

(2) Herbarz I. 229. Неизвѣстно, почему на печати Іоанна Грознаго (табл. XV, рис. 6) Черниговскій гербъ состоитъ изъ обнаженнаго меча.

(3) Указъ 1778 г. Іюня 20 (№ 14765).

зеленомъ полѣ серебряный *олень*, рога, грива и копыта у него золотыя (1) (табл. XVII).

7) Гербъ *Бѣлозерскій* есть старый: въ голубомъ полѣ двѣ накрестъ изображенныя стерляди; надъ ними крестъ и луна (2) (табл. XVII);

и 8) *Стародубскій* гербъ прямо соотвѣтствуетъ названію города: въ серебряномъ полѣ *старый дубъ* (3). Эмблемма эта встрѣчается на Стародубской печати конца XVII вѣка.

§ 72.

Вообще къ послѣдней половинѣ XVII столѣтія должно отнести начало составленія городскихъ гербовъ, какъ подробное розысканіе исторіи Государственной печати довело насъ до результата, что при Царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ Государственный гербъ достигъ той полноты, которою онъ отличается и которую сохраняетъ въ сущности неизмѣнно до настоящаго времени. Не многія (4) о городской геральдикѣ извѣстія, сохраненныя временемъ, доказываютъ несомнѣнно, что Царя Алексѣя Михаиловича занимала мысль о введеніи у насъ правильныхъ гербовъ. Для этой цѣли было, какъ увидимъ ниже при изложеніи исторіи герольдіи, написано нѣсколько сочиненій какъ Русскимъ, который былъ обязанъ въ подробности знать правила Государственной особенно геральдики и охранять неприкосновенность печати, т. е. царскимъ

---

(1) 1778 г. Іюня 20 (№ 14765).

(2) 1781 г. Августа 16 (№ 15.209).

(3) 1782 г. Іюня 4 (№ 15.424).

(4) Въ архивахъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ должны, по нашему мнѣнію, храниться важныя для нашего предмета извѣстія.

печатникомъ Артамономъ Сергѣевичемъ Матвѣевымъ, такъ и иностранцами, которые вызывались въ Россію или сами пріѣзжали къ намъ.

Древность завѣщала намъ, правда, нѣкоторыя областныя и городскія знамена; но такъ какъ мѣсто ихъ было собственно на городскихъ печатяхъ и слѣдовательно къ нимъ не были примѣнимы правила о цвѣтахъ, и вообще эмблеммы эти не усвоили себѣ еще постоянныхъ геральдическихъ формъ, то *герольдамъ*, пріѣзжавшимъ къ намъ, предстояло дополнить этотъ недостатокъ. Городскіе гербы, окружающіе Государственный гербъ въ дневникѣ Корба (табл. XVII), ясно свидѣтельствуютъ, что труды Царя и его помощниковъ принесли плоды. Тѣмъ не менѣе окончаніе этой работы было предоставлено позднѣйшему времени. Поводъ къ утвержденію прежде существовавшихъ городскихъ старыхъ гербовъ и дополненію ихъ новыми, сочиненными для городовъ, вновь построенныхъ, былъ случайный; но онъ такъ богатъ послѣдствіями, что необходимо на немъ остановиться, тѣмъ болѣе, что предметъ этотъ еще совершенно не тронутъ нашими археологами, а выводы изъ него должны многимъ увеличить объемъ результатовъ, добытыхъ наукою въ послѣднее время.

Устроенное Петромъ Великимъ регулярное войско требовало правильнаго распредѣленія его по областямъ Россіи для обезпеченія продовольствія арміи, и не одинъ указъ, Великимъ Государемъ изданный, свидѣтельствуетъ, какое значеніе Онъ придавалъ этой части государственнаго управленія. Когда въ 1720 г. все войско было расположено на подушномъ сборѣ и на каждую провинцію приходилось, смотря по ея объему и народонаселе-

нію, по одному полку и рѣже по нѣскольку полковъ, необходимо было устроить такъ, чтобы каждый полкъ, нося названіе области, въ ней и былъ расположенъ, и чтобы полки, которые прежде назывались по фамиліямъ своихъ командировъ, были переименованы по провинціямъ. Вслѣдствіе того въ 1724 году было принято за правило, что когда всѣ полки займутъ квартиры по провинціямъ, тогда дать полкамъ имена сообразно областямъ, въ которыхъ они расположутся, и на полковыхъ знаменахъ изобразить гербы тѣхъ провинцій; а если въ провинціи будетъ размѣщено нѣсколько разныхъ полковъ, то дать имъ всѣмъ имя той провинціи, различивъ ихъ только по нумерамъ (1). Между тѣмъ однако у нѣкоторыхъ провинцій и городовъ гербовъ не оказалось, хотя тѣмъ, которые построены или завоеваны Петромъ Великимъ (напр. Нарвѣ, Выборгу, Кронштадту), были вновь даны гербы или утверждены прежде имъ принадлежавшіе. Вслѣдствіе того явилась потребность въ сочиненіи городскихъ гербовъ, но работа эта представляла столько затрудненій, что хотя прежняя мысль объ изображеніяхъ на полковыхъ знаменахъ и не была вовсе оставлена, Императрица Екатерина I рѣшалась замѣнить гербы на нихъ вензелевымъ своего имени изображеніемъ, а въ послѣдствіи было даже приказано впредь *«до конфирмаціи гербовника»* оставить полкамъ старыя знамена, какія у нихъ до тѣхъ поръ были; если же прежнія окажутся

---

(1) Съ одной стороны, чтобы представить въ краткомъ перечнѣ названія полковъ, при Петрѣ Великомъ бывшихъ, а съ другой, чтобы можно было видѣть, какимъ городамъ принадлежали старые гербы, прилагается при семъ таблица, при Петрѣ Великомъ составленная (Прил. 4.) Ею, какъ и всѣми матеріалами, до сего предметами касающимися, мы обязаны извѣстному нашему военному историку, А. В. Висковатову.

слишкомъ ветхими, то сдѣлать въ тѣ полки одинъ только разъ знамена подъ Государевымъ именемъ. Между тѣмъ въ 1727 году было возложено на Оберъ-Церемониймейстера Графа *Санти* нарисовать провинціальные гербы, для чего велѣно было: «дать ему живописцевъ изъ Канцеляріи о строеніи; а какого цвѣта должны быть поля знаменъ и около полей зубчики (для каждаго полка и слѣд. для каждой провинціи различно), было указано Военною Коллегіею и утверждено Императрицею.

Гербы городскіе, по составленіи ихъ, велѣно было представить для апробаціи въ Верховный Тайный Совѣтъ и когда утвержденіе ихъ послѣдуетъ, то сдѣлать съ тѣми изображеніями печати, «которыми Губернаторамъ и воеводамъ отписки, доношенія и прочія отправляемыя письма, кромѣ партикулярныхъ, печатать» ([1]).

Военная Коллегія очень часто относилась въ «Высокій Сенатъ» и просила, чтобы гербы для городовъ, которые ихъ не имѣютъ, были немедленно составлены, для чего дозволено взять мастеровъ изъ артиллеріи. Въ представленіи Коллегіи сказано, что гербы уже есть у *знатныхъ* городовъ, и они исчислены для вѣдома Сената, который затруднялся вопросомъ, какіе гербы должно еще составить?

Попытки дѣлались, но вѣроятно не удачно. Въ 1728 году Государственная Военная Коллегія относилась въ Казначейскую Контору о выдачѣ малярному мастеру Гезелю «за сочиненіе образцовыхъ знаменъ по городамъ пятидесяти семи гербовъ, за краски и за Александрійскую бумагу» тридцати шести рублей ([2]). Наконецъ 12

([1]) Рукописный указъ изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта 11 Ноября 1727 года.

([2]) Рукописный указъ изъ Военной Коллегіи 17 Апрѣля 1728 г.

Іюля 1728 года послѣдовалъ на имя «Генерала и ордена Св. Александра кавалера и надъ фортификаціями Оберъ-директора Графа фонъ Миниха» изъ Военной Коллегіи указъ, по силѣ котораго велѣно было передать ему, Миниху, «для малеванія на знаменахъ» какъ старые, такъ и вновь сочиненные городскіе гербы, и по составленіи ихъ прислать всѣ вмѣстѣ съ старыми въ Военную Коллегію. Для этой работы опредѣленъ къ Миниху изъ бывшихъ въ домѣ Меншикова живописцевъ Андрей Барановъ, которому за первый экземпляръ герба велѣно было давать по 15, а за послѣдующіе снимки по 10 копѣекъ.

Въ Маѣ 1729 года гербы эти были уже представлены Минихомъ въ Военную Коллегію, удостоились Высочайшаго утвержденія, и такъ какъ это первый чисто-геральдическій въ отечествѣ нашемъ трудъ, въ которомъ, какъ сказано въ подлинной запискѣ Коллегіи, «гербы учинены съ надлежащими *обстоятельствы*» (аттрибутами), то мы считаемъ необходимымъ представить здѣсь реэстръ гербовъ съ ихъ описаніемъ, до сихъ поръ еще не изданнымъ, во всей его подробности:

1. *Гербъ Государственный*, по старому, двоеглавый орелъ, черный, на главахъ короны, а наверху въ срединѣ большая Императорская корона-золотые; въ срединѣ того орла Георгій на конѣ бѣломъ, побѣждающій змія, епанча и копье желтые, вѣнецъ желтой же, змѣй черный, поле кругомъ бѣлое, а въ срединѣ красное. Съ этого времени осталось такое объясненіе Московскаго герба ([1]), хотя еще въ 1726 году онъ именовался Ѣздцомъ ([2]).

([1]) 1781 Декабря 20 (№ 15304).

([2]) 1726 Марта 11 (№ 4850).

2. Имя Его Императорскаго Величества Петръ Второй противъ конфирмованнаго: два покоя двойные латинскіе золотые, внизу цыфра II; поле лазоревое, наверху Императорская корона, пальмы зеленые.

3. *Лейбъ-регименть*, по старому, вѣнецъ зеленый лавровый одинъ, подъ нимъ корона Императорская золотая, поле красное.

4. *Санктпетербургскій*, скипетръ желтый, надъ нимъ гербъ государственный, около его два якоря серебряные, поле красное, вверху корона Императорская, (противъ послѣдняго Сантіева).

5. *Ингерманландскій*, двѣ стѣны на искось, бѣлые съ зубцами, поле лазоревое.

6. *Московской*, Георгій на конѣ, противъ того, какъ въ срединѣ государственнаго герба.

7. *Кіевской*, по старому, въ срединѣ ангелъ въ бѣломъ одѣяніи съ мечемъ, сіяніе желтое, поле лазоревое.

8. *Володимерской*, противъ стараго, левъ стоячій на заднихъ ногахъ, на главѣ корона желтая, а въ переднихъ ногахъ держитъ крестъ длинный серебряный, поле красное.

9. *Новгородской*, по старому, на желтомъ престолѣ красная подушка и отъ нея къ правой сторонѣ скипетръ, а къ лѣвой крестъ, отъ престола наверхъ подсвѣчникъ съ тремя горящими свѣчами-желтые, да около престола два медвѣдя черные, поле бѣлое.

10. *Казанской*, змѣй черный подъ короною золотою Казанскою, крылья красныя, поле бѣлое.

11. *Астраханской*, по старому, сабля бѣлая подъ короною Астраханскою, черенъ (рукоятка) и корона золотые, поле лазоревое.

12. *Сибирской*, два соболя черныхъ, стоящіе на зад-

нихъ ногахъ, держатъ лукъ и корону золотые; межъ ими двѣ стрѣлы черныя, а перья и копья красные, поле бѣлое.

13. *Тобольской*, по старому, пирамида золотая съ воинскою арматурою, знамена и барабаны красные, поле лазоревое.

14. *Псковскій*, по старому, барсъ, а надъ нимъ изъ облакъ рука, стоитъ на землѣ зеленой, поле лазоревое.

15. *Смоленскій*, пушка черная, станокъ желтый, на пушкѣ птица желтая безъ ногъ, поле бѣлое, каковое сдѣлалъ Санти (выше уже сказано, что это гербъ старый, XVII вѣка).

16. *Эстляндскій*, такой же, какъ Ревельскій, только безъ дѣвицы.

17. *Ревельскій*, по старому; а какъ вновь учиненъ: три льва синіе подъ коронами, да сверху корона, а надъ нею наверху дѣвица подъ короною въ бѣломъ одѣяніи; поле желтое.

18. *Лифляндскій*, по старому: какъ прежде была птица грифъ бѣлая о четырехъ ногахъ съ крыльями и хвостомъ; поле красное; въ переднихъ ногахъ мечь; на груди Имя Его Императорскаго Величества.

19. *Рижской*, по старому и противъ того, каково нынѣ вновь учиненъ, межъ двумя башнями ворота, въ нихъ внизу львиная голова подъ короною, надъ нею рогатки, ворота и башни красные, пестрые, около нихъ орелъ двоеглавый черный, на двухъ главахъ короны, надъ воротами два ключа, надъ ними крестъ подъ короною, поле лазоревое, а земля зеленая.

20. *Корельской*, противъ новаго, поле наверху красное, нанизу лазоревое, внизу стоитъ бѣлый журавль,

держитъ камень, на верху двѣ руки по плечо, держа по шпагѣ.

21. *Тверской*, по старому, на серебряномъ стулѣ подушка зеленая, на подушкѣ корона княжеская золотая, поле красное.

22. *Пермской*, по старому, бѣлый медвѣдь, надъ нимъ Евангеліе золотое, а надъ нимъ крестъ серебряный, поле красное.

23. *Вятской*, по старому, въ рукѣ изъ облака лукъ съ одною стрѣлою бѣлою, а перо черное, въ сторонѣ крестъ красной, поле желтое.

24. *Нижегородской*, олень красный, рога и копыта черные, поле бѣлое.

25. *Черниговской*, черный орелъ одноглавый подъ короною, въ лѣвой ногѣ крестъ желтый, а корона, носъ и ноги желтые жъ.

26. *Рязанской*, по старому, Князь въ епанчѣ и въ шапкѣ, въ рукѣ правой мечь, а въ лѣвой ножны, епанча красная, платье, сапоги и шапка зеленые, шапка же соболевая, подъ нимъ земля зеленая, поле желтое.

27. *Ростовскій*, бѣлый елень, каково сдѣлалъ Санти, рога и копыта желтые, подъ нимъ земля зеленая, поле красное. (Гербъ этотъ существовалъ раньше Санти).

28. *Ярославской*, стоящій медвѣдь черный, на плечѣ держитъ въ лапѣ чеканъ красный, поле желтое.

29. *Бѣлозерской*, по старому, озеро бѣлое, въ немъ двѣ стерляди желтыя, надъ рыбами мѣсяцъ съ крестомъ, мѣсяцъ бѣлый, крестъ желтый, поле лазоревое.

30. *Бутырской*, по старому гербовнику, центавръ, а именно: по поясъ человѣкъ, а ниже: туловище, ноги и хвостъ лошадиные бѣлые, въ рукѣ лукъ со стрѣлою, поле красное, лукъ и стрѣла желтые.

31. *Троицкій*, крестъ желтой подъ короною, по старому, поле красное.

32. *Новотроицкой*, бѣлый крестъ, въ срединѣ Имя Божіе на три угла желтое, поле красное.

33. *Бѣлогородской*, старый левъ лежащій, желтый, а надъ нимъ орелъ черный одноглавый, подъ нимъ земля зеленая, поле синее.

34. *Архангелогородской*, противъ того, что учинилъ Санти, а именно: Архангелъ въ синемъ одѣяніи, съ крыльями и съ огненнымъ мечемъ, побѣждающій діавола черпаго, въ другой рукѣ щитъ красный, поле желтое.

35. *Вологодской*, противъ стараго, держава золотая, на ней изъ облака рука съ мечемъ бѣлымъ, съ золотымъ ефесомъ, поле красное.

36. *Воронежской*, по старому, двѣ пушки на станкахъ желтые, изъ одной пушки выстрѣлено и на ней сидитъ орелъ бѣлый одноглавый, поле красное.

37. *Суздальской*, новой сдѣлать: птица соколъ въ княжеской шапкѣ, поле пополамъ: наверху синее, а внизу красное.

38. *Углицкой*, противъ новаго, Царевичъ-Князь Димитрій въ одѣяніи царскомъ, шапка княжеская съ крестомъ, въ правой рукѣ ножъ, подъ пазухою лѣвой руки агнецъ, поле красное, одѣяніе и шапка золотые.

39. *Муромской*, новой, стѣна бѣлая и рука изъ облака, которая на золотой цѣпи держитъ княжескую корону, поле лазоревое.

40. *Галицкой*, воинская арматура желтая и надъ нею наверху крестъ Св. Іоанна бѣлый, поле красное.

41. *Луцкой*, по старому, изъ облака рука, въ рукѣ мечь перерубаетъ змія, рука и мечъ бѣлые, змѣй черный, поле красное.

42. *Азовской*, по старому гербовнику, полъ-мѣсяца и въ немъ крестъ серебряные, внизу двѣ рыбы бѣлыя, поле лазоревое.

43. *Симбирской*, прежнiй старой: на столбу бѣломъ золотая корона, поле лазоревое.

44. *Пензенской*, три снопа пшеницы, ячменю, проса золотые, поле зеленое.

45. *Свiяжскiй*, новый городъ деревяный на судахъ, на рѣкѣ Волгѣ, въ ней рыбы, поле лазоревое.

46. *Уфимской*, сдѣлать вновь, лошадь бѣлая на бѣгу, поле красное.

47. *Сѣвской*, одинъ снопъ золотой ржаной на зеленомъ мѣстѣ, поле синее.

48. *Орловской*, городъ бѣлый, на воротахъ орелъ одноглавый черный, сверхъ орла корона золотая, въ синемъ полѣ противъ печати той Орловской провинцiи.

49. *Полтавской*, противъ новоучиненнаго: внизу поле лазоревое, вверху красное, а кругомъ по двѣ стороны бѣлыя; на лазоревомъ полѣ пирамида золотая, на красномъ верху двѣ шпаги по сторонамъ, по правую сторону на зеленой землѣ знамя, на немъ значитъ государственный гербъ, въ срединѣ Имя Императора Петра Великаго, по другую сторону дерево зеленое пальмъ.

50) *Стародубскiй*, дубъ старой, стоящiй на зеленой землѣ, поле бѣлое.

51) *Глуховской*, противъ вновь учиненнаго, токмо сдѣлать яблоки по круглѣе.

52) *Нѣжинской*, противъ вновь учиненнаго: поле пополамъ, сверху красное, а снизу лазоревое, на немъ двѣ змѣи подъ шляпою съ крыльями, а на верху двѣ руки.

53) *Коломенской*, на лазоревомъ полѣ столбъ бѣлый, на немъ вверху корона, около двѣ звѣзды.

54. ***Павловской***, по новому: Святый Апостолъ Павелъ, поле бѣлое.

55. *Тамбовской*, противъ новаго рисунка: на лазоревомъ полѣ улей, и надъ нимъ три пчелы золотыя, земля зеленая.

56. *Козловской*, противъ новаго рисунка: козелъ бѣлый, поле красное, земля зеленая.

57. *Коротояцкой*, вновь сдѣлать: магазейнъ красный, а надъ нимъ рогъ съ довольствомъ, внизу рѣка, поле лазоревое.

58. ***Елецкой***, на бѣломъ полѣ елень красный, надъ нимъ ель зеленая.

59. *Каргопольской*, бѣлый баранъ, лежащій въ огнѣ на дровахъ, что учинилъ Санти, поле лазоревое.

60. *Устюжской*, лежащій Нептунъ на берегу держитъ въ обѣихъ рукахъ кувшины, изъ которыхъ льется вода въ одно мѣсто; кувшины красные, вода бѣлая, поле зеленое.

61. *Олонецкой*, по старому, рука бѣлая изъ облака держитъ щитъ синій, а въ выспodи 4 ядра на цѣпяхъ черные, поле желтое.

62. *Ладожскій*, шлюза, ворота золотые, стѣны красныя, поле лазоревое.

63. *Шлюссельбургской*, ключь золотой, подъ короною Императорскою золотою, что сдѣлалъ Санти; внизу крѣпость бѣлая, поле синее.

64. *Невской*, по старому гербовнику, столбъ синій, шпага серебряная, эфесъ золотой, ключь золотой же, поле красное.

65. *Кронштатской*, вдоль половина поля красная, а другая лазоревая, на лазоревомъ караульная высокая башня съ фонаремъ, на верху корона, а на красномъ полѣ черный котелъ, кругомъ острова вода.

66. *Кроншлотской*, противъ новаго, на морѣ Кроншлотъ бѣлый, на верху корона и флагъ, поле лазоревое.

67. *Выборгской*, по старому, какой присланъ изъ Выборга, на лазоревомъ полѣ внизу литтера W, поперегъ полоса золотая, надъ нею три короны, а сверху два ангела съ крыльями, въ одѣяніи красномъ, крылья у одного лазоревыя, а у другаго желтыя.

68. *Кексгольмской*, островъ зеленый, кругомъ его вода бѣлая, на острову ворота съ башнями кирпичные, поле синее; надъ воротами Имя Императорскаго Величества Петра Великаго.

69. *Нарвской*, противъ стараго, присланнаго изъ Нарвы, крестъ красный, надъ нимъ по обѣ стороны вверху два цвѣта равные.

70. *Ивангородскій*, по новому, городъ бѣлый на зеленой землѣ, вверху поле лазоревое, на немъ орелъ двоеглавый летящій, въ устахъ у орла Имя Царя Ивана Васильевича.

71. *Венденской*, по старому и какъ нынѣ вновь учиненъ: городъ красный, на немъ человѣкъ стоитъ въ латахъ черныхъ, въ правой рукѣ шпага, въ лѣвой щитъ, земля зеленая, поле бѣлое.

72. *Эзельской*, по старому и противъ учиненнаго вновь: орелъ желтый, поле лазоревое.

73. *Перновской*, по старому и какъ вновь учиненъ: изъ облакъ рука въ красномъ одѣяніи бѣлая, держитъ крестъ, а подлѣ его ключь бѣлые, поле лазоревое.

74. *Питершанской* гербъ вновь учинить: Петровы шанцы красные на камнѣ бѣломъ, поле лазоревое.

75. *Дерптской*, противъ стараго, что присланъ изъ Риги: на зеленой землѣ ворота и двѣ башни красныя, въ

воротахъ въ полумѣсяцѣ звѣзда, на верху рогатка, надъ нимъ шпага съ ключемъ, а сверху корона.

76. *Копорской*, по старому, камень бѣлый, надъ нимъ облако, поле лазоревое.

77. *Ямбургской*, по старому гербовнику, орелъ двоеглавый черный, надъ нимъ солнце золотое, поле зеленое, подъ орломъ камень.

78. *Дорогобужской*, по новому, три бунта (связки) пеньки, связанно-лежащей серебряной, поле красное.

79. *Якутской*, на престолѣ бѣломъ Евангеліе золотое, поле красное.

80. *Енисейской*, сдѣлать новый: двѣ бѣлки красныя, а сверху изъ облака самострѣлъ черный, поле бѣлое.

81. *Томской*, человѣкъ, стоящій въ рудокопнѣ, въ рукахъ рудокопательные инструменты, поле желтое.

82. *Самарской*, дикая коза бѣлая, стоящая на травѣ, поле лазоревое.

83. *Царицынской*, по новому, два осетра бѣлые, поле красное.

84. *Терской*, арбузъ зеленой, вверху двѣ кисти виноградныя красныя, поле вверху бѣлое, а внизу желтое.

85. *Курской*, по новому, три куропатки, натурально летящія въ синемъ полѣ на искось, а по обѣимъ сторонамъ бѣлыя поля.

86. *Брянскій*, мортира золотая, а по сторонамъ по кучѣ бомбъ черныхъ, поле красное.

87. *Путивльской*, поле сверху бѣлое, а въ низу желтое, въ срединѣ сукно красное, кругомъ покромы красныя съ чернымъ, на сукнѣ два челнока золотые, съ цѣпками красными.

88. *Рыльской*, противъ новоучиненнаго: на желтомъ полѣ кабанья голова.

§ 73.

Въ 1730 году Марта 8 данъ указъ Правительствующимъ Сенатомъ Военной Коллегіи о томъ, что гербы эти, отчасти заимствованные изъ прежнихъ гербовниковъ, отчасти вновь *по приличеству городовъ* составленные, утверждены, и по нимъ слѣдуетъ изготовить для полковъ знамена, а для Губернаторовъ печати.

Въ этомъ указѣ прямо высказано, чѣмъ руководствовались составители городскихъ гербовъ при избраніи для нихъ эмблеммъ. Они застали: 1) гербы Русскіе, съ печатей перешедшіе, которые вездѣ и отмѣтили именемъ *старыхъ*, изрѣдка только по ошибкѣ приписывая ихъ Графу Санти. Древнимъ эмблеммамъ приданы, согласно правиламъ геральдики, *обстоятельства*, т. е. атрибуты (стоящіе вокругъ герба), которые также не были произвольны, а сообразовались съ цвѣтомъ, избраннымъ Государынею для знаменъ полковъ ([1]), въ тѣхъ городахъ расположенныхъ, и 2) прежніе гербы городовъ иностранныхъ, къ Россіи присоединенныхъ, особенно Остзейскихъ провинцій, каковы гербы Лифляндіи, Риги, Ревеля, Дерпта, Пернова, Эзеля, Вендена, Нарвы, Выборга и др. — Характеръ этихъ гербовъ совсѣмъ иной: они рѣзко отличаются своею рыцарскою загадочностью и сложностью отъ гербовъ Русскихъ какъ старыхъ, такъ и вновь составленныхъ.

Болѣе обширное поле было предоставлено геральдику при сочиненіи гербовъ для городовъ Русскихъ, на печатяхъ которыхъ не было тѣхъ постоянныхъ эмблеммъ, которыя могли бы найти себѣ мѣсто въ городскомъ гербѣ. Предварительно были вытребованы описанія го-

---

([1]) См. Приложенія 4 и 5.

родовъ, (¹) и при избраніи для нихъ *знаменъ* составители принимали три начала: 1) историческое, сообразно тому, какое событіе ознаменовало исторію города; 2) географическое, чѣмъ городъ изобилуетъ, что производитъ, какое въ немъ замѣчательное зданіе, укрѣпленіе и т. п. и 3) начало соотвѣтствія герба съ названіемъ города. Первое начало, хотя бы должно было послужить главнымъ источникомъ и руководителемъ въ этомъ случаѣ, примѣнялось рѣже другихъ, что можетъ быть объяснено тѣмъ, что исторія городовъ нашихъ была мало извѣстна. Мы укажемъ на гербы *Пермской* (по выше приведенному списку 22-й), свидѣтельствующій о крещеніи этой страны, *Суздальскій* (37), данный въ память того значенія, которое имѣло у насъ Суздальское Великое Княжество въ спорахъ удѣльныхъ Князей; *Углицкій* (38), напоминающій смерть несчастнаго Царевича Дмитрія Іоанновича; *Муромскій* (39), состоящій изъ аттрибутовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что городъ этотъ былъ когда-то главнымъ въ Княжествѣ. (Вообще княжескія шапка, престолъ, корона, держава избирались эмблеммами для гербовъ городовъ, бывшихъ прежде *стольными*, таковы напр. Тверь, Суздаль, Муромъ, Новгородъ, Коломна, Орелъ, Симбирскъ и др.); *Азовской* (42), состоящій изъ полумѣсяца и креста, въ знакъ того, что Азовъ былъ первоначально подъ Турецкимъ владычествомъ (символъ его-луна) и присоединенъ къ Православному Государству; *Полтавской* (49), напоминающій побѣду, одержанную Русскими надъ Шведами подъ Полтавою въ 1709 году; *Иваньгородскій* (70), съ вензелемъ Великаго

(¹) 1737 Нолбря 18 (№ 7443) Сенатскій.

Князя Іоанна Васильевича, въ память основанія имъ этой крѣпости въ 1492 году для обороны предѣловъ Россіи со стороны Ливонскихъ рыцарей ([1]).

Мѣстоположеніе городовъ, преобладающіе въ нихъ промыслы, укрѣпленія, дали эмблеммы для гербовъ С. Петербурга (4), Питершайца (74), Бѣлоозера (29), Свіяжска (45), Каргополя (59), Устюжны (60), (при которой Юга и Сухона сливаются и образуютъ Сѣверную Двину), Ладоги (62), Кронштадта (65), Шлюссельбурга (63) и др.—У городовъ, славящихся своимъ хлѣбопашествомъ или сбытомъ хлѣба, въ гербахъ видны снопы того или другаго хлѣба, на пр. у Пензы (44), Сѣвска (47), Дорогобужска (78), подобно тому, какъ города, отличающіеся скотоводствомъ, рыболовствомъ, пчеловодствомъ, имѣютъ для отличія лошадь, барана, улей, рыбу, таковы гербы Уфимскій (46), Самарскій (82), Царицынскій (83), Тамбовскій (55), Курскій (85), Путивльскій (87) и др.

Наконецъ въ гербахъ нѣкоторыхъ городовъ эмблеммы прямо соотвѣтствуютъ ихъ названію, напр. гербы Троицкій (31), Новотроицкій (32), Козловскій (56), Елецкій (58), Рыльскій (88).

Тѣми же началами руководствовались геральдики наши и послѣ этого первоначальнаго труда, давшаго гербы главнѣйшимъ городамъ, во время составленія ихъ существовавшимъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда являлась потребность въ сочиненіи новыхъ гербовъ для городовъ, или вновь основываемыхъ или присоединяемыхъ къ Державѣ Русской:

([1]) Карамзинъ И. Г. Р. Т. VI, стр. 163.

§ 74.

Замѣчательно, что извѣстному Графу де-Санти, который при Петрѣ Великомъ сочинялъ гербы въ Герольдіи и вообще былъ, какъ видно, знатокъ Геральдики, приписывается составленіе первыхъ городскихъ гербовъ. Изъ приведеннаго выше перечня гербовъ оказывается, что ему обязанъ своимъ гербомъ Петербургъ, что онъ далъ внѣшніе аттрибуты гербамъ старымъ; но вся работа, мы видѣли, принадлежитъ не ему. Тѣмъ не менѣе въ 1737 году Правительствующій Сенатъ, выслушавъ предложеніе Герольдмейстера объ имѣющихся въ Герольдмейстерской Конторѣ гербахъ городовъ, сочиненныхъ бывшимъ Герольдмейстерскимъ товарищемъ Графомъ Сантіемъ на полковыя знамена, и о присланныхъ для сочиненія гербовъ этихъ изъ губерній и провинцій описаніяхъ городовъ, приказалъ: срисовавъ съ гербовъ копіи, отослать ихъ въ Академію наукъ, а подлинные хранить въ Конторѣ. Въ эту же Контору велѣно было обратить, по переводѣ, отосланную въ Академію подлинную на Нѣмецкомъ языкѣ «регуловъ геральдическихъ печатную книгу» (1).

Какъ ни великъ былъ трудъ, Графомъ Минихомъ исполненный, имъ не могла окончится дѣятельность Государей нашихъ на этомъ поприщѣ: во первыхъ не для всѣхъ городовъ, уже существовавшихъ въ то время, были сочинены гербы, а для тѣхъ только, въ которыхъ были расположены полки; во вторыхъ они не были приведены въ порядокъ и распредѣлены по губерніямъ, и наконецъ въ третьихъ—безпрестанно возникали новые города, и прежнія мѣстечка возводились на степень городовъ. Все это было причиною, что въ царствованіе Импера-

(1) 1737 Ноября 18 (№ 7442) Сенатскій.

трицы Екатерины II было издано нѣсколько указовъ, которые довершили трудъ Графа Миниха [1]. Работа эта была возложена на герольдмейстера Князя Щербатова и Герольдмейстерскаго Товарища фонъ-Эндена, равно какъ на состоявшаго въ должности Герольдмейстера Волкова. Послѣднему до 15 губерній обязаны приведеніемъ въ порядокъ старыхъ и составленіемъ новыхъ городскихъ гербовъ, которые и удостоились Высочайшаго утвержденія.

Городовое Положеніе, данное Императрицею Екатериною II, 1785 г. Апрѣля 21-го, на права и выгоды городамъ Россійской Имперіи, сдѣлало гербъ необходимымъ для каждаго города [2].—По сочиненіи такого герба въ Герольдіи, онъ всякій разъ представляется на Высочайшее утвержденіе.

Наконецъ, когда блаженныя памяти Государь Императоръ Павелъ Петровичъ повелѣлъ собрать дворянскіе гербы и издать Гербовникъ, было предписано составить въ Герольдіи Общій Гербовникъ городовъ Россійской Имперіи, съ тѣмъ, чтобы подлинникъ, по воспослѣдованіи на него Высочайшаго утвержденія, хранился въ Герольдіи, а копіи съ него выдавались городамъ за опредѣленный денежный взносъ.

---

(1) Указываемъ на важнѣйшія объ этомъ предметѣ постановленія: 1777 г. Марта 10 (№ 14596); 1778 г. Марта 8 (№ 14717); 1778 г. Іюня 20 (№ 14765); 1779 г. Мая 29 (№ 14884); 1780 г. Января 8 (№ 14964); Мая 7 (№ 15012); Октября 2 (№ 15069); Октября 10 (№ 15072, 15073); Декабря 22 (№ 15101); 1781 г. Мая 28 (№ 15162, 15164, 15165); Августа 16 (№ 15205, 15206, 15207, 15208, 15209, 15210, 15211); 1781 г. Августа 23 (№ 15215); Сентября 21 (№ 15236, 15237, 15238); Октября 18 (№ 15260); Декабря 20 (№ 15304); 1782 г. Іюня 4 (№ 15422, 15423, 15424); Іюня 8 (№ 15427); 1783 г. Іюля 17 (№ 15786); 1784 г. Марта 8 (№ 15953); 1785 г. Марта 17 (№ 16164) и др.

(2) 1785 Апрѣля 21 (№ 16187), п. 28.

§ 75.

Оканчивая тѣмъ исторію городскихъ гербовъ, считаемъ нелишнимъ обратить вниманіе на форму щита, въ который вмѣщались въ разное время городскіе гербы. Изъ сравненія памятниковъ отечественной старины, на которыхъ гербы Русскіе сохранились, оказывается, что твердыхъ и непреложныхъ правилъ на этотъ предметъ не существовало, а все или, по крайней мѣрѣ, очень многое зависѣло здѣсь отъ произвола и вкуса художника. Изображенія, снятыя съ разныхъ памятниковъ оффиціальныхъ, равно какъ и неимѣющихъ такого характера, вполнѣ доказываютъ справедливость сказаннаго (см. табл. XV, рис. 2, 3, 4, 5, 7, 8, 9) Тѣмъ не менѣе однако нельзя не замѣтить, что чаще выбирали щитъ Русскій, чѣмъ всякій другой иностранный, а такъ какъ въ древней Россіи онъ былъ круглый или овальный, то онъ избранъ для областныхъ знаменъ, печать Іоанна Грознаго окружающихъ, равно какъ Корбомъ для приложеннаго къ его древнику Государственнаго герба (табл. XVII) и наконецъ Миннихомъ для тѣхъ городскихъ гербовъ, которые были утверждены въ 1730 году и реестръ, которымъ означенъ выше. Въ послѣдствіи щитъ измѣнился, и для городскихъ, равно какъ для частныхъ гербовъ усвоена форма щита Французскаго, преобладающая у насъ до сихъ поръ.

———

ОГЛАВЛЕНІЕ

Книги 1-й.

Часть Вторая.

Исторія печатей въ Россіи.

Часть Третья.

Таб. 1.

Таб. II

1 2 3

4 5 6

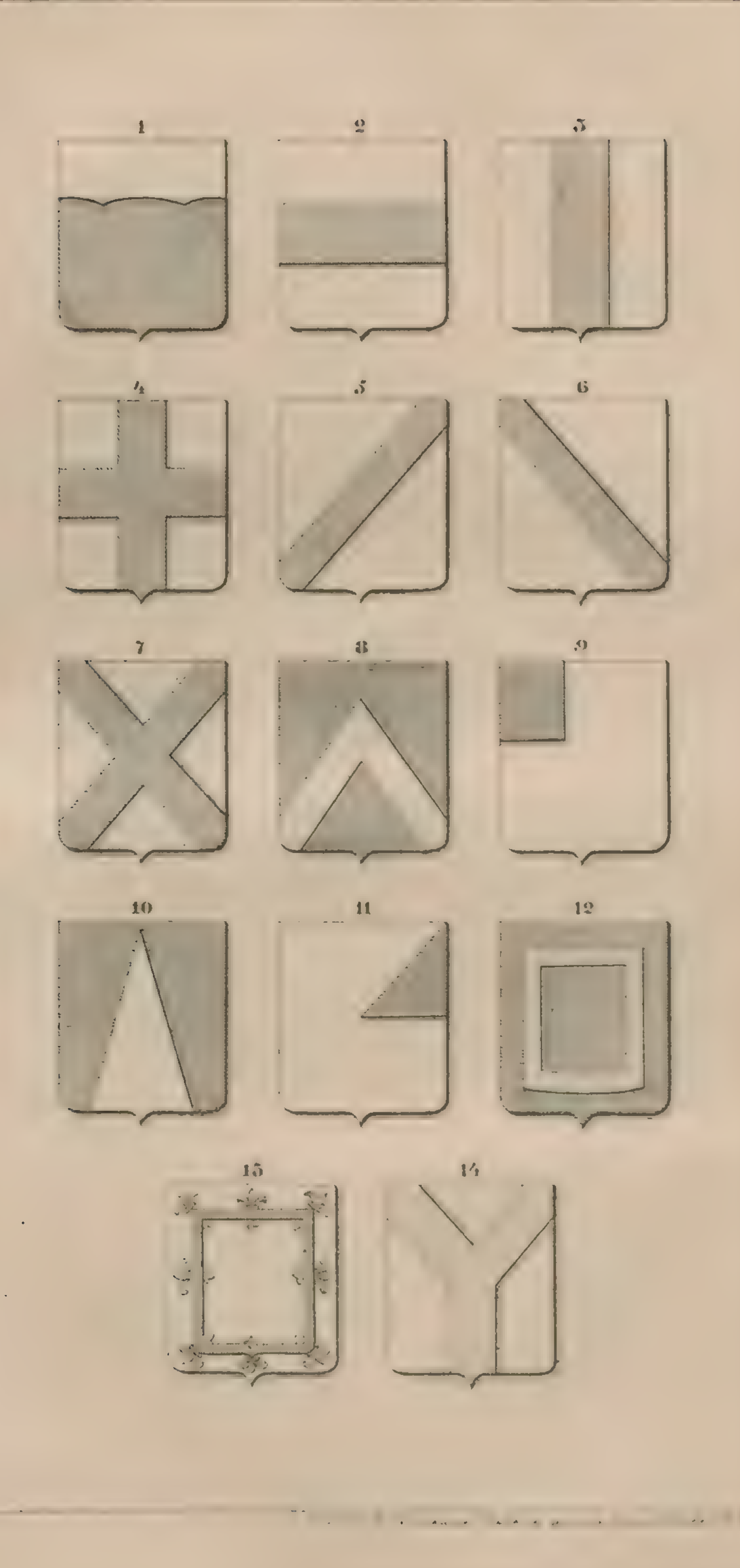
7 8 9

10

11 12 13 14

15 16 17 18

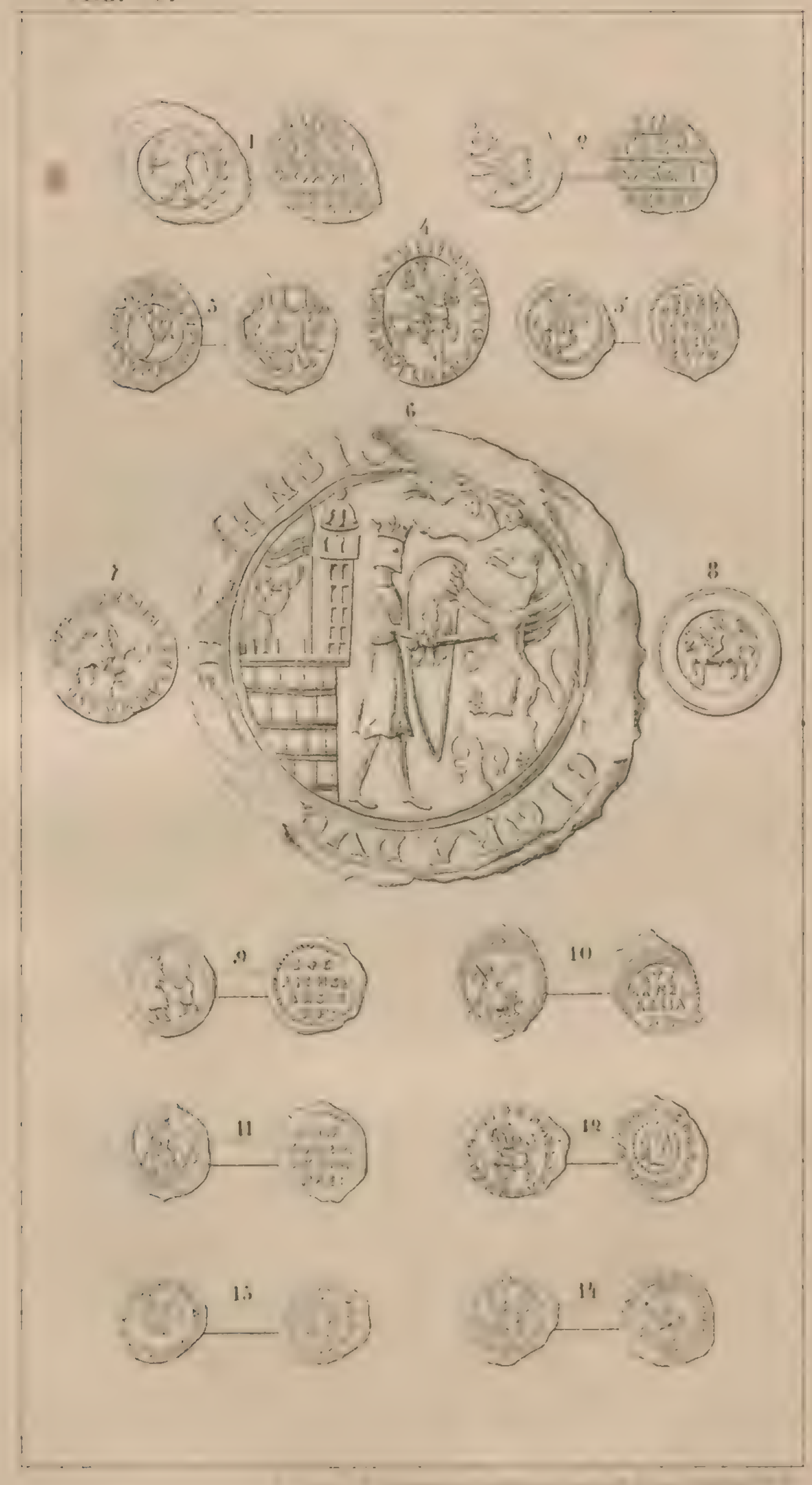
Таб. III.

Таб. IV.

Таб. V.

Таб. VI.

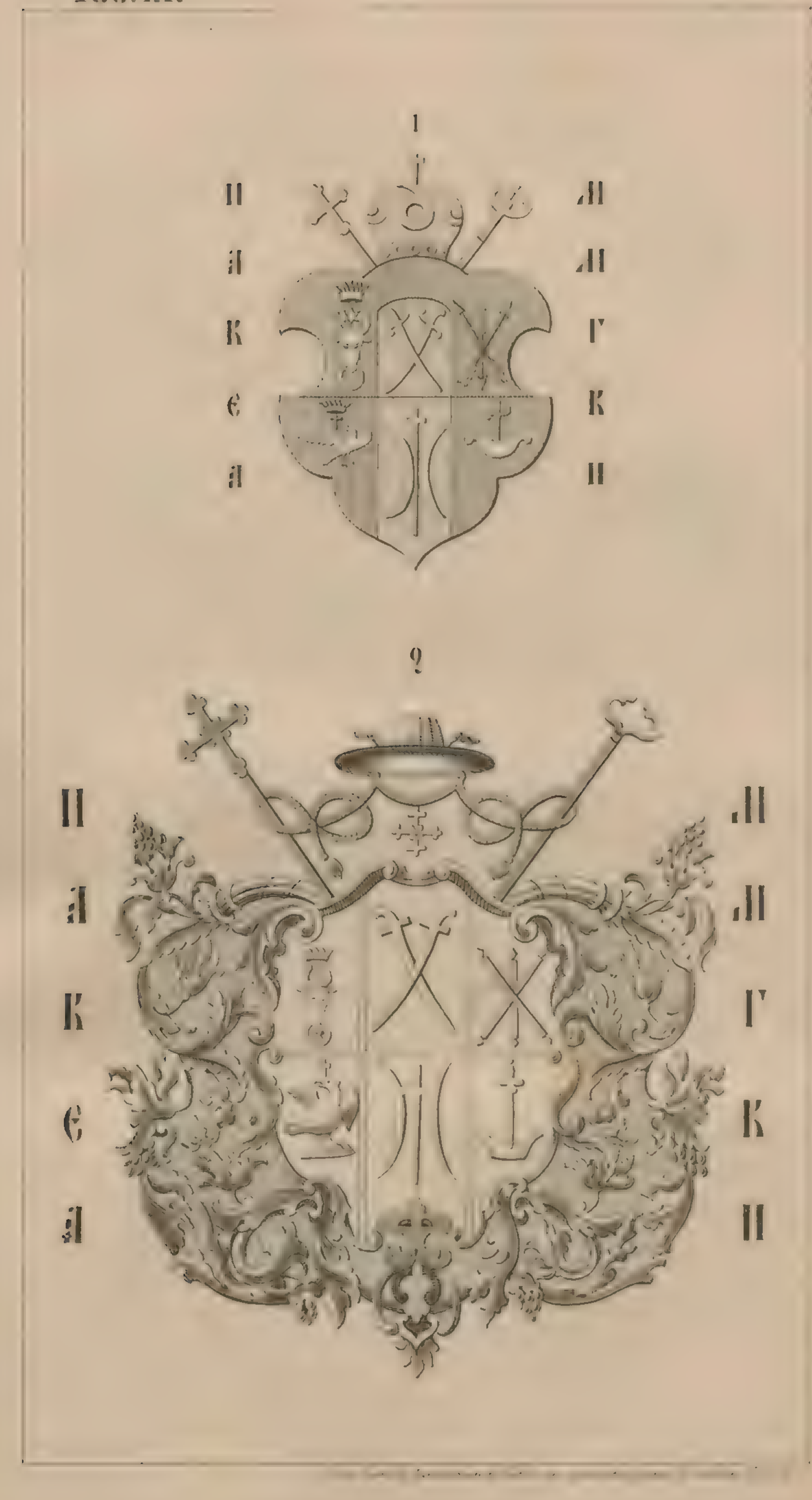
Таб. VII

Таб. VIII.

Таб. IX.

Таб. X.

Таб. XI.

Таб. XII.

Таб. XIII.

Таб. XIV.

Таб. XV.

1 2

3 4 5

6

7 8 9 10

Таб. XVI.

1 7 2

3

4 6 5

Великоградъ печать Кормления.

Таб. XVII.

Таб. XVIII.

1

2

3

4

5

6

7

